

**ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО «РАДЕТЕЛЬ»**

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

20

Личность в историческом процессе

МОСКВА

2019

Главный редактор: д.и.н., проф. С.В. Алексеев

Редакционная коллегия:

д. и. н. Д.М. Володихин (заместитель главного редактора),
д.и.н. О.А. Плотникова,
к.и.н., доц. Г.А. Елисеев,
к.и.н., доц. О.И. Елисеева,
к.и.н., доц. А.А. Инков (ответственный секретарь)

Редакционный совет:

д.и.н., проф., заслуженный деятель науки РФ А.А. Королев (председатель),
д.и.н., проф. С.В. Алексеев,
д.и.н. А.П. Богданов,
д.и.н., проф. Ю.А. Васильев,
д.и.н., проф. Д.Д. Пеньковский,
д.и.н., проф. С.И. Реснянский,
д.и.н. А.Б. Ручкин

Историческое обозрение. Вып. 20. М.: НП «Историко-просветительское общество «Радетель»»; Изд-во НИБ, 2019. — 108 с.

Тема двадцатого выпуска ежегодного альманаха — «Личность в историческом процессе». Выпуск включает научные статьи, посвященные соответствующей тематике, в том числе материалы одноименной научной конференции, прошедшей в Москве 7 июня 2018 года. Организаторами конференции являлись Карамзинский клуб, Историко-просветительское общество «Радетель» и Неправительственный инновационный центр.

© НП ИПО «Радетель», 2019
© Авторы статей, 2019

Издательство Национального института бизнеса
111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5, к. 6
Подписано в печать 2.02.2019. Тираж 100 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Алексеев С.В. Князь Олег Вещий: эпос и история	4
Володихин Д.М. Митрополит Московский и всея Руси Дионисий Грамматик как предполагаемый автор идеи об учреждении патриаршей кафедры в Москве	28
Богданов А.П. Прения с греками о вере Арсения Суханова и малороссийские дела	45
Анохина А.В. Исторические взгляды А.А. Бестужева	56
Соловьев К.А. Дмитрий Олсуфьев: на идеологическом перепутье	65
Елисеев Г.А. В.В. Розанов о событиях 1917 года. Эволюция взглядов писателя в его постреволюционной публицистике	72
Иртенина Н.В. Русский инженер, один из «Промпартии»: А.А. Федотов	81
Музафаров А.А. Владимир Александрович Лебедев: загадки биографии	98
Сведения об авторах и аннотации статей	105
Правила представления рукописей авторами	107

КНЯЗЬ ОЛЕГ ВЕЩЕЙ: ЭПОС И ИСТОРИЯ¹

При воссоздании исторического прошлого раннеписьменной и дописьменной эпох принципиально важным является понимание того, в каком соотношении находятся сохраняемые традицией образы с реальными историческими фактами. Первая задача, которую следует решить на этом пути (и которая, к несчастью, далеко не всегда принимается всерьез) — вычленение из суммы известного того, что действительно известно достоверно, из синхронных источников. Это подразумевает освобождение (хотя бы временное) от магии «стержневых» источников, чьи сведения нередко принимаются как данность даже при критическом отношении. Итак, имеет смысл идти — решение довольно банальное, но не всегда очевидное — от ранних источников к более поздним, а не наоборот, отыскивать в первых подтверждения для последних. Автором этих строк уже проделан подобный эксперимент с летописными известиями о князе Владимире Святом (Алексеев, 2018). Данная статья посвящена другому образу и другому, более раннему периоду формирования Древнерусского государства.

Князю Олегу Вещему посвящено немало работ, в том числе одна специальная автора (Алексеев, 1999). Данную статью не следует рассматривать как «работу над ошибками» — в прежней решались иные задачи, — хотя некоторые выводы здесь действительно существенно меняются. Главный тезис прежней работы — о сопоставимости русских и скандинавских традиций, о возможных исторических основаниях их совпадений, — сомнению не подвергается. Но метод здесь принципиально иной, во многом обратный более традиционному, отработанному в прежней статье, — и это не может не влиять на выводы.

Общие сведения о Руси (точнее, о руси — этнической или этносоциальной группе) в начале X в. содержатся в сочинениях восточных авторов. Они достаточно подробно, хотя не всегда прозрачно для современных исследователей, обрисовывают политическую и экономическую ситуацию в Восточной Европе. Описание руси и славян в сочинении Ибн Русте «Книга дорогих ценностей» (903–925 гг.) (Древняя Русь, III, 2006: 43–50) опирается, по давно принятому мнению, на «Анонимную записку» второй половине IX в. Сочинение ал-Истахри «Книга путей и стран» (ок. 930–950 гг.) (Там же: 82–86) отражает сведения, полученные к первым десятилетиям X в.

Ибн Русте характеризует место обитания русов как «остров... протяженностью три дня пути», лесистый и болотистый. Среди многочисленных идентификаций «острова русов» наиболее вероятны две, — скорее всего, на деле «остров» восточных авторов был продуктом их смешения. С одной стороны, по восходящей к античности традиции островом считалась Скандинавия. С другой стороны, как «островное» легко было истолковать скандинавское название северного славянского центра (позднее Новгорода) Хольмгард (holm — остров). Ибн Русте упоминает «много» богатых городов русов. То, что Ибн Русте помещал русов в Восточной Европе, следует из сведений об их торговых связях с волжскими болгарами и хазарами. Кроме того, упомянутый им обряд трупоположения в домовине отмечен в этот период в Среднем Поднепровье.

Истахри помещает русов на географической карте гораздо четче — по соседству с Волжской Болгарией, «между ними и славянами», в верховьях Волги. Киев («Куяба»), наряду с «Салавийей» и «Арсой» — центры «трех видов» русов. Киев оценивается как крупный торговый город, «больше чем Булгар», расположенный от по-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант №17-06-00008А, «Устная историко-эпическая традиция в древнейших памятниках славяноязычной литературы».

следнего в 20 переходах. «Салавийя» — «вид их самый отдаленный», что позволяет соотносить ее со словенскими ильменскими либо со Словенском-Изборском. Арса — источник «черных соболей и олова», что, видимо, должно объяснять слухи о том, будто там убивают любых чужеземцев. Достигается она из Булгара по Волге. Вероятно, всё это указывает на какую-то местность Волго-Окского бассейна (чаще всего думают о Сарском городище под Ростовом).

Истахри свидетельствует даже не столько о движении русов на юг (свидетельства об их действиях на Черном море в первой половине IX в. убедительны, а с середины века бесспорны), сколько о смещении их центра. Ко времени, отраженному в его известиях, Киев являлся, на взгляд восточного наблюдателя, важнейшим столичным городом русов. В то же время не единственным — свой «царь» есть и в Арсе, и, вероятно, в «Салавийи».

Ибн Русте упоминает «царя, именуемого хакан-рус». Титулование правителя русов каганом отмечено и в латинских источниках IX в. (Древняя Русь, 2010: 19, 23). У Истахри Русь оценивается как «государство», управляемое, как уже сказано, минимум двумя «царями», главный из которых в Киеве. В сочинении Ибн Русте русы предстают как дружинники, не занимающиеся сельскохозяйственным трудом и живущие за счет грабительских набегов и торговли. Личные отношения между ними могут быть весьма враждебны, но во внешних войнах они всегда объединяются. «Царь» предстает как верховный арбитр, суд которого, впрочем, может быть перерешен поединком тяжущихся. В обществе выделяются «знатные». Царем «повелевают... как начальники» жрецы-«знахари», обладающие правом человеческого жертвоприношения «Творцу» по своему выбору.

Ибн Русте описывает русов как постоянных и опасных врагов славян, на которых русы нападают на кораблях, угоняя людей и захватывая добро. Они «живут лишь тем, что привозят из страны славян». Воинственность русов — лейтмотив их описания у Ибн Русте. При этом он пишет, что русы «на коне смелости не проявляют и все свои набеги и походы совершают на кораблях», притом что лошади у них есть. Тот же автор говорит о высоком качестве мечей, основного оружия русов («сулаймановы», т.е. франкские мечи) — деталь, вполне подтверждаемая археологически.

Ибн Русте отмечает, что основным источником существования русов наряду с войной является торговля. Захваченных рабов-славян русы продают в Хазарии и Волжской Болгарии. Кроме того, они продают «соболей, белок и прочую пушнину». По Истахри, Русь и Волжская Болгария — источники поступающих на Восток из Хазарии меда, воска и бобровых шкур (последние «возят по всему свету»). Купцы из Хазарии достигают Киева. Купцы из Арсы сами привозили свои товары по Волге «и не позволяли никому сопровождать их». Сами русы, помимо хазар и волжских болгар, торгуют с Византией. Торговые связи русов с Византией на рубеже IX/X вв. отразились и у греческого автора Никиты Давида Пафлагона. «Скифы... населяющие северные берега Эвксина» по морю прибывают в Амастриду на севере Малой Азии для торговли, «привозят сюда свои и забирают амастридские товары» (Бибиков, 2009: 194). Торговля русов с Византией, а также торговля (прежде всего, работоторговля) на Руси являются определяющей темой русско-византийских договоров первой половины X в.

Из «Книги стран» Ибн ал-Факиха (903 г.; дополняет более ранние сведения Ибн Хордадбеха) известно, что восточнославянские купцы возвращались из Византии через хазарский Самкерц (позднейшую Тмутаракань). Продолжалась и интенсивная торговля с мусульманским Востоком по волжскому или волго-донскому пути, описанная Ибн Хордадбехом. Во времена Ибн ал-Факиха привозимые славянами (у Ибн Хордадбеха — русы) «шкурки лисиц и зайцев» доставлялись в Рей в Южном Прикаспии (Древняя Русь, III, 2009: 35).

Еще одно направление торговли русов в те же годы известно из немецкого Раффельштеттенского таможенного устава. «Славяне, отправляющиеся для торговли от русов» достигали баварских торгов на Среднем Дунае. Привозили они, среди прочего, рабов, лошадей, воск. Обязанности им устав определяет наравне с чешскими купцами (Назаренко, 1993: 65–67). Отсюда можно видеть, что русы на протяжении второй половины IX в. освоили уже западный отрезок трансъевропейского торгового пути. Ранее о нем писал Ибн Хордадбех, а в начале X в., лишь отчасти со слов последнего, Ибн ал-Факих. Первоначально путь проложили еврейские купцы разанийя (или «рахданийя»), ездившие с запада через славянские земли в Хазарию и дальше на восток (см.: Древняя Русь, III, 2009: 32, 35).

В то время, как многие описанные Ибн Русте черты русов недвусмысленно указывают на скандинавов, сведения его об обычаях русов далеко не столь однозначны. Говоря об одежде русов (ранее упоминаются «пояса», используемые как кошель для денежной выручки, и «золотые браслеты»), он упоминает «широкие шаровары» из «ста локтей материи». Погребальный обряд знатных русов, по Ибн Русте, — трупоположение в «могиле в виде большого дома». За умершим следует богатый инвентарь и любимая жена, оставляемая в домовине на голодную смерть.

Истахри описывает русов как народ с собственным языком («другим, чем язык хазар и буртасов», но не более). Они одеваются в «короткие куртки» (по сравнению с тюркскими племенами), «часть... бреет подбородок, а часть закручивает подобно лошадиным гривам». В отличие от Ибн Русте, Истахри говорит о трупосожжении у русов, — «народ сжигает своих умерших, и сжигает вместе с имуществом близких для их блага».

Обряд трупосожжения у русов упоминают и другие авторы — в первую очередь Ибн Фадлан (922 г.). Его подробное описание сожжения в погребальной ладье (Древняя Русь, III, 2009: 71–76) содержит явные черты скандинавского ритуала эпохи викингов. С другой стороны, трупоположение, описанное Ибн Русте, а позднее Ибн Мискавайхом (Там же: 104), мало похоже на скандинавские аналоги. На севере Восточной Европы ингумация вообще не встречается в дохристианское время, что исключает проникновение обычая из Скандинавии. Такие погребения действительно есть в приднепровских землях IX–X вв., и связаны с давним местным наследием степного происхождения. Таким образом, сопоставление свидетельств восточных авторов достаточно четко указывает на полиэтничный характер первоначальной руси. Русы начала X в. — скорее этносоциальная группа, военно-торговые дружины, чем этнос.

В то же время значимость скандинавского элемента в этих дружинах не вызывает сомнений. Наиболее надежное свидетельство такой значимости — граффити на восточных монетах из кладов Восточно-Европейской равнины IX–X вв. Прежде всего, самая значительная группа надписей на монетах — рунические граффити, имеющие ясные параллели и в скандинавских кладах. Рисунки же на монетах отражают культуру воинов-мореплавателей (оружие, корабли, питьевые рога), знакомых со скандинавской религиозной символикой. С конца IX в. на монетах из Восточной Европы появляются изображения двузубца, являвшегося позднее родовым знаком Рюриковичей. Это может указывать на начало истории династии. Предполагалось как северное происхождение этого символа (от схематичного подобия корабля), так и южное, восходящее к тамгам иранских кочевников (см.: Мельникова, 2001: 105–113).

На присутствие в дружинной среде славянского элемента ясно указывают первые надписи кириллицей, появившиеся именно в начале — первой половине X в. Кириллица была изобретена в Болгарии лишь незадолго до того, и быстрое восприятие ее русской дружиной может быть объяснено только наличием в ней заметной славянской составляющей. Древнейшая кириллическая надпись на Руси — слово «Горухша» или

«Горунша» на привозной амфоре из дружинного кургана в Гнездове первой четверти X в. Скорее всего, это имя похороненного владельца сосуда — судя по другим найденным в кургане вещам, воина и торговца, ведшего дела на юге (Медынцева, 2000: 21–31). Другая, возможно, — граффити РВ на восточной монете 912 г. из того же Гнездова (Мельникова, 2001: 107).

Регулярные торговые связи русов с Византией на рубеже IX/X вв. не исключали военных конфликтов. К тем же самым примерно годам, что и речь Никиты Давида Пафлагона, относится «Тактика» императора Льва VI Мудрого. По его словам, те же самые «борейские скифы» нападают на Византию, спускаясь в «небольших, легких и быстроходных челнах» по рекам в Понт (Лев VI, 2012: 305). Писавший столетие спустя компилятор «Тактики» Никифор Уран не усомнился отождествить этих скифов с росами (Бибиков, 2004: 401–402), что представляется вполне оправданным.

Следует заметить, что русы во всех описаниях этого периода и в договоре 911 г. предстают как язычники, вопреки описанным византийскими авторами IX–X вв. фактам крещения их и их вождей. Очевидно, что языческая реакция, появление нового династического символа и возобновление набегов на Византию могут быть звеньями одной цепи. В то же время из договоров Олега с Византией следует, что главной целью русов было обеспечить интересы своей торговли с греками. Вероятнее всего, привилегии, добытые прежними вождями русов в IX в., не перешли на их преемников-язычников, что и провоцировало конфликты.

В связь со сведениями «Тактики» Льва можно поставить первое упоминание русов в «Хронике» Псевдо-Симеона — созданной после 963 г. компилятивной редакции «Хроники» Симеона Логофета. Рассказ о событиях примерно 904 г. в «Хронике» прерван серией этногеографических глосс, в которых ряд исследователей видят след утраченного фрагмента текста (см.: Кузенков, 2011). Среди этих глосс ключевой признается этнонимическая легенда о происхождении названия русов от вождя по имени Рос. Вместе с тем, все построения такого рода обычно идут от рассказа русской летописи к греческому тексту, в порядке поисков подтверждения первому. Особенно парадоксальным и никак не связанным с текстом глосс представляется желание видеть в «Росе» Олега. Даже если гипотетический поход Олега был отражен в утраченной части текста, в сохранившейся глоссе речь идет не о «современном» правителе, а о легендарном героепредке. Недаром та же самая глосса слово в слово повторяется в связи с походом Игоря 941 г. С учетом всего этого, разумнее представляется позиция более осторожного толкования данного фрагмента (см.: Бибиков, 2004: 72–73; Бибиков, 2009: 269–270).

Нормализация отношений между Русью и Византией, а также суть противоречий сторон, отражаются в русско-византийских дипломатических актах 907 и 911 гг. Эти древнейшие русские документы сохранились только на древнерусском языке и только в составе русской летописи — «Повести временных лет» (далее ПВЛ) начала XII в. Договора Руси с Византией 907–971 гг. отсутствовали в Начальном летописном своде (далее НС), отраженном Новгородской первой летописью, и появились только в ПВЛ. Подлинность договоров являлась и отчасти остается предметом научной дискуссии. Однако подавляющее большинство специалистов признают в сохранных летописью текстах либо воспроизведение русских оригиналов, либо перевод подлинных актов. С точки зрения отраженных правовых норм, дипломатического протокола, юридических формул договора вполне соответствуют византийской практике X в. (см.: Бибиков, 2004: 68–71; Бибиков, 2017: 51–53). Следует иметь в виду и то, что знакомство летописца с договорами побудило его пересмотреть созданную НС картину начала Руси. Договора послужили Нестору (полагаем его автором ПВЛ) основанием к серьезной

коррекции сведений об Олеге и Игоре, коснувшейся и хронологии, и содержания летописи. Подробнее это будет рассмотрено позже.

Договор или скорее предварительное соглашение 907 г. (ПРП, 1952: 64–65; Бибииков, 2017: 55), вызывает сомнения у многих исследователей, в том числе своим чрезмерно выгодным русам содержанием. Соглашение явно пересказано летописцем своими словами, содержит текст, дословно или почти дословно совпадающий с другими договорами, а также детали из сказания НС. Однако есть аргументы в пользу его подлинности. Соглашение, хотя не отвечает полному формуляру византийской дипломатики, несет отдельные черты его. Среди них — и отсутствующая в договорах норма о банях (см.: Бибииков, 2004: 68–69). Перенос летописцем на 907 г. из договора 911 г. пропущенных (или утраченных) там положений о пребывании русских купцов¹ сомнителен, поскольку смысл операции неясен. Вообще, причины компилирования нового документа из положений договоров 911–971 гг. не мотивированы. Самый же веский аргумент — летописная датировка соглашения и похода Олега. В НС дата 907 г. отсутствовала. Объяснить ее из устного предания вряд ли возможно за отсутствием ясных опорных пунктов, от которых она могла быть отсчитана. В византийских источниках похода Олега нет. Следовательно, единственно возможным источником для датировки похода Олега в ПВЛ являлось соглашение его с греками, — основной новый компонент в рассказе о походе..

К первоначальному тексту соглашения 907 г. надежно могут быть возведены пункты условий, выдвинутых и принятых сторонами, и (с несколько меньшей надежностью) клятвенные формулы в конце. К нему же, вероятно, восходит перечень послов (то, что все они, наряду с другими, участвовали в переговорах 911 г., не может служить аргументом против). Кроме того, оригинален перечень русских городов, пришельцам из которых по соглашению полагаются «уклады». Этот перечень не имеет ни аналогов в статье 922 г. НС, ни параллелей в договорах, ни оснований в самом летописном тексте и явно происходит из нелетописного первоисточника. Он послужил летописцу вероятным поводом добавить отсутствовавшие в НС упоминания Полоцка, Ростова и Любеча в статьи 862 и 882 гг.

Соглашение достаточно емко характеризует причины его заключения и требования сторон. Ромеи настаивали в первую очередь на том, чтобы князь запретил русам «творить пакость» в пределах Византии. Русы добивались значительных привилегий для своих послов и купцов — в первую очередь, беспошлинной торговли и содержания их за счет императорской казны. «Слебное» для послов требовалось в неограниченном размере («сколько захотят»), для купцов же полагалось полугодовое «месячное» из хлеба, вина, мяса, рыбы и овощей. Тем и другим давалось неограниченное право пользоваться греческими банями, а также полагались припасы и снаряжение «сколько нужно» на обратный путь. Этот набор требований был удовлетворен. Регулярный «уклад» такого рода, возможно, и воспринимался русами как наложенная на греков «дань». Но византийская сторона настояла, что месячное будет положено только переписанным поименно торговцам, селящимся в предместье Константинополя у монастыря Святого Мамонта. Они допускались к беспошлинной торговле в столице, но должны были входить в город не более чем по 50 человек, в сопровождении чиновника и без оружия.

Крайне выгодные для русов условия соглашения 907 г. могут объясняться только их военным давлением на Византию и необходимостью от этого давления избавиться. Угроза с Черного моря в принципе была избыточной для империи, флот которой боролся в те годы против североафриканских арабов. Не исключено, что соглашение 907 г. действительно являлось «полевым», как его иногда определяли, — заключенным

---

¹ Между тем, на нормы, связанные с их отъездом, есть ссылка в договоре 944 г.

в ходе конкретного набега, возглавленного самим Олегом. Текст подразумевает нахождение русов неподалеку от Константинополя. Парадоксально здесь то, что все эти выводы ничего не говорят об исторической основе летописного рассказа. Пересказ соглашения вставлен в него вторично и изначально не имел к нему никакого отношения (как и дата, если она взята из соглашения). Именно содержание исходного текста навело летописца на мысль объединить его с доставшимся от НС преданием о походе. То, что текст пересказан, может быть связано с его плохой сохранностью. Текст следующего договора 911 г. имеет явные лакуны, заметны они и в договоре 944 г.

Договор 2 сентября 911 г. (ПРП, 1952: 6–10; Бибиков, 2017: 56–59), заключенный от имени «великого князя русского» Олега, являлся не пересмотром, а дополнением и расширением соглашения 907 г. Именно он официально устанавливал мир между русами и греками (тем самым косвенно подтверждая для нас факт прежней войны). В договоре рассматриваются преимущественно вопросы уголовного и гражданского права, связанные с пребыванием русов в Византии и греков на Руси. Разбираются различные ситуации потенциальных конфликтов: убийства и избиения, кражи и разбой, кораблекрушение, кража или бегство раба, отъезд должника. Интересно, что два последних казуса разбираются только применительно к русам в Византии (там пропадали русские рабы и туда бежали должники с Руси). С другой стороны, случай убийства и грабежа потерпевших кораблекрушение разбирается только применительно к Руси. Греки, со своей стороны, обязуются «с честью» помочь русским купцам добраться до столицы. Обоюдны обязательства снаряжения и поддержки потерпевшим в любом случае, но русы обязались продать максимум товаров с пострадавшей ладьи в Византии.

Явным достижением русской стороны следует считать разбирательство «по закону Русскому» — очевидно, известному обеим сторонам обычному праву. Он применялся при убийстве и побоях, в последнем случае с прямой ссылкой. В обоих случаях в основу клался принцип возмещения — часть имущества бежавшего убийцы полагалась семье убитого, побои же наказывались штрафом в 5 литр серебра или в размере всего имущества до одежды. Застигнутый на месте преступления убийца или сопротивляющийся вор, а также неимущий убийца в розыске считались вне закона и подлежали смерти. Клятвы при судопроизводстве произносились «согласно вере своей» и требовались при недостаточной убедительности доказательств от обвиняющей стороны. Это также было выгодно русам, чаще бывавшим в Византии и чаще выступавшим в качестве пострадавших в суде.

Императоры обязались нанимать на военную службу во время войны всех пожелавших этого русов. В случае смерти наемника его имущество в отсутствие завещания и находящейся в империи родни подлежало отправке на Русь. Пленные с обеих сторон, в том числе проданные в третьи страны, подлежали возвращению на родину за выкуп. В то же время русы обещали выкупать рабов-христиан, попавших на Русь и иными путями, в том числе привезенных со стороны. За них устанавливался выкуп в огромном размере 20 золотников (византийских солидов), что обеспечивало русам надежное возмещение затрат и прибыль.

Договора позволяют сделать ряд выводов о политическом устройстве Руси и этническом характере ее элиты. Во главе ее стоит «великий князь русский» — Олег. Другой княжеский титул, упоминаемый в договоре 911 г. — «князь наш светлый», причем наряду с общерусским «светлым князем» имеются и другие «князья наши светлые русские». В соглашении 907 г. упоминаются «русские грады» в определенной последовательности — Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч, а затем «прочие». Киев, очевидно, — резиденция Олега. В остальных «сидят князья, под Олегом сущие». Послов в 911 г. отправляет Олег, но «желанием наших князей и по повелению от всей

под рукой его сущей руси». Олега окружают «светлые боляре» — понятие, в преамбуле договора почти отождествляемое со «всеми сущими под рукой его».

Названия всех «русских градов», упомянутых под 907 г., — славянского происхождения. На первых местах после Киева стоят Чернигов и Переяславль. Оба «града» были основаны не ранее начала X в. (Древняя Русь, 1985: 69–72), то есть, исходя из свидетельства 907 г., именно при Олеге. Названия обоих городов происходят, по мнению лингвистов, от личных имен — очевидно, их основателей. Чернигов — от имени-прозвища «Черниг» или «Чернига»; Переяславль — от славянского двусоставного «княжеского» имени «Переяслав» (Етимологічний словник, 1985: 100, 173–174). Следовательно, князьями времен Олега в этих «градах» были их славянские основатели. Названия Ростова и Любеча, кстати, тоже отыменного славянского происхождения, но основаны они были, видимо, еще в IX в.

Под 907 г. летописец называет следующих послов: Карл, Фарлоф, Вельмуд (или Верьмуд), Рулав, Стемид (или Стемир). В договоре 911 г. приводятся те же имена и еще несколько: Ингельд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост. Славянских имен здесь нет, зато германские почти все (кроме «Актеву», тоже явно неславянского – скорее тюркского). Одни из них хорошо известны в Скандинавии (Карл, Ингьяльд, Вермунд, Хрольв, Хроальд, Хьёрлейв, Хроар, Фасти). Другие менее распространены, но тоже легко распознаются (Фарульв, Стейнмуд или Стейнмар, Лейдольв). Точное отождествление «Карн» и «Труан» остается под вопросом, но доказуемые и узнаваемые соответствия им есть также только германо-скандинавские (Карр, Триунн).

Однако уже договор Олега, скорее всего, составлен на славянском языке. О составлении договора на двух «харатях» говорит акт 911 г. Нестор вряд ли мог выступить переводчиком — он использует византийские источники только в русских переводах. Как уже говорилось, с начала X в. на Руси появилась кириллица. Договора с Византией позволяют сделать вывод о мотивах ее восприятия. Славянская азбука была импортирована изначально для дипломатических нужд из Болгарии, где незадолго до этого ее и создали. Восприятие кириллицы стало частью первого болгарского влияния на русскую культуру и политику — необходимого русам для посредничества с Византией. В договорах Олега и Игоря об использовании русами какой-то знакомой и им, и грекам системы письма говорится недвусмысленно несколько раз. Известно о письменных завещаниях. Кириллица, созданная в тех же видах в Болгарии на основе тамошней традиции пользоваться греческим алфавитом, подходила как нельзя лучше. Писец договора сам мог быть южным славянином (или хорошо владеющим славянской речью греком).

Всё это свидетельствует как минимум о двуязычии русской знати — а также о том, что Русь воспринималась в Византии как преимущественно славянское государство. «Русского» языка (или подходящей ему письменности) в императорской канцелярии 911–944 гг. не знали. А славянский оказался вполне достаточен в качестве официального «русского» для обеих сторон переговоров.

Еще более существенный момент — отсылки к религии русов в договорах. В 907 г. послы Олега клянутся «Перуном, богом своим, и Волосом, скотьим богом». Позднее Перун называется и в договоре 944 г. Это свидетельствует о быстром смешении различных этносов в русской дружине — причем господствовало в этом смешении славянское, а не скандинавское начало. Нет оснований полагать, что процесс не начался и не принял именно такое направление уже в начале X в. Русы поклонялись славянским языческим богам. В то же время наряду с богами и на первом месте они «клялись оружием своим», В 911 г. они клялись уже только «оружием», причем преамбулу можно понять так, что они добились той же клятвы и от греков(!).

Возвращаясь к первому болгарскому влиянию, соблазнительно было бы увидеть в нем составные части определенной «политической программы». Во всяком случае, объективно проведенные при Олеге меры оказались направлены на «славянизацию» полиэтничной элиты русов. Во-первых, была воспринята славянская азбука. Во-вторых, принята не только славянская (князь, «великий», «светлый»), но тогда еще специфически болгарская (боляре) политическая терминология. Однако целью «реформ» было лишь облегчение дипломатической коммуникации северных выходцев с Византией. Столкнувшись с необходимостью представить Русь как государство, Олег понял, что предпочтительно государство славян, хорошо знакомых грекам. Недавние реформы крестителя Болгарии хана Богориса (ставшего князем Борисом-Михаилом) могли послужить определенным образцом. Но в любом случае Болгария была единственно известным Олегу славянским государством, имевшим регулярные дипломатические сношения с Византией.

Принятие христианства, очевидно, для большинства русов Олега было исключено. Однако с заданными целями логично было формально унифицировать пантеон на основе славянского, опираясь на примерное соответствие славянских и скандинавских божеств. Норманнская часть дружины вполне могла видеть в Перуне Тора, а в Волосе, возможно, Одина. Это был менее эффективный путь, чем пройденный тюрко-болгарами, ассимиляции которых со славянами окончательно открыло путь крещение. И в отличие от преобразований крестителя Болгарии, результаты предпринятых Олегом предстают для нас лишь намеками. Во всяком случае, непосредственный эффект был ограничен. В договоре 944 г. преобладают скандинавские имена (хотя есть и славянские, и иные). Авторы 940-х гг. отождествляют русов с норманнами (Масуди, Лиутпранд), с германцами-«франками» (Симеон Логофет), отличают их от славян по явно скандинавскому языку (Константин Багрянородный). Это отражает все то же преобладание скандинавов в русских дружинах, которое мы наблюдаем и во времена Олега.

Сам факт подписания договора 911 г. можно связать с масштабной, но неудачной для русов экспедицией на Каспий около этого времени. В науке широко распространено мнение о двух походах русов на Каспийское море, либо об одном, но позднее датированном. Связано это с естественным предпочтением даты, даваемой более ранним из двух независимых источников, — «Золотых копей и россыпей самоцветов» ал-Масуди (948 г.) (Древняя Русь, III, 2009: 114–116). Масуди датирует появление русов на Каспии «после 300 (912/3) г.», однако при этом сам в дальнейшем говорит, что «упустил дату», к тому же русы оставались на море «много месяцев». Именно эта дата объяснима, помимо того, что год по хиджре круглый (300-й), тем, что Масуди отождествил русов с норманнами, нападшими «около 300 г.» на Испанию (Там же: 112). Второй источник — «История Табаристана» Ибн Исфандийара (1216/7 г.) (Там же: 164–165) — относит нашествие русов к 909–910 гг. Речь скорее идет о тех же событиях, что и у Масуди. Оба автора говорят и о нападении на главный порт Табаристана Абаскун, и о поражении русов в Гиляне и Дейлеме. Единственная противоречащая реалия — упоминание у Масуди ширваншаха Али (913?–917). Но оно может быть связано с расчетами самого автора, а также с тем, что он пользовался устной информацией из прикаспийских земель, о чем говорит и сам. «История» Ибн Исфандийара не может считаться синхронным источником, но опирается на несохранившиеся местные хроники более раннего времени.

Согласно Масуди, русы явились на 500 кораблях, в каждом из которых было по 100 человек (последнее число, хотя округленное, для больших ладей русско-скандинавского типа вполне возможно, включая гребцов; но вряд ли все корабли были одинаковы). Они пришли из Черного моря к Керченскому проливу и обратились к ха-

зарским чиновникам с просьбой о проходе по Дону и Волге на Каспий. В обмен на разрешение за проход по землям каганата русы обещали половину добытого в походе на мусульманские земли. Станный маршрут русов хорошо объясним, если допустить, что речь идет о том самом войске, которое добилось от империи соглашения 907 г. Недобрав, вероятно, ожидаемой добычи и воинской славы, русы, все или частично, решили восполнить недостающее за счет другой известной им богатой страны. Могла ставиться и более стратегическая цель — повторить военно-дипломатический успех, достигнутый на византийском направлении. В таком случае она осталась нереализованной. Не исключено, что направление похода было как-либо подсказано ромеями, борющимися за расширение влияния на Кавказе.

Царь хазар (то есть реальный правитель Хазарии, соправитель ритуального вождя-кагана) разрешение дал, и русы прошли на Каспий по его землям, через саму столицу Итиль. «Рассыпавшись» по морю, русы атаквали порты и прибрежные земли. Среди прочего, в первой половине 910 г. на 16 кораблях они подплыли к Абаскуну и разорили его. Наместник древней столицы Табаристана Сари, Ахмад б. Касим, получив помощь от вали Табаристана саманида Абу л-Аббаса, напал на русов ночью в Анджиле-Кале и разбил. Однако затем (не ранее осени 910 г.) русы прибыли в большем числе, прошли вглубь страны, сожгли Сари и опустошили его окрестности. С полоном они вышли в море и отправились на запад к побережью Гиляна и Дейлема. Высадившись там, однако, они были, вновь в результате ночного поражения, разгромлены местными горцами, остатки бежали на кораблях. Неудачной, видимо, была и попытка вторгнуться в Азербайджан (нынешний Иранский), где с ними бился местный правитель Йусуф ибн Абу-с-Садж. Русы отступили к островам в миле от Баку, где ранее устроили себе базу для набегов. Ширваншах вступил с русами в морскую битву. Согласно Ибн Исфендийару, он одержал победу, но согласно более осведомленному о результате Масуди, ширванцы потерпели сокрушительное поражение. Русы полностью перерезали торговлю по Каспию и разжились богатой добычей. Тем не менее, нападение на их базу, видимо, вызвало у них достаточно беспокойства, чтобы им «наскучило» оставаться на море.

Прибыв в Итиль, русы отдали условленную часть богатой добычи хазарскому царю. Однако это вызвало возмущение находившихся в Итиле мусульман, и прежде всего наемной мусульманской гвардии кагана. Они потребовали для себя права расправиться с русами. К мусульманам присоединились и «некоторые христиане» из Итиля. Царь «не мог им помешать, но послал к русам и сообщил им». Настигнув русов вниз по Волге, конные мусульмане навязали им битву на берегу и в трехдневном, по словам Масуди, сражении одержали победу. Большинство русов погибло, около 5000 спаслись на своих кораблях. У земли буртасов к югу от Волжской Болгарии они оставили корабли (видимо, из-за нехватки гребцов) и двинулись дальше по суше. Но некоторые погибли в стычках с буртасами, а некоторые — с болгарами, чей правитель незадолго до этого времени принял ислам. Общее число погибших в Поволжье русов Масуди (разумеется, округленно и с вероятным преувеличением) определяет в 30000.

Такая катастрофическая неудача, конечно, должна была подтолкнуть Олега спешно (пока в Константинополе не стало о ней известно) установить с Византией «вечный» мир, что и является первым условием договора 911 г. Теперь он был определенно выгоден обеим сторонам. Эти же события должны были положить начало откровенной вражде русов с Хазарией — ситуация, которую мы застаем ко второй половине 930-х гг. И до, и после этого (до походов Святослава) речь скорее шла о взаимовыгодном партнерстве, самое большее — о конкуренции за торговые блага и даннические земли. В противостоянии с Хазарией Русь становилась объективным союзником Византии, которую беспокоили хазарские позиции в Крыму и иудейский прозелитизм.

Что касается Волжской Болгарии — главного торгового партнера Руси в Поволжье — то с ней отношения быстро восстановились. Арабский дипломат и миссионер Ибн Фадлан, посланник к болгарскому правителю Алмошу от багдадского халифа в 921–922 гг., встретил там русов. Последние прибыли для торговли, явно на регулярных основаниях. Приняв ислам, Алмош постепенно противопоставил себя Хазарии, стремясь освободиться от всё более номинальной зависимости от хазар. Таким образом, он стал объективным союзником русов.

Ибн Фадлан оставил подробное и колоритное описание нравов русов, их религиозных обрядов и общественной жизни (см.: Древняя Русь, III, 2009: 68–77). Особенно известен его детальный отчет о наблюдавшихся им лично похоронах знатного руса с заупокойными жертвами (в том числе убийством наложницы). В описании этого ритуала находят немало скандинавских черт — прежде всего, сожжение в ладье. Можно отметить также упоминание об оставленном надгробном памятнике с надписью (правда, деревянном, а не каменном, как в Скандинавии). Ибн Фадлан отмечает социальное расслоение среди русов, упоминая «богатых», «главарей» и пренебрегаемых «бедняков». При этом, по его словам, имущественный достаток руса фиксируется монетами из монет, которые носят их жены. Основные называемые арабским автором товары русов в Булгаре — рабы и меха.

Кое-что сообщается и о политическом устройстве русов. По словам Ибн Фадлана, русы подчиняются «царю», проживающему в «очень высоком замке» (очевидно, тереме). При «царе» постоянно находятся 400 дружинников, некоторые из которых погибли на его погребальном костре. Они пируют с ним в общем зале вокруг «ложа»-помоста (первоначальная форма княжеского «стола»), где находится «царь» со своими 40 наложницами. Спускаться с «ложа» для «царя» — табу, и коня ему для выезда из дворца подводят прямо к «ложу». Ибн Фадлан утверждал, что описываемый им «царь» русов «не имеет никакого другого дела, кроме как сочетаться, пить и предаваться развлечениям. У него есть заместитель, который командует войсками, нападает на врагов и замещает его у его подданных». Это интересное свидетельство соправительства у русов, которое должно быть важно для понимания статуса первых известных их правителей.

Союз русов с Византией сохранялся более двух десятилетий. В послании болгарскому царю Симеону (922/3 г.) патриарх константинопольский Николай I Мистик прозрачно шантажирует адресата нападением на Болгарию различных, в основном языческих соседей. Патриарх требовал от Симеона заключить мир с Византией, обращая его внимание на враждебность русов, печенегов, аланов и венгров. Далее он уже более недвусмысленно указывал, что только в случае мира болгар с империей эту уже созданную (кем же?..) против Симеона коалицию удастся удержать от нападения (Бибиков, 2004: 395).

Стоит сказать, что не последовало ни мира болгар с Византией, ни большой войны болгар со всеми названными народами. Очевидно, патриарх несколько преувеличил достижения ромейской дипломатии, либо военные действия имели локальный характер. Но следующий союзнический акт русов по отношению к Византии был направлен против реального общего врага, действительно состоялся и имел драматические последствия. Мы располагаем сведениями одного и субъективного источника — еврейско-хазарского исторического сочинения, известного как «Кембриджский документ» (Древняя Русь, III, 2009: 181–183). Относится его создание к середине X в., что побуждает с относительным доверием относиться к общей канве событий.

Согласно «документу», царь Иосиф ответил гонениями на христиан на преследования евреев в Византии при Романе Лакапине, после чего император «большими дарами» убедил «царя» русов Хлгу начать войну с хазарами. Хлгу ночной атакой захва-

тил Самкерц (будущую Тмутаракань). Хазарский полководец Песах в ответ атаковал крымские владения империи, осадил Херсон и нанес поражение византийским войскам. Затем, выбив русов из Самкерца (вероятно — текст в этом месте испорчен), он напал на собственные земли Хлгу, и за несколько месяцев нанес русам поражение. Хлгу был вынужден вернуть захваченную в Самкерце добычу и под угрозой продолжения войны с хазарами выступить в поход на Византию. Хлгу «против воли» совершил морской поход к Константинополю, воевал четыре месяца и потерпел поражение — его флот был уничтожен «греческим огнем».

«Хлгу» — несомненное воспроизведение скандинавской (Хельги) формы того же имени, которое стало славянским «Олег». Хронология событий устанавливается так же без особых сомнений. Поход на Константинополь, совершенный по «документу» Хлгу — это поход 941 г., описанный как в ряде византийских, так и в латинском источнике. Описываемые обстоятельства в данном случае совпадают полностью — за единственным исключением имени предводителя похода.

Поход 941 г. известен преимущественно из свидетельств непосредственных современников. Это «Хроника» Симеона Логофета (ок. 948 г.) и ее версии (Хроника, 2014: 231–232; Продолжатель Феофана, 1992: 175–176); «Книга возмездия» итальянца Лиутпранда (949 г.) (Древняя Русь, 2010: 38–40); «Житие Василия Нового» (после 952 г.) (Веселовский, 1889: 83–89). Из более поздних византийских источников оригинальную информацию содержит «История» Льва Диакона (ок. 990 г.) (Лев Диакон, 1988: 57).

Предводителем похода и Лиутпранд, и Лев Диакон независимо друг от друга называют «Ингера», «Ингора». Это отражения исходной скандинавской формы имени «Игорь» (Ингвар). Так же называет Игоря император Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей» (949 г.) (Константин Багрянородный, 1991: 44/45). Игорь, в отличие от «Хлгу», прочно укоренен в достоверно известной истории. Он назван, помимо данных источников, в своем договоре с Византией 944 г., а также в наиболее ранних русских повествовательных памятниках XI в. Ряд византийских источников (Константин Багрянородный, Лев Диакон, «Хроника» Скилицы) подтверждают известное из русских его место в генеалогии Рюриковичей. Игорь был мужем княгини Ольги, отцом Святослава и дедом Владимира Святого.

«Хроника» Симеона Логофета утверждает, что русский флот насчитывал 10000 кораблей, и эта фантастическая цифра прочно вошла в византийскую традицию. Ее воспроизводит и Лев Диакон. Более достоверные и сравнимые со сведениями о походе русов на Каспий данные приводит Лиутпранд, говорящий о более чем 1000 кораблей. События же Лиутпранд, опирающийся на рассказ своего отчима, посла в Константинополе, излагает упрощенно в сравнении с греческими современниками.

Русский флот появился в окрестностях Константинополя 11 июня 941 г. Греческие источники рисуют дело так, будто столица ожидала нападения. Однако, по Лиутпранду, весь флот был занят войной против арабов. Игорь вроде бы успел разорить побережье близ Константинополя, пока по приказу Романа спешно ремонтировали полтора десятка «полуполоманных» боевых кораблей. Следы того, что к нападению не успели или едва успели подготовиться, есть и в византийских источниках. Из «Хроники» Симеона тоже можно понять, что кораблей в городе не хватало. По «Житию», слухи о набегах русов распространились раньше, чем прибыло ненадолго опередившее их самих известие об их флоте от стратига Херсона. Тем не менее, патрикий Феофан, возглавив наличный флот, нанес поражение русам в морской битве у Иерона, сжегши и потопив много их кораблей.

Однако значительный флот русов отплыл на восток вдоль побережья Малой Азии, некоторым же удалось высадиться с погибших кораблей на берег. В итоге русы

опустошили на значительном расстоянии малоазийское побережье. Посланный из столицы с конницей Варда Фока смог разбить один из их отрядов в Вифинии и двинулся дальше на восток. С ним затем соединился другой имперский военачальник с переброшенными с Балкан частями, Феодор Спонгарий. Наконец, подошло 40-тысячное войско восточных фем во главе с доместиком Иоанном Куркуасом (в «Житии» ошибочно назван его преемник Панферий). Совместными усилиями удалось загнать рассеявшихся для грабежа русов на их корабли. Не в состоянии высадиться на берег, русы в сентябре перед лицом приближающейся зимы преодолели страх перед византийским флотом и решили вернуться к себе. Но для этого им пришлось воспользоваться знакомым маршрутом в отдалении от балканского берега, где их, как они и опасались, настиг оставшийся у Иерона Феофан. Ему удалось уничтожить огнем значительную часть оставшегося русского флота, захватив немало пленных. В «Житии» говорится, что многие русы затем умерли от желудочной хвори, а Лев Диакон риторически утверждает, будто Игорь достиг Керченского пролива «лишь с десятком лодок». Пленные русы, которых ромеи обвиняли в клятвопреступлении, были, по словам Лиутпранда, публично обезглавлены в Константинополе в присутствии его отчима.

Таким образом, нет почвы для сомнений, что «Кембриджский документ» описывает именно поход 941 г. — нападение на Константинополь, 4-месячную войну, гибель русского флота от огня. Это позволяет установить хронологию описанных в еврейском источнике событий и продолжить сопоставление. По утверждению «документа», после поражения «Хлгу» «постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в Персию, и пал там он и весь стан его. Тогда стали русы подчинены власти хазар». Последнее утверждение перекликается со сведениями Масуди о союзно-зависимых отношениях Руси с Хазарией к концу 940-х гг. (Древняя Русь, III, 2009: 113–114).

Поход «морем в Персию» из Черного моря невозможен, — но для русов возможно было попытаться повторить рейд 909–910 гг. В случае успеха такой рейд, как справедливо указывалось в науке (см.: Цукерман, 1996), дал бы «Хлгу» возможность реабилитировать себя. Появление русов в Прикаспии в эти годы известно только одно, оно действительно кончилось тяжелыми потерями и гибелью предводителя. Речь идет о нападении на крупный торговый город Бердаа (ныне Барда) в Закавказье 943–944 гг. Наиболее ранние и краткие упоминания этой экспедиции содержатся, помимо «документа», в «Книге творений и истории» Макдиси (966 г.) (Древняя Русь, III, 2009: 51) и «Книге путей и стран» Ибн Хаукала (952–967 гг.) (Там же: 89). Наиболее подробное описание — в «Книге испытаний народов и осуществления заданий» Ибн Мискавайха (979/80 г.), опиравшегося на лично собранные свидетельства очевидцев (Там же: 101–105). О походе рассказывает и армянская «История страны Алуанк» Мовсеса Каланкатуаци (вторая половина X в.) (Мовсес Каланкатуаци, 1984: 170).

Предприятие «Хлгу», судя по всему, затевалось с целями идущими дальше, чем в 909–910 гг. Тот поход выглядел как чисто грабительская акция, в ходе же событий 943–944 гг. русы явно попытались закрепиться в Бердаа, превратив город в форпост для дальнейших операций. Возможно, нашли они и союзников на Кавказе. По уникальному свидетельству позднего (XIII в.) сирийского хрониста Бар Эбрея, в захватившем Бердаа войске были как славяне, так и аланы с лезгинами (см.: Древняя Русь, 2000: 225). В поход на Бердаа ходило около 3000 воинов, и еще 300, не считая гребцов, осталось сторожить флот в устье Куры. С некоторыми русами, как отмечает Ибн Мискавайх, были жены. Русы сражались пешими, и только их «глава» — верхом на осле (вероятно, своих коней, редко использовавшихся в бою, русы не привезли). Вооружение их, по словам подробно говорящего о том Ибн Мискавайха, составляли копья, щиты, высококачественные мечи, палицы и кинжалы.

При высадке русов попытался остановить вместе с правителем Бердаа эмир Азербайджана Марзбан б. Мухаммад. Его войско насчитывало примерно 5600 человек, в подавляющем числе добровольцев и мобилизованных жителей округи. Недооценив врага, Марзбан был разгромлен в течение двух часов, спаслась только часть его дейлемской конницы, сражавшейся упорнее всего. Русы подступили к Бердаа и предложили горожанам мир, утверждая, что ищут только «власти» над городом и не собираются преследовать жителей, если те будут «покорны». Однако когда на стоявших под стенами русов напали собранные Марзбаном с окрестностей войска, жители частью присоединились к нападшим и забрасывали русов камнями. Происходило это вопреки позиции городской знати, готовой договориться с завоевателями. Русы, снова разгромив мусульман, дали горожанам 3 дня на то, чтобы покинуть город. Большая часть горожан осталась, после чего русы устроили «резню», обратили в рабство женщин и детей, а уцелевшим мужчинам предложили выкупить себя. Договориться о выкупе не удалось, поскольку большинство мусульман отказалось выкупиться за одну цену с христианами. Русы перебили всех, кроме немногих выкупившихся своим имуществом или сумевших скрыться.

Русы совершали набеги на соседние земли, вплоть до столицы Азербайджана Мараги, свозя пленных и добычу в Бердаа. В ответ Марзбан мобилизовал новое войско числом в 3000 и подступил к городу. Бои продолжались «много дней» безуспешно для мусульман. Однако затем среди русов начался мор. Макдиси и Ибн Мискавайх говорят об эпидемии холеры. Ибн Мискавайх уточняет, что она началась из-за непривычки русов к фруктам, которыми они злоупотребили в окрестностях Мараги. Однако Каланкатуази утверждает, что городские женщины (по словам мусульманских авторов, массово взятые русами в наложницы) отравили захватчиков. Поняв это, те перебили многих женщин и детей (скорее имеются в виду заупокойные жертвоприношения наложниц и слуг, о чем говорит Ибн Мискавайх). Как бы то ни было, Марзбан решил в следующем бою завлечь уменьшившихся в числе русов в засаду притворным бегством. «Началось обычно» — русы взяли верх, и план Марзбана едва не сорвался из-за паники его войска. Эмир лично остановил бегущих, вступив в бой, и русы были окружены. Погибло около 700, в том числе «глава». Однако оставшиеся укрылись в крепости. Получив известие о нападении соседей на Азербайджан, эмир ушел от города, оставив под ним пополненное войско в количестве 4000. В конечном счете, измотанные боями и мором русы ночью оставили крепость с рабами и добычей. Вернувшись к своим кораблям, они беспрепятственно покинули Арран. Согласно Макдиси, русы провели в Бердаа год, согласно Каланкатуази — полгода.

В конце 944 г. Игорь заключил сохранный ПВЛ договор с Византией. Появившись на страницах синхронных источников в 941 г., он после гибели Хлгу-Олега уже прямо фигурирует как великий князь русский. Рядом с ним выступают его жена Ольга и их сын Святослав. Имя Ольги (Эльга, т.е. Хельга в наиболее ранних греческих источниках — трактате Константина «О церемониях» и «Хронике» Скилицы) несомненно перекликается с именем Олега. В то же время Святослав носит чисто славянское «княжеское» имя, известное и в других славянских традициях. Это указывает на метисный характер династии.

Само по себе всё это ничего не может сказать о взаимоотношениях Олега и Игоря. Ясно, что в качестве военачальника в походе 941 г. выступал Игорь. Приписывание же этого похода в «Кембриджском документе» Хлгу объяснялось тем, что еврейский автор рассматривал его как верховного правителя или военного вождя русов. Впрочем, Олег мог возглавлять поход вместе с Игорем, а после новой неудачи отделиться и уйти на восток. Как бы то ни было, Олег и Игорь до какого-то момента действовали совместно и, во всяком случае, не противостояли друг другу. Даже при полном отсутствии

у нас летописных сведений мы могли бы сопоставить факт упоминания в начале 940-х гг. двух одновременных правителей русов со сведениями Ибн Фадлана. Реальным военно-дипломатическим вождем («заместителем», по терминологии Ибн Фадлана), скорее всего, изначально был именно Олег. Но он на самом деле носил титул великого князя русского. К Игорю активная военная роль перешла вследствие поражения в войне с хазарами.

Зададимся естественным вопросом: можно ли на основе реально синхронных источников, заподозрить что-либо иное, кроме тождества Олега русско-византийских договоров и Хлгу Кембриджского документа? Есть ли какие-либо основания сомневаться в вырисовывающейся биографии этого русского вождя? Основания появляются только тогда, когда мы берем в расчет созданную спустя более чем два столетия хронологию русской летописи. К появлению летописного образа князя сейчас и перейдем.

Прежде всего следует сказать, что описание правления Олега в ПВЛ, частью которого и является входящая во множество учебников и популярных работ хронологическая канва его жизни, — не первичное в летописной традиции. Ему предшествовал гораздо более краткий и с намного меньшим количеством дат (строго говоря, всего двумя, из которых одна заведомо неверна) рассказ НС последней четверти XI в. (ПСРЛ, 2000: 107–109) Это наиболее ранний русский повествовательный источник, в котором говорится об Олеге. Более ранние памятники, вскользь затрагивающие происхождение династии — «Память и похвала Владимиру» Иакова Мниха, «Слово о Законе и Благодати» Илариона — ограничиваются упоминанием Игоря.

Олег появляется в НС к концу обширной первой статьи — «Начало Русской земли» — условно сгруппированной под 6352 (854) г. Все повествование в этой части наполнено мотивами, характерными для устной традиции — историко-генеалогической, эпической, топонимической¹. Не является исключением и рассказ об Игоре и Олеге. Игорь — сын и наследник Рюрика. «И выросши, он, Игорь, был храбр и мудр. И был у него воевода, именем Олег, муж мудр и храбр», — летописец вводит главных действующих лиц формулами, определяющими стандартные достоинства вождя. Далее описывается их поход из Новгорода на юг, причем он имеет явные черты фольклорного «обретения» прежде неведомой земли — Олег и Игорь «нашли Днепр-реку и Смоленск-град», оттуда пошли вниз по Днепру. «Узрев» Киев, они узнают, что здесь правят Аскольд и Дир, люди «не княжеского рода». Игорь и Олег, притворившись купцами из Новгорода, приглашают к себе Аскольда и Дира и коварно убивают их. Могила Аскольда на Угорском, «где ныне двор Олмин; на той могиле поставил Олма церковь, Святого Николая, а Динова могила за Святой Ириной». Захватив Киев, Игорь начал «грады ставить и дани устанавливать», объединяет варягов и славян в единую «русь». Он установил дань с северных племен варягам — 300 гривен в год «ради мира», «которые не дают» (как узнаем из ПВЛ, давали «до смерти Ярослава» в 1054 г.). В завершение статьи 6352 г. отмечено, что Игорь женился на псковитянке Ольге («мудрой и смысленой»), от которой имел сына Святослава — пролог к позднему повествованию.

В целом рассказ о захвате Киева вполне укладывается в фольклорно-мифологическую схему «обретения земли», циклически совершаемого в начале каждого правления. Элементы этого мотива есть в летописи и до (сказание о Рюрике —

---

¹ При анализе вероятных фольклорных источников летописных сказаний использованы материалы «Указателя сюжетов и мотивов устного происхождения в древнейших памятниках славяноязычной литературы» (<http://ukazatel.iporadatel.ru>), а также использованных при его структурировании иных фольклорных указателей (см. там же, Список сокращений названий использованных указателей фольклорных сюжетов и мотивов).

наиболее прямолинейный пример), и после. Сердцевиной данного рассказа может представляться убийство Аскольда и Дира. Здесь мы видим популярный в Северной Европе (Скандинавия, Ирландия) мотив укрытия врагов, проникающих во вражеский город, под личиной купцов. По сути же это — топонимическое предание, приуроченное к знаменитым в Киеве могилам убитых князей. Устроение обретенной земли Игорем также имеет вполне актуальную кульминацию, объясняя происхождение отмененных на памяти летописца выплат заморским варягам. Не исключено, что единый в летописи сюжет представляет собой комбинацию двух отдельных преданий — топонимического и социально-этиологического.

Летописная статья 6428 (920) г. посвящена походу русов, «посланных» Игорем, на греков. Весь текст представляет собой чрезвычайно сжатый пересказ сообщения византийских хроник «семьи Симеона Логофета», как и рассказ под 6352 г. о походе русов во времена Михаила III. В обоих случаях летописец допустил ряд ошибок и не смог определить даты походов, что, скорее всего, указывает на работу его с греческим оригиналом хроники. Позднее Нестор, пользовавшийся русским переводом хроники Продолжателя Георгия, исправил хронологию. Датировка же похода 941 г. в НС 920-м явилась следствием его верного отнесения к правлению Романа Лакапина. 6428 г. — единственная, в начале посвященного ему раздела, дата от сотворения мира в описании царствования Романа по использованной редакции хроники (см.: Продолжатель Феофана, 1992: 166).

На наличие каких-то собственно русских припоминаний о неудачном походе времен Олега и Игоря в НС указывает только типичный фольклорный срок, отделяющий его от похода-реванша. Через два года на третий после неудачного похода на греков Олег совершает новый, описание которого уже не имеет ни малейших соответствий в византийских хрониках. Год он с Игорем собирает войско из варягов, полян, словен и кривичей, а на следующий выступает по морю к Царьграду.

Почти всё дальнейшее повествование настолько насыщено легендарно-эпическими мотивами, что увидеть за ними конкретно-историческую основу проблематично. Поскольку греки заперли цепями столичную гавань Суд (наиболее достоверная деталь во всем рассказе), Олег велел вытащить корабли на берег и опустошить окрестности. Затем он ставит ладьи на колеса и под парусами идет к городу. Греки, утрашившись, соглашаются платить дань. Олег отказывается принимать от греков отравленную пищу. Греки принимают его за святого Димитрия, соплеменники признают вестим. Далее выясняется, что победа над неприступным Царьградом была одержана с невероятно малыми силами — у Олега было 200 кораблей, по 40 мужей в каждом (т.е. всего 8000). Олег «возложил дань, которую дают и доселе князьям русским». Принудив греков уплатить дань, он в знак покорения Царьграда прибывает к воротам города свой щит. На свой обратный путь Олег приказывает грекам сшить «паруса паволочные руси, а словенам кропинные». Последние разрывает ветром после выхода в море. Словене говорят: «Возьмем свои толстины; не даны словенам паруса».

В сказании о походе Олег предстает идеальным вождем-героем. Он невероятным образом принуждает покориться Царьград, выказывает сверхъестественные способности, вознаграждает дружинников. Прозвище «Вещий», у летописца одобрения не вызывающее, тем не менее и в его рассказе увенчивает эту невероятную победу.

Здесь мы всецело в мире героической «варяжской саги», причем кое-что действительно имеет в основном скандинавские параллели. Прежде всего, это касается ладей на колесах — история, давно сопоставленная с эпизодом из «Деяний данов» Саксона Грамматика. Дело здесь происходит, что характерно, также у «Геллеспонта». Правда, русские и «скифы» выступают как враги датчан, на стороне греков. Полулегендарный конунг IX в. Рагнар Кожаные Штаны во время этой войны утрачивает и побеждает

врага, поставив на колеса и используя как тараны огромных «бронзовых коней» (Саксон Грамматик, 2017: 330). Мифический знак победы на воротах побежденного города — образ более широко распространенный, известный и славянам. Так, в хронике Анонима Галла польский князь Болеслав на Золотых воротах Киева (еще не построенных во время его похода) оставляет зарубку своим мечом (Древняя Русь, 2010: 169). «Вещный человек чувствует опасность» — широко распространенный мотив, известный и в восточнославянских быличках нового времени.

Странный в этом героическом контексте последний эпизод, как будто показывающий Олега несправедливым, на деле определяет его как дружинного предводителя. В представлении архаичной древнерусской дружинной этики, «своя дружина» важнее остального войска. Это подчеркивается, например, Мстиславом Тмутараканским после битвы под Лиственом 1024 г. в ПВЛ.

Таким образом, на долю «исторической основы» в статье 6430 г. НС остается довольно мало. Это сам факт конфликта с Византией при Олеге и Игоре, предводительство Олега в успешном походе, действия греков при приближении русов, противопоставление русов и словен. Конечно, не исключено, что за какими-то эпизодами вроде «щита на вратах» может стоять и реальность, но относиться к ним нужно с разумной осторожностью. В целом же предание, приводимое летописцем, при своем героико-эпическом содержании, скорее также носит этиологический характер. На этот раз объясняется происхождение «дани», которую, по мнению автора НС, «дают и доселе князьям русским». Что бы ни имелось в виду, ко времени Нестора этот тезис смотрится настолько странно, что из его описания похода (уже под 6415/907 г.) исчезает.

Завершает статью 6430 г. явно отдельное предание о смерти Олега в двух вариантах, с прямой ссылкой на устные рассказы. По одной версии, Олег ушел из Киева в Новгород, а оттуда в Ладогу, где и умер. Но по другой версии, «пошел он за море, и укусила его змея в ногу, и оттого умер». В любом случае, насколько известно летописцу, «могила его в Ладоге», — к чему, очевидно, и приурочена как минимум первая версия предания. Что касается версии «заморской», то она может представлять сжатое упоминание развернутой в ПВЛ истории о смерти от коня и змеи. При этом именно в НС она оказывается ближе к скандинавскому варианту из поздней «Саги об Одде Стреле» (Древняя Русь, V, 2009: 259–266). Подробнее этот сюжет будет рассмотрен ниже.

В ПВЛ истории Олега уделено заметно больше места (ПСРЛ, 1997: 22–42; ПСРЛ, 1998: 16–31; ПСРЛ, 1989: 17–23). Связано это было, в том числе, с новыми источниками, бывшими в распоряжении Нестора. Из русско-византийских договоров он узнал, что Олег был не воеводой, а великим князем русским, предшественником Игоря, и правил в 907–911 гг. Благодаря же хронике Продолжателя Георгия в составе «Русского Амартола» Нестор установил, что неудачный поход на греков имел место в 941, а не в 920 г., и предшествовал договору Игоря 944 г. Соответственно, теперь требовалось исправить и хронологию, и содержательные ошибки НС. Сразу следует отметить, что многие догадки и построения средневекового летописца вполне могут сравниться по основательности с гипотезами современных ученых, располагая они тем же объемом источников. Отличие в том, что в средневековом историописании гипотеза гораздо увереннее превращалась в объективный «факт».

Какими средствами пользовался при этом Нестор, достаточно очевидно уже из его работы над хронологией. И Олегу, и Игорю отведен характерный фольклорный срок княжения — по 33 года. При этом Олег правит 3 года в Новгороде и 30 лет в Киеве. Таким образом, между прочим, «устанавливалась» и более ранняя хронология, от рассчитанной даты смерти Рюрика (6387/879 г.) вглубь. В верности явно основанных на устных источниках подсчетов Нестора могло убедить удачное пересечение результата с

данными договоров. Договор 911 (6420 сентябрьского) г. имел место за 33 года до договора Игоря в 944 (6453 сентябрьском) г., и 6453 г. в НС датировалась смерть Игоря.

Основной вывод, к которому пришел летописец на основании как договоров, так и растянутой на основании эпических чисел хронологии, — что Игорь был малолетним в момент смерти отца, почему Олег и правил за него. Это было именно логическое умозаключение, не нуждавшееся в дополнительных основаниях в традиции. В соответствии с ним требовалось отредактировать текст НС. Почти вся правка, внесенная при создании ПВЛ в окончание статьи 6362 г. (теперь статьи 6390 и 6411 гг.), имеет чисто литературно-историографическое происхождение. Никаких гипотез об альтернативной НС традиции для объяснения ее не требуется.

По образцу, заданному рядом статей НС, Нестор вставляет в начало описания крупных военных походов перечни собранных для них племен. Перечень под 6390 (882) г. логично включил, помимо варягов, племена, под 6370 (862) г. упоминавшиеся в числе подданных Рюрика — словен, мерю, весь и кривичей. Олег теперь не первооткрыватель, «находящий» неведомые прежде места, а целенаправленный завоеватель. Он знает, куда направляется, и в кривичском Смоленске, к которому приходит «с кривичами», сажает своего «мужа». Затем вставляется упоминание о взятии Любеча, где тоже сажается «муж», что объяснимо, если Любеч фигурировал в соглашении 907 г. Олег теперь не спрашивает, кто княжит в Киеве, хотя «увиде, яко Аскольд и Дир княжита». Это неоднозначное выражение в общем контексте скорее означает «увидел, как княжат», узнал об обстоятельствах. Более того, Олег исходит из того, что и киевские князья знают о нем и об Игоре. Естественно, заманил и убил Аскольда и Диру Олег в этой версии лишь при символическом участии Игоря, которого «вынесли» показать как «сына Рюрика». Чтобы оправдать возведение Олега в киевские князья, и здесь, и в статье 6387 г. без конкретики говорится о нем как родиче Рюрика, «рода княжьего».

Более творческий, действительно расширяющий повествование характер носят две вставки в конец статьи. В одной из них Нестор, последовательно подчеркивающий величие Киева и, с другой стороны, старающийся придать Олегу новые черты устроителя земли, вкладывает ему в уста слова: «Се будет мать городам русским». «Мать городам» — точная калька с греческого *μητροπολις*, метрополия, и соответственно конструкция самого летописца. В другой вставке уточняется время, когда варягам прекратили платить дань, — смерть Ярослава Мудрого.

Вывод о том, что Ольга была «приведена» Игорю Олегом, при всей заманчивости идеи о каком-либо ином основании для этого известия, тоже не требовал привлечения дополнительных источников. Весь эпизод, помещенный теперь под 6411 (903) г., прямо вытекает из концепции летописца об Игоре как подопечном Олега и раскрывает ее. Другое дело — сама дата. Она, очевидно, основана на бытовавших в устной, а позднее и в письменной традиции расчетах возраста Ольги. Они отразились в ее Проложном Житии (Лосева, 2009: 423) и в позднем летописании (ПСРЛ, 2002: 26).

Гораздо более основательную работу следовало проделать над статьями НС 6428–6430 гг. Нестор точно и верно установил, что поход русов на греков при Романе Лакапине, описанный у Продолжателя Георгия, имел место в 941, а не в 920 г. Более того, он нашел дополнительный, помимо «Русского Амартола», источник об этом походе — перевод «Жития Василия Нового». Таким образом, поход несомненно (согласно удлиненной хронологии) произошел через годы после смерти Олега, в единоличное правление Игоря. Если после него имел место поход-реванш (что, похоже, было закреплено известной и Нестору традицией), то он должен был произойти на третий год после 941 г. и возглавляться Игорем, а не Олегом. Нестор датировал его ровно через три года — 6452 (944) г., что позволило вплотную приблизить его к дате договора Игоря с Византией (ПСРЛ, 1997: 44–46; ПСРЛ, 1998: 33–35; ПСРЛ, 1989: 24–25).

Однако оторвать описанный под 6430 г. поход от имени Олега традиция, очевидно, позволить не могла, — даже в пределах только летописного текста его личность была центральной для всего рассказа. Потому этот поход следовало сохранить и отнести к годам правления Олега. То, что Нестор датировал его 6415 (907) г., объяснимо в том случае, если эта дата присутствовала в начале имевшейся у него копией книги договоров с греками. Как уже говорилось, другие объяснения затруднительны, — либо следует признать дату всецело произвольной. В итоге этой операции легендарный поход-реванш, описанный в НС, раздвоился. Его описание было перенесено под 6415 г., где он перестал быть реваншем. Одновременно под 6452 г. появился поход, приписанный Игорю, с совершенно другим сюжетом.

При этом само описание похода Олега претерпело не больше изменений, чем описание завоевания им Киева. В целом здесь Нестор, как и под 6390 г., проделывает вполне «научную» работу, отдаляя повествование от фольклорного источника и придавая ему «реализм». К этому обязывало и комбинирование его с подлинным соглашением 907 г.

Наименее критичным было вставленное в начало перечисление племен. Стремясь объяснить невероятную в контексте реальных попыток русов (941 и 1043 гг.) победу над Царьградом, Нестор перечислил почти все восточнославянские племена. В список участников похода попали даже полуполюгендарные дулебы на месте своих исторических потомков волынян. К историческим элементам перечня, видимо, относится именование тиверцев «толковинами» (толмачами). Но к какому времени относится такое представление на самом деле, неизвестно. Перечень всех племен «Великой Скифии» (понятие, как отмечает летописец, греческое) обязывал, однако, к более реалистичному счету кораблей. В статье 6415 г. ПВЛ их стало 2000, — 80-тысячное войско, конечно, было бы реально грозной силой для Царьграда. Исчезло, как уже говорилось, упоминание о дани, которую якобы «доныне» получают русские князья. Наконец, Нестор перенес в начало статьи из прежней статьи 6428 г. описание зверств русов в отношении греков. Очевидно, он хотел несколько сбавить героический пафос в описании языческого набега на христианскую державу, и опять же создать более реалистичную картину. В остальном текст остался без изменений, не считая умелого инкорпорирования в него пересказа соглашения 907 г.

Летописная статья 6449 (941) г. в основном представляет комбинацию трех источников — статьи НС 6428 г., Продолжателя Георгия и «Жития Василия Нового». Вместе с тем, в рассказе Нестора о походе 941 г. появляются три детали, которых нет ни в одном его византийском источнике. Во-первых, это достоверное упоминание о личном предводительстве Игоря. Во-вторых — передача в конце статьи рассказов разгромленных русов о греческом огне: «Как будто молнию небесную имеют у себя греки...» Последнее довольно четко указывает на знакомство летописца с устной традицией, отражающей поучительные детали неудачного похода 941 г. В НС, как говорилось выше, можно увидеть только намек на существование такой традиции в мотиве похода-возмездия. К той же традиции восходит, очевидно, упоминание предупреждения, полученного греками от болгар, причем оно повторено и в статье 6452 г. Это вновь отражает историческую реальность (болгары тогда были союзниками империи), но и выражает весьма критичный к ним настрой, отмеченный в целом ряде мест ПВЛ.

Что касается похода 6452/944 г., то для его описания Нестор, очевидно, использовал другую версию рассказа о походе-реванше, оставшуюся неизвестной или не заинтересовавшую его предшественника. Довольно трудно сказать, действительно ли эта версия была более реалистична, или в целом является результатом литературной работы летописца.

Перечень участвующих в походе племен короче, чем под 6415 г., но тоже может быть плодом творчества летописца, и не соответствует известному числу данников Руси того времени. Упомянуты варяги, русь (! — отдельно и от них, и от полян), поляне, словене, кривичи и тиверцы. Особенно упоминание последних, при отсутствии большинства племен, позволяет заподозрить здесь результат сокращения перечня 6415 г. Но оригинальной чертой является известие о найме Игорем печенегов, подкупе их затем императором и отправке их Игорем против болгар. Нестор ранее внес в летопись ряд сведений о контактах печенегов с Русью при Игоре — и о первоначальном мире, и о последующей войне. Скорее всего, данное известие — развитие сюжета, о достоверности которого судить трудно. Известно, что Византия использовала или пыталась использовать печенегов и против Болгарии, и против Руси. С другой стороны, крайне непрочный союз с печенегами или их частью существовал (с перерывом или перерывами) во времена Ольги и Святослава.

Упоминание о предупреждении, посланном в столицу «корсунцами», похоже, взято из «Жития Василия Нового», где, однако, относится к походу 941 г. Здесь оно использовано для эффекта нагнетания, наряду с гораздо более метафорическим («без числа кораблей, покрыли море корабли») предупреждением болгар. Последнее может быть первичным именно здесь, и отсюда продублировано в статье 941 г., где болгары заменили перенесенных сюда херсонитов. «Корсунцам» отведена роль дополнить сведения болгар сообщением о том, что Игорь нанял с собой печенегов. Далее греки, уstraшенные, точно как при явлении сухопутного флота Олега, соглашаются платить «дань». Это напоминает нам, что перед нами более реалистичный (и, как увидим, более «славянский») по духу вариант того же самого рассказа о походе-реванше. Это подтверждается и тем, что греки якобы согласились дать дань, «какую брал Олег» и того больше, — в явном диссонансе с менее выгодными условиями реального договора 944 г.

Сердцевиной и главным выводом летописного рассказа является притчевый совет дружины князю: «Если так говорит царь, то что нам надо больше того — не бившись получить золото, серебро и паволоки? Кто ведает, кто одолеет — мы ли, они ли? Или с морем кто в совете? — ведь не по земле ходим, но по глубине морской, и общая смерть всем». Вполне логичная в контексте поражения 941 г., эта позиция вместе с тем бесконечно далека от пафоса «варяжской саги» из НС. Еще интереснее то, что она ясно перекликается с отраженной в новгородской традиции точкой зрения новгородцев на поход 1043 г. Они советовали князю Владимиру Ярославичу не ходить к Константинополю морем, а высадиться в устье Дуная. Возражали варяги, князь послушал их и потерпел поражение (ПСРЛ, 2002: 64). В ПВЛ эта более близкая ко времени летописца ситуация отсутствует, притом что информатором автора был сын новгородского воеводы. Однако если новгородское предание имеет под собой исторические основания, то вполне вероятно, что Нестор или сам рассказчик перенесли какие-то его элементы в легендарную эпоху. Это давало намек на то, как могли бы развиваться события в случае, если бы Владимир послушался новгородцев. Можно даже попытаться представить, как выглядела конкретная ситуация устного рассказа, — при повествовании о походе Владимира Игорь мог быть приведен в качестве «примера».

Органичность нарисованной летописцем картины убедила многих историков в ее достоверности. Но, очевидно, обсуждая сам факт похода 944 г. (как и похода 907 г.), упускать из вида происхождение летописных текстов и игнорировать проблему их источников не стоит.

Настоящих дополнений к описанию правления Олега в ПВЛ три. Это рассказы о покорении им племен в статьях 6391–6393 гг., о проходе венгров мимо Киева в статье 6406 г. (пролог к сказанию о славянских письменах) и о смерти князя под 6420 г. Только в этих трех случаях можно с уверенностью говорить о дополнительном привлечении

летописцем источников информации. Во всех случаях это почти исключительно устные источники.

Рассказ о покорении племен имеет если не письменный источник, то частичный письменный прообраз. Он открывается статьей 6391 г. о покорении древлян, а завершается упоминанием о войнах Олега с уличами и тиверцами (они во введении к ПВЛ рассматривались почти как одно целое). В НС древляне и уличи выступают как постоянные враги Киева — с ними воюют сначала Аскольд и Дир, а затем и Игорь. Информацию о войнах с уличами Нестор в целом сильно сократил, перенеся информацию об их переселениях во вводную часть. Борьбу же с древлянами, напротив, развернул в пространное повествование, рассредоточенное по нескольким летописным статьям.

Анализ статей 6391–6393 гг. в целом позволяет заключить, что по меньшей мере в этом случае источником для расширения стала устная историко-эпическая традиция. Первое, что обращает на себя внимание, — фольклорная хронология фрагмента. Он искусственно помещен сразу после утверждения Олега в Киеве и образует три погодных статьи. Олег покоряет три племени на протяжении трех лет — по племени в год. При этом статьи 6392–6393 гг. представляют собой небольшой «сказовый» текст, сопоставимый с другими поэтическими отрывками НС и ПВЛ:

*Иде Олегъ на стъверяне,
И побѣди стъверяны,
И възложи на нь дань легку,
И не дастъ имъ козаромъ дани платити,
Рекъ: «Азь имъ противень, а вамъ не чему».
Посла к радимичемъ, река:
«Кому дань даете?»
Они же рѣша: «Козаромъ».
И рече имъ Олегъ:
«Не дайте козаромъ, но мнѣ дайте».
И вдаша Ольгови по щѣлагу,
Якоже и козаром даяху.*

Этот отрывок эпической поэзии (переданный на письме едва ли точно и с некоторыми сбоями) мог быть прологом к более пространному сказанию о борьбе Олега с хазарами. Однако сказание, если существовало, то не сохранилось, летописец же завершил текст перечнем покоренных и непокорных (уличи и тиверцы) Олегу племен.

Под 6406 (898) г. (а также во вводной части) летописец сообщает о проходе «мимо Киева» мадьяр-угров, действительно переселившихся около этого времени (в 894–896 гг.) в Центральную Европу из Причерноморья. По ПВЛ, гора Угорское названа так, поскольку ею шли мимо Киева в «вежах», т. е. с обычными для кочевников походными шатрами, угры. Перейдя затем Угорские (отныне) горы, угры «прогнали волохов, и унаследовали землю ту, и сели со славянами, покорив их себе, и оттоле прозвалась земля Угорская. И начали воевать с греками... И начали воевать с моравой и чехами». О том, что волохи «прежде взяли землю Словенскую» — «сели среди них и чинили им насилия», говорилось и во вводной части.

За этим рассказом следует сказание о создании славянских письмен, восходящее к поздним памятникам Кирилло-Мефодиевского житийного цикла. Ближайшую параллель в славянской книжности к повествованию ПВЛ об уграх представляет болгарское «Житие святого Наума» (после 924 г.), одного из учеников солунских братьев. Здесь рассказывается, что «угры, пеонский язык» вторглись в Моравию, «попленили и опустошили ее; кого не попленили угры, те в Болгары бежали и осталась земля их пустой уграм во власть» (Иванов, 1970: 307). За сведениями ПВЛ о действиях венгров в Центральной Европе, вероятно, стоит письменный источник той же традиции или даже

тот же. На основе его же рассчитана и дата событий. Но сведения о проходе угров мимо Киева к Карпатам, о происхождении названия Угорское не могут быть к нему возведены. Это типичное топонимическое предание, не нуждавшееся, кстати, в привязке к конкретному князю. Упоминание Олега во вводной части выглядит лишним, он не выведен в сюжете даже как наблюдатель, что контрастирует с его традиционным образом. Предание об Угорском отнесено Нестором к Олегу исходя только из принятой им хронологии, а не из каких-либо сведений самого предания. Стоит заметить, что в венгерской средневековой традиции проход-прорыв через земли Руси отразился гораздо живописнее (см.: Древняя Русь, 2010: 348–350, 354; Юрасов, 2013: 72–88).

Наиболее насыщен фольклорными мотивами рассказ о смерти Олега. Следует отметить, что Нестор, вероятно, включил его в летопись лишь затем, чтобы обосновать вопреки НС известное и предпочтительное ему предание о могиле Олега в Киеве, на Щекавице. Сама по себе языческая легенда с действенным колдовством, предвидением будущего волхвом и змеей как вестницей неотвратимой судьбы устраивала летописца мало. Ему потребовалось сделать длинный экскурс в священную и античную историю, чтобы убедить себя и читателей в правдивости рассказа. Более того, всё это противоречило его более оптимистичному мнению о ничтожестве и бессилии языческого волхвоания, отраженному, например, в статье 6532 (1024) г. Особенно резкое расхождение заметно со статьей 6579 (1071) г., взятой из НС. Здесь во всех трех известных летописцу случаях волхвы, утверждавшие, что предвидят будущее, не смогли предугадать даже собственной гибели.

Вводится рассказ в статью 6420 г. оборотом: «И жил Олег, мир имея со всеми странами, княжа в Киеве. И приспела осень». Позже он почти дословно повторен в статье 6453 г.: «Игорь же начал княжить в Киеве, мир имея со всеми странами. И приспела осень». Возможно, что в преданиях о гибели обоих князей использовалась формула, посвященная исполнившему свое предназначение вождю-воину. В обоих случаях осенью после наступления мира с соседями правитель гибнет.

В ПВЛ рассказывается, что Олег некогда обратился к волхвам с вопросом о своей судьбе, и они предсказали князю смерть от любимого коня. Он отказался от коня, а через несколько лет спросил о нем и узнал, что конь умер. Олег приехал к конским костям, обвинил волхвов во лжи — и умер от укуса змеи, выползшей из конского черепа. Таким образом, волхвы оказались правы, и их предсказание невероятным образом сбылось.

Подобные рассказы о предсказанной, но невероятной смерти от животного довольно широко распространены в фольклоре Старого Света, причем основной регион их бытования — Азия и Северо-Восточная Африка. Смерть «от коня» упоминается в единственном другом славянском (словенском) и северокавказском (аварском) вариантах. Смерть от змеи — в другом балканском (гагаузском) и одном из иранских. Отравление или ранение останками животного имеется в некоторых восточных вариантах. Ни в одном варианте эти версии не объединены (см.: Березкин, Дувакин, Эл. ресурс: К144).

Наиболее (и поразительно) близким к древнерусскому является обрамляющий сюжет исландской «Саги об Одде Стреле» (XIII в.), о которой уже упоминалось. Одду с острова Храфниста ведьмой предсказана смерть от коня, он убивает коня и погребает его на родине. После разных приключений Одд становится правителем Хуналанда (т.е. Южной Руси). Вернувшись спустя годы на родной остров, он насмехается над предсказанием — и умирает от укуса змеи, выползшей из конского черепа.

Рассказ, таким образом, совпадает вплоть до деталей, хотя имеет и отчетливые отличия, вполне объяснимые как вариации одной и той же традиции. При этом краткое упоминание НС, что Олег погиб от укуса змеи, вернувшись «за море», дает точное со-

ответствие развитию событий в саге. Легенда о смерти Олега, таким образом, — более ранняя (на два века) версия рассказа о смерти Олда Стрелы. Рассказ в том виде, в каком мы его имеем, судя по распространению мотива, сложился на Руси или в варяго-русской среде, куда тот мог попасть с Востока через Балканы или Кавказ. Последний вариант, кстати, невольно вызывает в памяти место гибели «Хлгу». Учитывая, что уже в течение 3–5 поколений после Олега мотив оказался привязан к нему, не затруднимся прийти к выводу, что именно версия с этим героем — старейшая (не значит, что сколько-нибудь историческая).

Каким образом сюжет, — вместе с другими припоминаниями об Олеге, — был привязан к норвежскому викингу Одду, можно лишь предполагать. Диапазон этих предположений уже весьма широк, — и среди них версию о возможном изначальном тождестве этих персонажей не стоит отвергать. В любом случае, Олег остается персонажем гораздо более историческим, чем эпический герой Одд, чье имя впервые появляется в письменных источниках не менее чем через полтора века после НС.

В упомянутой в начале статьи работе о князе Владимире автором был проведен сопоставительный анализ летописных и синхронных сведений, выделены подтверждаемые летописные сюжеты. Применительно к Олегу ситуация оказывается иной и во многом парадоксальной. Лишь отдельные данные летописей (утверждение Рюриковичей в Киеве, соправительство с Игорем в качестве военного вождя) находят основания в синхронных источниках. При этом подтверждения носят косвенный характер. Наиболее значимое, казалось бы, совпадение — факт войн Олега с Византией — имеет настолько сложную историю с «летописной» стороны, что считать наши данные об этом подтверждением летописных сказаний рискованно. Скорее, следует говорить о том, что в летописях отразился собирательный образ войн Олега и Игоря с греками, прошедший литературную обработку под влиянием византийских источников, а затем и актового материала. Заметных по синхронным источникам (в том числе сохранившимся благодаря летописи) свершений исторического Олега летописи не знают. Мы не узнаем из летописных сказаний ни об экономических причинах конфликтов с Византией, ни о походах на Каспий, ни о явно значимой внутренней политике. Борьба с Хазарией отражена лишь мельком, ее причины и последствия предстают как минимум неполно.

Корень этого — в характере источников летописей. Олег к моменту записи преданий о нем стал эпическим героем, образцом идеального и притом «вещего» дружинного вождя. Его неудачи и сложные политические обстоятельства его эпохи были «отсеяны» исторической памятью, а успехи представлены в эпически-обобщенном и, естественно, преувеличенном виде. Летописца могли бы заинтересовать, в том числе в нравоучительных целях, какие-то из перечисленных упущений. Видно, например, что Нестор пытался придать Олегу черты политической мудрости. Но возможности для того оказались скудны, поскольку «мирная» сторона его деятельности традицию не интересовала вовсе. Впрочем, это вполне отражало мировоззрение того социального слоя, к которому принадлежал и сам Олег.

К каким выводам позволяет прийти проведенный анализ? Во-первых, летописную хронологию деятельности Олега принимать в расчет не следует. Во-вторых, отраженные в летописи предания, составившие «биографию» Олега, принимать в расчет можно и нужно — сопоставляя их и с известными из синхронных источников фактами, и со скандинавскими «параллелями». В-третьих, задача реконструкции первоначального вида этих преданий, притом что весьма трудно решаемая, сама по себе важна, независимо от их «историчности». Она позволяет понять образ истории Древней Руси, принимаемый самим древнерусским обществом, психологию и культурный облик различ-

ных общественных слоев. Интерпретация же преданий летописцами является примером преломления дохристианской по содержанию и духу устной традиции в рамках новой христианской культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев С.В. «Вещий Священный» (Князь Олег Киевский) // Русское средневековье. 1998. Вып. 2. М., 1999. С. 4–24.
- Алексеев С.В. Первичная и вторичная источниковая традиция в образе князя Владимира // Историческое обозрение. Вып. 19. М., 2018. С. 21–45.
- Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог [Эл. ресурс] URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm>
- Бибиков М.В. Byzantinogossica. Свод византийских свидетельств о Руси. Т. I. М., 2004.
- Бибиков М.В. Byzantinogossica. Свод византийских свидетельств о Руси. Т. II. М., 2009.
- Бибиков М.В. Byzantinogossica. Т. III. Свод византийских актовых свидетельств о Руси. М., 2017.
- Веселовский А.Н. Видение Василия Нового о походе русских на Византию в 941 г. // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 261. 1889, янв. Отд. наук. С. 80–92.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е.А. Мельниковой. М., 2000.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники / сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. М., 2009.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV. Западноевропейские источники / сост., пер. и комм. А.В. Назаренко. М., 2010.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. V. Древнескандинавские источники / сост. Г.В. Глазырина, Т.Н. Джексон, Е.А. Мельникова. М., 2009.
- Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985.
- Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ, 1985.
- Иванов Й. Болгарски старини из Македония. София, 1970.
- Кузенков П.В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в средние века. Вып.8. М.; СПб., 2011. С.7–35.
- Лев Диакон. История / пер. М.М. Копыленко. М., 1988.
- Лев VI Мудрый. Тактика Льва / пер. В.В. Кучмы. СПб., 2012.
- Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М., 2009.
- Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси. По данным эпиграфики X — первой половины XIII в. М., 2000.
- Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. М., 2001.
- Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк / пер. Ш.В. Смбатяна. Ереван, 1984.
- Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993.
- ПРП = Памятники русского права. Вып. 1. М., 1952.
- ПСРЛ = Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.
- ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989.
- ПСРЛ. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.
- Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / изд. подг. Я.П. Любарский. СПб., 1992.
- Саксон Грамматик. Деяния данов / пер. А.С. Досаева. Т. 1. М., 2017.
- Хроника Симеона Магистра и Логофета / пер. А.Ю. Виноградова. Т. I. М., 2014.

Цукерман К. Русь, Византия и Хазария в середине X в.: проблемы хронологии // Славяне и их соседи. Вып. 6. С. 68–80.

Юрасов М.К. «Деяния венгров» магистра П., которого называют Анонимом (Продолжение) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. №1. С. 68–104.

МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ ДИОНИСИЙ ГРАММАТИК КАК ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ АВТОР ИДЕИ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ПАТРИАРШЕЙ КАФЕДРЫ В МОСКВЕ

Одним из величайших событий, случившихся в царствование Федора Ивановича, стало учреждение патриаршего престола в Москве. Патриаршая кафедра пришла на замену митрополичьей, утвердившейся тут еще в XIV столетии. Это поставило Русскую православную церковь на одну ступень с древнейшими церквями восточного христианства — Константинопольской, Иерусалимской, Александрийской и Антиохийской. Ступень эта, как тогда, так и в настоящее время, является высшей в иерархическом разделении православных церквей мира. Восхождение на нее и у нашего Священноначалия, и у простых мирян почитается как успех, достойный благоговейной памяти.

Государь Федор Иванович (1584–1598 гг.) оказался в числе главных участников грандиозного действия, связанного с введением патриаршества. Но до какой степени он играл роль субъекта этого действия, до какой степени был его творцом? Вопрос очень непростой.

С одной стороны, как добрый христианин, как крепко верующий человек, он должен был прикладывать все усилия для торжества Церкви, духовно его окормляющей. Кроме того, конечно же, как правителю огромной страны ему пристало испытывать радость от возвышения своей Церкви, поскольку рост ее чести явился бы свидетельством нового отношения и к самой стране. После падения Византии в середине XV столетия великое княжество Московское оказалось самым сильным, самым многолюдным и самым амбициозным православным государством. Постепенно русские земли объединялись вокруг Москвы, а Москва принимала «византийское наследие». Великий город усваивал культурные и политические обычаи «греков», его государь Иван III Великий, женившись на Софье из императорского дома Палеологов, перевел преемство от Византии в ранг семейного дела Даниловичей. Московские государи с необыкновенной щедростью наделяли архиереев и монастыри Православного Востока милостыней, помогая им постоянно, даже когда сама Россия проходила через тяжкие полосы истории. Издревле Москва считала себя и подчиненную ей землю «Домом Пречистой», государи и книжники московские в равной мере уповали на особую милость Богородицы в отношении Ее «удела». В XVI столетии русские книжники уже научились видеть в своей державе не только удел Пречистой, но также Третий Рим и Второй Иерусалим, иначе говоря, страну-наследницу имперской государственности и благодати Святого Духа. Позднее, когда на русской почве распространилось учение о Катехоне, т.е. некоем социальном организме, удерживающем мир от окончательного падения в бездну зла, в московском единодержавии стали видеть того самого «Удерживающего»¹. Разрушение

---

¹ Об «Удерживающем» сказано в Священном Писании. Так, во 2-м послании св. апостола Павла фессалоникийцам глава 2-я посвящена приходу последних времен и новому пришествию Иисуса Христа. Среди прочего там сказано: «Молим вас, братия, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании к нему, не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов. Да не обольстит вас никто никак: *ибо день тот не придет*, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом, или святынею, так что в храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога. Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это? И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии, только *не совершится* до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь, — и тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих, и истребит явлением пришествия своего, того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными, и

же «северного Катехона» означает близость Страшного суда... Если идти за этой логикой, то формирование нового «Удерживающего» требовало — не столько делало уместным, нет, тут иная модальность, — именно требовало введения патриаршества на холмах Белокаменной. Может ли Русское царство исполнять роль полноценного Катехона, если православная его иерархия увенчана всего лишь митрополичьей кафедрой, в то время как на Православном Востоке существует четыре патриарха? Пусть порою очень бедных патриарха и даже гонимых от мусульман, пусть то и дело отправляющих в Москву эмиссаров и даже являющихся самолично ради смиренного моления о милости, пусть не имеющих под ногами земли, управляемой православным государем, пусть несравнимых в своем униженном состоянии с могуществом римского папы, *но все же именно патриарха...* Москва же, Порфиноносный великий город, воздвигаясь поколением за поколением к положению столицы мирового православия, в идеале — центра, откуда оно управляется, имела митрополичий престол, стоящий ступенью ниже в иерархии церковного Священноначалия. Здесь Церковь жила намного свободнее, пользовалась всеобщим уважением, могла приходить с советом к государям, день ото дня росла, усиливалась, распространялась, в больших городах являла удивительный блеск и роскошь богослужебной обстановки, да и в провинциальных обителях отыскивала средства для строительства великолепных церквей. Но по молодости своей она уступала в «чести» более древним церковным общинам Константинополя, Иерусалима, Антиохии и Александрии. «Русский митрополит по власти и значению в своей Церкви вполне равнялся патриархам и даже превосходил их, — пишет митрополит Макарий (Булгаков), создатель авторитетнейшей «Истории Русской церкви», — ему недоставало только патриаршего имени».

Удивительно еще, что исправление этой «возрастной» несуразности совершилось столь поздно.

С другой стороны, тихий блаженный житель царских палат не склонен был к стратегическому мышлению, а утверждение патриаршества требовало тонкой и весьма долгой политической игры. Его ли это стиль? Способен ли был государь с иноческим строем ума последовательно добиваться решения сложной задачи? К тому же, задачи, имеющей в значительной степени абстрактный характер... Ведь он сторонился подобного рода забот и был, скорее, молитвенником, нежели практическим дельцом.

Итак, любовь Федора Ивановича к Церкви и устремленность его души косвенно свидетельствуют о том, что русский царь мог принять самое активное участие в завоевании Москвой права на патриаршую кафедру. Но его вечное бегство от практических вопросов, уход от трудов правления говорят, как будто, об обратном.

Следует обратиться к историческим источникам конца XVI столетия, чтобы за «этикетными» фразами о выдающейся роли государя в этом великом деле разглядеть «проговорки» о действительном положении вещей.

Проблема имеет «острые углы» для русской церковной истории. Духовные писатели обращались к ней с большой деликатностью и благоговением; доброе намерение! Казалось бы, чего ж лучше? Но желание блага не всегда к благу приводило: иногда их слова выглядят как попытка обойти стороной сложности этой темы. Например, тот же митрополит Макарий рассуждает без затей: государь Федор Иванович, посоветовавшись с «благоверною и христоролюбивою царицею Ириною», вынес на совет боярам идею об установлении патриаршества в Москве. По словам Макария, «...очевидно, государь не столько просил совета у бояр, сколько объявлял им свое решение, прежде им принятое с царицею, которое оставалось только исполнить» (Макарий, 1996. Т. 5. Отдел 1. Вступление).

со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения» (2 Фес. 2:2-10, а также вступительные строки главы).

Среди светских историков есть те, кто подходил к вопросу нарочито резко, чуть ли не экстравагантно. Как пример можно привести биографический очерк патриарха Иова в двухтомнике современного исследователя А.П. Богданова «Русские патриархи (1589–1700)». По его мнению, лишь «ложная деликатность не позволила историкам усомниться в том, что хорошо разработанный замысел» учреждения особого русского патриаршества «...принадлежал слабоумному монарху, и задаться вопросом о его истинном авторе» (Богданов, 1999: 13). С точки зрения А.П. Богданова, таким «истинным автором» являлся Борис Годунов, а одна из крупнейших церковных реформ в истории России связана с дворовыми интригами. Ключом ко всей «партии», как пишет современный историк, является жестко-непримиримое отношение тогдашнего главы Русской церкви митрополита Дионисия к приезжавшему в Москву антиохийскому патриарху Иоакиму. Дионисий вел себя крайне неприветливо, порой на грани оскорбления. Тем самым митрополит открыл брешь в собственной обороне, показав лучшее направление для наступления светской власти против него. А подобное наступление диктовалось обстоятельствами жесточайшего противоборства между придворными группировками. Служилая знать — Шуйские, Мстиславские, Воротыньские, Головины, Кольчевы — приступала к царю, настаивая на разводе с бездетной царицей Ириной. Особенную силу этим притязаниям давала позиция митрополита Дионисия и владыки Крутицкого Варлаама, которые приняли сторону высших аристократических родов¹. А.П. Богданов предположил, что Годуновы с «оппозицией» примирились, обещав не препятствовать разводу, вот только дело это — «небыстрое, интимное...» Здесь историк вступает на почву догадок. Нет никаких документов, сообщающих о том, что Борис Федорович посмел дать такое обещание, дабы утишить умы и собраться с новыми силами для борьбы. Нет никаких аргументов против самого простого и естественного почтения событий 1586 г.: сам царь Федор Иванович мог воспротивиться расторжению брака, что, всего вероятнее, и произошло. Гораздо важнее другое наблюдение А.П. Богданова: исследователь ссылается на свидетельство Петра Петрея², согласно которому уже почти совершившийся развод удалось остановить, поскольку Борис Годунов уговорил патриарха запретить его. Что ж, подобная ситуация могла сложиться: визит Иоакима оказывается большой удачей для монарха и Годуновых, поскольку слово патриарха, даже не имеющего к территории Московской митрополии ни малейшего отношения, — внушительный контраргумент. По словам А.П. Богданова, «приезд патриарха помогал поставить Дионисия "на место"» (Богданов, 1999: 18–19). Вряд ли слова Иоакима могли оказаться решающими, все-таки значительно важнее была позиция самого государя. Но в одном с А.П. Богдановым можно согласиться: запрещение патриарха, как минимум, давало Федору Ивановичу дополнительную нравственную и каноническую опору в борьбе, которую вели против его супруги служилые аристократы заодно с главою Русской церкви. «Следующий ход светских властей был достоин Годунова, — пишет А.П. Богданов. — Предложение об учреждении в Москве патриархии ясно и определенно свидетельствовало, что именно с саном патриарха связан высший авторитет в Православной церкви» (Богданов, 1999: 19). Допустим, имеет право на существование версия историка, согласно которой в лице патриарха рассчитывали обрести высшего арбитра

¹ В этом А.П. Богданов ничуть не ошибается: митрополит Дионисий Годуновым был недруг.

² Петр Петрей, действительно, пишет следующее: «Московские власти и простой народ... приняли намерение отправить в монастырь великую княгиню, выбрали вместо нее... родственницу великого князя, самого знатного рода в стране, и хотели ее выдать за него замуж. Но Борис думал совсем другое: он хитро предупредил это и втайне с патриархом, имевшим главный голос в этом деле, устроил так, чтобы он не разрешил развода и нового брака... Патриарх... стоворился с Борисом...» (Петр Петрей, 1997: 272). Правда, не все считают это сообщение Петра Петрея достоверным. А.А. Зимин, например, видел в нем лишь искаженное изложение позиции самого митрополита Дионисия, а не патриарха Иоакима (Зимин, 1986: 137). Но точка зрения А.П. Богданова должна считаться в данном случае более обоснованной.

по вопросам семьи и брака, причем арбитра, неблагоприятно относящегося к идее развода по причине «бесчадия».

Но вот дальше идет сбой в логике.

А.П. Богданов считает, что для обретения подобного судьи Б.Ф. Годунов выдвинул кандидатуру Иова; Дионисия свели с митрополичьей кафедры, затем на ней недолгое время пребывал Иона, а его сменил уже Иов. По мнению исследователя, этот последний являлся человеком, «близким к Годунову», а значит, в принципе не стал бы поддерживать проекты, направленные против его сестры — царицы Ирины. В более откровенной форме историк пишет об этом следующее: «Какие же выгоды преследовал Годунов, добиваясь учреждения отдельного патриаршего престола для митрополита Иова? Есть основания полагать, что бывший опричник¹ и нынешний безраздельный правитель Российского государства достаточно хорошо знал Иова в прошлом и мог смело надеяться на него при осуществлении своих дерзновенных замыслов в будущем». И, далее: «В отличие от прежних митрополитов, патриарх постоянно, обыкновенно по пятницам, участвовал вместе с членами освященного собора в заседаниях Боярской думы, на которых принимались важнейшие государственные решения... Мнения патриарха и духовенства выслушивались в первую очередь. При слабом и неспособном к самостоятельному правлению государе Иов и подчиненные ему иерархи стали мощной опорой власти Бориса Годунова» (Богданов, 1999: 34, 40). Проще говоря, Годунову требовался «карманный» патриарх, и таковой в результате сложной политической игры был обретен.

Логично? Нет, совершенно нет.

Сбой логики виден прежде всего там, где историк мотивирует поступки Бориса Годунова, якобы ставшего инициатором и проводником политического курса на учреждение патриаршего престола в Москве. Если Годуновым удалось так или иначе договориться с патриархом Иоакимом о запрете на расторжение брака, чего большего могли они добиться от «карманного патриарха»? Повторного запрета? Но в условиях, когда строптивый митрополит Дионисий оказался сведен со своей кафедры², такой запрет мог выдать митрополит Иов безо всякого возведения в патриарший сан. Годуновы убрали «неудобного» Дионисия, а значит, могучая сила главы церковной иерархии более им не угрожала. Они поставили вместо него «удобного» Иова. Что ж, Иов действительно правил Церковью в добром согласии с царем и Борисом Годуновым. Имея друга в лице иерарха, наделенного митрополичьим посохом, Федор Иванович и Борис Федорович могли не опасаться каких-либо нападков со стороны Церкви. Остается непонятным одно: зачем надежного союзника наделять большим духовным авторитетом, т.е. в конечном итоге, большей силой, если он и без того способен обеспечить благожелательное отношение со стороны иерархии? К чему? Для надежности? Непонятно. Неужели митрополит с иными представителями духовенства не может сидеть в Боярской думе и обсуждать вместе со служилой знатью и думными дьяками государственные дела, если ему позволит участвовать в заседаниях сам государь? Неужели обязательно надо предварительно дать ему патриарший сан? Неужели без этого патриаршего сана путь в Боярскую думу для него закрыт, и, решая проблемы высшей политики, Годуновы и царь не смогли бы пользоваться его поддержкой? Ничего подобного. Нет никакого правила, отгораживающего митрополита от Боярской думы. Святители московские участвовали в государственной работе задолго до того, а св. митрополит Алексей даже возглавлял боярское правительство, когда князь Дмитрий Иванович — будущий Дмитрий Донской — был еще мал годами.

---

¹ Имеется в виду Б.Ф. Годунов.

² Подробнее об этом эпизоде говорится ниже.

Таким образом, схема, предложенная А.П. Богдановым, не выдерживает проверки логикой. Годуновы, разумеется, могли работать в направлении, приближавшем учреждение патриаршего престола в русской столице. У них для этого, как минимум, хватало политического умения и влияния при дворе. Но мотивировка их действий не получает разумного объяснения. Ни борьба с митрополитом Дионисием, ни естественное желание видеть союзника в лице первенствующего в Русской церкви иерарха, ни, тем более, договоренности с патриархом Иоакимом даже в малой мере не дают ответа на вопрос: зачем понадобилось патриаршество?

Историко-публицистическое сказание об утверждении патриаршества отвечает на этот вопрос без затей: по воле Федора Ивановича.

Действительно, когда в пределах Московского государства появился патриарх Антиохийский Иоаким (июнь 1586 г.), искавший милостыни, правительство приняло одного из столпов вселенского православия ласково и обставило его приезд с необыкновенной пышностью¹, но Церковь отнеслась к визиту Иоакима настороженно, чуть ли не холодно. В российской столице очень хорошо знали, в каком состоянии находятся иерархи Православного Востока. Как государи московские, так и архиереи помнили: до обретения Московской митрополией автокефального состояния в Константинополе можно было решить любой вопрос, хорошенько запасшись серебром. С середины XV столетия главы Русской церкви обладали полной самостоятельностью по отношению к Константинополю, в то время как патриархи Православного Востока вынуждены были мириться с жизнью на землях, захваченных турками. С Москвой их связывала «дорога смирения»: туда ехали, надеясь получить русские деньги на устройство самых насущных дел. А получая необходимые средства, сталкивались с подозрительным отношением. Эти подозрения имели под собой вескую основу: греческие православные иерархи действовали под полным контролем турецких мусульманских властей, либо оказывались в тесной связи с Ватиканом; значительная часть греческих «книжников» получала богословское образование на Западе, в латинизированных училищах. Глядя на все это, русские архиереи испытывали сомнения в стойкости веры греческих церковных властей. Иной раз подобные сомнения оказывались верными.

Так вот, когда патриарх Иоаким встретился с митрополитом Дионисием в Успенском соборе, в присутствии высшего духовенства, глава Русской церкви едва сдвинулся с места ему навстречу; более того, Дионисий, хотя и пребывал в более низком сане, первым благословил гостя, вместо того, чтобы смиренно принять от него благословение. Иоакима не пригласили служить литургию и даже не пустили в алтарь. Таков был знак полной самостоятельности владыки московского от церковных властей Православного Востока. Знак невежливый, да и прямо унижительный для Иоакима. Патриарху показали, кто здесь *на самом деле* старший, невзирая на сан. Ему дали понять всю полноту собственного безвластия на Руси.

Как поступил грек? Прервал официальную встречу? Обличил Дионисия? Уехал из Москвы? Ничуть не бывало. Нищета — жестокий учитель, повинувшись этому педагогу, Иоаким ограничился лишь кратким замечанием в адрес митрополита Московского.

Никто перед ним каяться в совершенной ошибке не стал.

Вскоре после инцидента в Успенском соборе государь Федор Иванович выступил в Боярской думе. Источник приводит царскую речь, весьма основательную, разумную, свидетельствующую о понимании действительного положения вещей в отношениях между Москвой и Православным Востоком. Среди прочего, монарх сказал, обращаясь к правительственным мужам: «Восточные патриархи и прочие святители только имя святителей носят, власти же едва ли не всякой лишены; наша же страна, благода-

---

¹ Его даже почтили, пригласив на обед к государю.

тию Божию, во многорасширение приходит, и потому я хочу, если Богу угодно и писания божественныя не запрещают, устроить в Москве превысочайший престол патриаршеский». На это присутствующие согласились, решив обратиться за утверждением к патриархам Православного Востока.

Если источник не лжет, царь должен был сочинить или, как минимум, воспроизвести эту речь в Думе. Может быть, намного короче, нежели сказано в источнике, но все-таки высказаться по этому поводу, инициировав осуществление великого плана. Федор Иванович, при всем его молитвенном, блаженном складе личности, был способен исполнять роль оратора при официальном обсуждении важных вопросов. Нет никаких оснований отрицать сам факт произнесения речи. Допустим даже, не сам монарх сочинил ее. Но прежде подобного выступления царю требовалось ознакомиться с самой идеей или уже готовым документом. А ознакомившись, почувствовать ее правильность, изъявить волю не только к утверждению проекта, но и к выступлению, дававшему ход всему делу. Для столь набожного человека, каким являлся Федор Иванович, идея о создании патриаршего престола в Москве стала сущим подарком, надо полагать.

Кто высказал ее первым? Сам государь из соображений чистого благочестия? Не исключено. Царица Ирина, пытаясь смягчить сердце неприятеля своего — Дионисия? Весьма возможно. Кто-то из монарших приближенных, например, тот же Годунов? Вероятно. Митрополит Дионисий, пожелавший сравняться в сане с нищими восточными патриархами? И этот вариант нет оснований отрицать; более того, он, по причинам, которые будут изложены ниже, представляется наиболее вероятным. Кто-то из Шуйских, руководствуясь тем простым рассуждением, что, жертвуя Иоакиму казенные деньги¹, надо получить от него весомую прибыль; святитель доставил в Москву драгоценные частицы мощей от пяти древних святых и поднес их государю к великой монаршей радости, но знать русская, думается, могла искать чего-то более серьезного — по ее мнению. Почему бы нет? Шуйские тогда оставались еще в силе, особенно князь Иван Петрович, герой обороны Пскова от полчищ Стефана Батория.

Простор для трактовок чрезвычайно велик. В любом случае, данная мысль прежде стала родной для царя, нашла место в его сердце, и только тогда получила от него силу действительной государственной затеи, а не пустого мечтания. Иначе говоря, если б не волеизъявление Федора Ивановича, патриаршества на Руси не появилось бы.

А.П. Богданов пошел против источника, объявив: «Вполне возможно, что от Федора Ивановича требовалось только согласие с основной мыслью, а доклад от его лица в Боярской думе сделало доверенное лицо: такое случалось настолько часто, что вошло в традицию. Это тем более вероятно, что “царская речь” была замечательно красноречива, что в высшей степени отличало Годунова и было совершенно не свойственно его зятю» (Богданов, 1999: 14). Тут произвольно все, от первой до последней фразы. Откуда взялась невиданная традиция: писать, что говорил именно государь, тогда как отправлено было на «прочёт» какое-то доверенное лицо? Неясно, зачем понадобилась тут выдумка, ни на чем не основанная. Речь стала «красноречивой» после того, как ее «отточили» в канцелярии те, кто составлял сказание. Какие именно слова реально прозвучали на заседании Думы, определить не представляется возможным — лишь общий смысл их ясен. Борис Годунов, действительно, отличался даром убеждения, но «книжным» человеком не был, и приписывать ему идеологически отточенный

---

¹ Денег на милостыню греческим иерархам уходило невероятно много. По данным митрополита Макария, щедрый богомольный государь Федор Иванович за первые пять лет своего царствования в Святую землю, Константинополь, на Афон и на Синай отправил более 5000 рублей серебром, не считая мехов и ценных предметов церковного обихода. К этому следует присоединить значительные суммы, отправленные сербским и болгарским обителям, а также тамошним архиереям. Православные братья, приезжавшие в Москву с юга, не знали отказа у Федора Ивановича (Макарий. Т. 4. Ч. 2. Отдел 2: 178–179).

документ нет ни малейшего резона. А речь именно тонка, наполнена в высшей степени точными формулировками и отличается совершенной ясностью в вопросах, относящихся к истории Церкви. Если искать ее составителя, то, скорее, среди весьма начитанных духовных лиц.

Итак, положа руку на сердце, при нынешнем состоянии источников *нельзя твердо определить главного автора идеи об учреждении патриаршего престола в Москве.*

Можно ли назвать *наиболее вероятную фигуру* или, вернее, фигуры, инициировавшие всё дело?

Это вряд ли Борис Федорович Годунов. Он, конечно, обладал своего рода благочестием, отражавшимся в целой программе храмового строительства. Иными словами, Б.Ф. Годунов мог воспринять затею с патриаршеством как добрый христианин, мог способствовать ее осуществлению. Но источники ничего не сообщают о такой степени религиозного чувства у «князя-протектора», чтобы он мог заняться проектом, ведущим к повышению «чести» Русской церкви. Собственно, к Церкви Борис Федорович относился без особого пиетета: документы, лишавшие ее податных льгот, были разработаны в тот период, когда он возглавлял правительство. Откуда же в нем столь пылкое рвение совершить нечто на благо Митрополичьего дома Московского? Лично митрополиту Дионисию Годунов был врагом, чему в источниках есть недвусмысленные свидетельства. Запрет на развод сестры Бориса Федоровича с царем удалось получить от Иоакима безо всякого введения патриаршества, — следовательно, с деловой, политической точки зрения, у Годунова не было в этом надобности. Между тем, когда Боярская дума одобрит идею, высказанную государем, Борис Федорович приложит немало усилий к воплощению ее в жизнь. Не как инициатор, но как исполнитель Б.Ф. Годунов немало сделал для утверждения патриаршества в России.

Великая знать московская, Шуйские со Мстиславскими? Идея старшинства, «чести» была им близка и понятна, поскольку положение их собственных родов требовало постоянного поддержания на самом высшем уровне в системе местнических счетов. Они отлично различали родовитые семейства от «неродословных» и «худородных», «боярские» от небоярских. Синклит православных патриархов мог в их глазах выглядеть как некое подобие Боярской думы для высшего духовенства. У нашей знати, умудренной хитросплетениями местничества, возникал справедливый вопрос: а наше-то почему в «духовные бояре» не пускают? И если ему выходит «поруха чести», то не ложится ли она хотя бы отчасти и на нас? И не поправить ли это дело, двинув нашего повыше? С другой стороны, высшая знать московская, к сожалению, давно приучилась смотреть на представителей Священноначалия без должного уважения к их сану. В эпоху «боярского царства», т.е. 1530-х–1540-х гг. аристократические партии играли судьбой митрополичьей кафедры, время от времени «ссаживая» с нее глав Русской церкви. Затем царь Иван Васильевич явил образцы устрашающей грубости, жестокости и непочтительности по отношению к архиереям русским. Их лишали кафедр, отправляли в изгнание и даже убивали велением светской власти. Печальна судьба митрополита Филиппа, убитого опричником; архиепископа Пимена, сброшенного с Новгородской кафедры, прошедшего унижения и отправленного в ссылку; архиепископа Леонида, травленного собаками, а затем уморенного голодом. Много ли почтения к духовным владыкам оставалось у нашей аристократии после таких картин?

Единственным человеком, прямо, самым очевидным образом, заинтересованным во введении патриаршества на Руси, был митрополит Московский Дионисий. И он-то как раз проявлял культурные и политические свойства деятеля, способного породить такую идею. И вот на этом следует остановиться подробнее.

Проведя несколько лет настоятелем Варлаамо-Хутынского Спасо-Преображенского монастыря под Новгородом¹ и добившись от Ивана IV значительных пожалований обители, в феврале 1581 года Дионисий был хиротонисан во епископа и возведён в сан митрополита Московского и всея Руси. Как сообщает новгородская летопись, Дионисий взшел на митрополичью кафедру «избранием царя и великого князя Иоанна Василиевича всея России» (Новгородские летописи, 1879: 347). Как видно, государю, в 1570-х гг. проводившему немало времени в Новгороде, бывавшему в Хутынском монастыре, Дионисий был известен лично и какими-то чертами характера вызвал у монарха положительное к себе отношение.

Обширная Новгородская область уже дала в середине XVI столетия двух выдающихся церковных деятелей, восшедших на вершину иерархии: св. Макария и св. Филиппа. Книжный человек и, в то же время, истинный пастырь, Дионисий наследовал, в определенной мере, традициям как первого, так и второго.

О времени его пребывания на Московской митрополичьей кафедре известно от-носительно немного².

Сделавшись главой русского духовенства в 1581 г., он властвовал в условиях умаления Русской церкви. В годы его правления царь жил с Марией Нагой, соединенный незаконным браком, а Церковь ущемлялась в имущественных правах.

Нажим на Церковь в этом направлении начался задолго до прихода Дионисия на Московскую кафедру. В 1572 г., т.е. еще при Иване IV, был принят соборный Приговор об ограничении прав на распоряжение вотчинами. Признано было как норма, что большие монастыри, где есть обширные земельные владения, вотчин по вкладу более получать не могут, вотчинная земля может переходить лишь в малые монастыри, и то — «доложа государю». Решение смягчалось тем, что родственникам вкладчиков за-прещалось в дальнейшем выкупать земли у монастырей. Современный исследователь В.В. Шапошник высказал обоснованное мнение, согласно которому «Вотчинное земле-владение в годы опричнины пережило настоящую катастрофу... создавшаяся в стране ситуация обогатила в первую очередь крупнейшие обители, на долю которых приходи-лось 99 % вкладов... Правительство решило предпринять меры, направленные к огра-ничению роста церковных владений» (Шапошник, 2006: 354–355). С его точки зрения, есть основания считать, что к середине 70-х годов XVI столетия отношения Грозного с духовенством переживали кризис, связанный «...с общим ухудшением экономической ситуации в стране с необходимостью изыскивать средства на продолжение бесконеч-

¹ По данным П.М. Строева, настоятельство Дионисия началось в 1577 г. (Строев, 1877: 6, 50).

² Современный церковный историк архимандрит Макарий (Веретенников) приводит некоторые подробности в биографическом очерке, помещенном в «Православной энциклопедии»: «В связи с хиротонией и возведением на митрополичий престол Д. 5 февр. 1581 г. был составлен новый чин интронизации, более детализированный и торжественный в сравнении с чином, составленным в 1564 г. в связи с поставлением митр. Афанасия (чин 1581 был использован в 1589 для разработки чинопоследования при возведении митр. св. Иова в сан патриарха). Одним из первых деяний Д. в качестве главы Церкви стало его ходатай-ство в 1581 г. с собором духовенства перед царем Иоанном IV Васильевичем за попавшего в опалу кн. И.Ф. Мстиславского... С деятельностью Д. можно связывать распространение почитания чудотворного образа Божией Матери «Знамение», древней святыни Новгородской земли. В 1583 г. “государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси приговорили со отцем своим и богомольцем Деонисием, митрополитом всеа Руси, и со архиепископы и епископы, и со архимариты и игумены, и со всем Освящен-ным Собором месяца ноября в 27 пети Знамению Пречистые Богородицы”... Д. возглавил ряд епископ-ских хиротоний: в 1581 г. — св. Иова во епископа Коломенского и Каширского (в 1586 архиерей был перемещен на Ростовскую кафедру с возведением в сан архиепископа, затем сменил на кафедре Д., впосл. стал первым патриархом Московским и всея Руси), в 1583 г. — Варлаама во архиепископа Сар-ского и Подонского, 11 окт. 1586 г. - Антония во епископа Вологодского и Великопермского. При Д. бы-ла восстановлена территория Новгородской епархии. В 1584 г. Новгородской кафедре были возвращены “Двина, Колмогоры, Каргополь, Турчасово, Вага и с уезды”, изъятые после опричного разгрома Вел. Новгорода в 1570 г. и переданные Вологодской кафедре».

ной Ливонской войны». Поэтому вполне вероятно, что царь пришел к выводу, согласно которому «...крупные монастыри... могут принять на себя достаточно большую часть расходов на продолжение военных действий... В источниках имеются указания на изъятие средств у крупнейшего в стране Троицкого монастыря... возможно, подобные акции по пополнению казны проводились в 1574–1575 гг. не только с помощью Сергиевой обители. О такой практике писал, например, Флетчер» (Шапошник, 2006: 362). Да и не один лишь Флетчер, но и другие иноземцы, например, папский посланник Антонио Поссевино, имевший хватку настоящего разведчика. По словам последнего, «...митрополит избирается самим государем и посвящается в сан двумя или тремя епископами. Говорят, он получает годового дохода около 18 тысяч талеров (составляющих около 13 тысяч золотых). Но с него, как и с остальных епископов, даже и не столь богатых, князь [Иван IV] иногда берет дань или (как они говорят) “помощь”» (Поссевино, 1983: 10).

Соборный приговор 1580 г. окончательно зафиксировал ограничение прав Церкви на увеличение церковной недвижимости: запрещалось делать земельные вклады «по душе»; Церкви запрещалась покупка земель и закладные операции с ними; то, что уже состояло в закладе у Церкви, отходило в казну под обещание будущей компенсации; впредь жаловать монастыри землей мог только сам государь. Более того, ставилась под вопрос судьба княжеских вотчин, дарованных Церкви ранее: в сущности, по букве соборного Приговора, царь мог их у Церкви забрать. В московском Соборе 1580 г. Дионисий участвовал лично, как настоятель одного из славнейших монастырей страны. Его подпись имеется на итоговом документе (Законодательные акты, 1987: 59).

А соборный приговор лета 1584 г. (уже при царе Федоре Ивановиче и в период пребывания Дионисия на митрополии), подтвердил статьи соборного Приговора 1580 г., а также зафиксировал отмену церковных и монастырских «тарханов» (податных льгот). С 1 сентября 1584 г. приостанавливается действие тарханских грамот, Церковь начинает выплаты за право торговли (чего прежде не бывало) и больше не держит у себя в закладчиках торговых людей, дабы они платили налоги государству. Итак, глава Церкви вынужден был склонить голову перед светской властью с ее разорительными требованиями.

А.В. Карташев хладнокровно отметил: «Финансовые нужды государства были таковы, что... митрополит должен был поступиться на соборе... многими льготами церковного землевладения» (Карташев, 1, 1993: 449). Но для русского духовенства обстоятельства того времени выглядели как ряд потерь, последовательно становившихся всё тяжелее и тяжелее. Иван IV давно вел войну без особенного успеха, и с 1578 г., с несчастливой для русской армии битвы под Венденом, открылась серия страшных поражений, вплоть до 1582 г. (т.е. до завершения славной обороны Пскова) лишь изредка прерывавшейся частными успехами. Военное положение России с 1571 г., т.е. со времен прорыва Девлет-Гирея к Москве было тяжким, но на рубеже 1570-х и 1580-х гг. оно сделалось просто ужасающим. Иван Грозный, его правительство и его воеводы проигрывали войну и проиграли ее, спалив в громадной печке боевых действий неисчислимые человеческие и финансовые ресурсы. Церковь платила за скверное руководство страной, за поражения на поле брани, а когда война завершилась, положение страны оставалось столь серьезным, что на подъем военно-служилого класса, разоренного и сильно сократившегося в численности, правительство вновь нескрудно зачерпнуло из церковного кармана.

Конечно, в истории православных царств не раз случалось, что Церковь давала монарху деньги на ведение войны, которая имела под собой религиозную подоплеку и велась под стягами веры, — например, в эпоху императора Ираклия I, получившего средства для борьбы с персами. Но Ираклий победил, а Иван IV проиграл, и в этом вся

разница. Под властью иноверных завоевателей остались земли, населенные русскими православными людьми.

При этом, как уже говорилось выше, церковная иерархия не только несла имущественные потери, но и подвергалась физическим расправам: Филипп, Пимен, Леонид, казни монастырского начальства, убийство митрополичьих служильцев... И даже судьба предшественника Дионисия по Московской кафедре, митрополита Антония, вызывает вопросы. Современный церковный историк милосердно обошелся с его памятью: по его словам, митрополит Антоний в 1581 г. сошел с кафедры на покой, «возможно, Первосвятитель плохо себя чувствовал, и это явилось причиной ухода его...». Ушел он, по всей видимости в Новоспасский монастырь, где и был впоследствии погребен (Макарий, 2005: 119–121). Но тот же Поссевино осторожно говорит, что пока Антоний при Дионисии оставался жив, именно его считали «настоящим митрополитом». А значит, и тут угадывается какой-то скрытый конфликт с государем.

Дионисий как никто другой понимал, сколь низко упал духовный авторитет Священноначалия, сколь необходимо возвысить его вновь.

Дионисий «...слыл в свое время за человека очень умного и образованного, почему и назван в летописи “премудрым грамматиком”. Обладал он силою воли и характера», — как пишет митрополит Макарий. Так же и С.М. Соловьев отмечал: «В хронографах его называют мудрым грамматиком», — т.е., человеком большой образованности, одаренный, возможно, и риторским талантом. Сочинения Дионисия неизвестны, однако трактовка хронографических известий заставляет предположить либо то, что они существовали, но не дошли до наших дней, либо то, что Дионисий отличался «книжностью ума», т.е. интеллектуальностью, хотя и не брался за перо.

Действительно, владыка Дионисий имел нрав суровый и непреклонный. Мирясь с утеснениями, он шел порой на компромиссы, но мог проявить твердую волю в диалоге с монархами и их фаворитами. Так, например, в 1582 г. вышел громкий инцидент с папским представителем в России Антонио Поссевино. Тот играл важную дипломатическую роль, участвуя в переговорах с королем Стефаном Баторием. Пытаясь пробудить в сердце Ивана IV благосклонность к вере католической, он вел ним диспуты о вере. Получив от царя разрешение (и даже приглашение!) зайти в кремлевский Успенский собор «смотреть церковныя красоты», Антонио Поссевино не смог зайти в здание, поскольку «...митрополит Деонисей пустить его не велел, что крестного знамения на себя не положил» (Московский летописец, 1978: 228). Поссевино позднее писал, что его со свитой как-то неудобно поставили у входа с собор вместе с людьми русской знати, да он, к тому же, хотел избежать целования руки русскому митрополиту, к чему его принуждал царь Иван, да еще боялся провокации, о которой якобы слышал заранее...¹ В действительности же, папского посланника остановили у входа в собор рус-

---

¹ Вот что известно со слов самого Поссевино, весьма уклончивых и оставляющих впечатление какой-то скользкости, об этой истории: «[Иван IV] пригласил его (Антонио Поссевино. — Д.В.) сесть, а затем позвал его подойти ближе, и Антонио услышал следующие слова: “Антоний, наши бояре доложили нам, что ты желаешь посетить наши церкви, и в этом мы хотим доказать тебе милость... Мы приказали нашим знатым людям отвести тебя в эти храмы. В них ты увидишь, с каким благоговением мы молимся святой Троице, почитаем и молим пресвятую богородицу и святых. Ты сможешь увидеть, с каким благоговением мы относимся к святым иконам, ты увидишь и лик пресвятой Богородицы, написанный святым Лукой. Но ты не увидишь, что мы носим своего митрополита в кресле”. Антонио не ожидал услышать таких слов... но, попросив переводчика говорить погромче, ответил так: “То, что делается по благочестивым обычаям для славы Божьей, это мы одобряем и хвалим. Но что касается моего посещения твоих храмов, знай, что я ни у кого не просил разрешения присутствовать при богослужениях и молебствиях твоих священников. Ведь я знаю, как это у вас делается. И до тех пор, пока между вами не установится согласие в деле веры, и твой митрополит не будет утвержден тем, кто владеет святым престолом... мы не можем присутствовать при этих богослужениях. Что же касается того, что великого первосвященника носят в кресле, то я уже говорил тебе, что это делается для того, чтобы благословлять народ... Гораздо

ские приставы, поскольку он решил зайти сам, не дожидаясь царя, а митрополит написал специальную грамоту с выписками из соборных правил, запрещавшую это (Поссевино, 1983: 86–87, 246 (комм.)). Своевольному, самоуверенному человеку дали понять, что он переходит рамки дозволенного. Другой раз, уже при Федоре Ивановиче, митрополит Дионисий пожелал примирить враждующие придворные партии Шуйских и Годуновых. Для того чтобы влезть между группировками ожесточившихся аристократов, требовалось немалое мужество. Подобным образом мог и должен был поступить истинный христианский пастырь. Не его вина, что примирение вышло притворное и протояло совсем недолго. Вот что рассказывает об этом эпизоде Новый летописец: «Борис... Годунов с своими советники держаше великий гнев на Шуйских, а ини же ему противляхусь и никако ж ему поддавахусь ни в чом; гости же всякие московские, торговые люди черные все стояху за Шуйских. Митрополит же Дионисей не хотя в них сия вражды видети и хотяше в мир свести их и посла по них. Они же приидоша к нему, он же моляше их о мире. Они же ево послушавшее и меж себя помиришася и взяша мир меж себя лестию. И изшедшу от митрополита и приидоша к полате Грановитой; туто стояху торговые многие люди, князь Иван же Петрович Шуйской, идучи, возвести торговым людем, что они з Борисом Феодоровичем помирилися и впредь враждовать не

важнее то, что твой народ оказывает почет твоим епископам (если их можно считать епископами), окропляя глаза и другие части тела той водой, которой они моют руки, и очень часто перед этими епископами люди склоняются до земли и касаются земли лбом”. Услышав эти слова, государь сказал, что этим таинством воды обозначается воскрешение Иисуса Христа. Антонио прибавил: “Чтобы мне не причинять тебе досады всем этим, пусть твоя светлость прочтет то, что я по твоему поручению написал о расхождении между католической и греческой верой. Из него ты поймешь, что, если бы ты захотел, можно было бы много сказать о такого рода делах”. Государь взял это сочинение и приказал отвести Антонио в храм пресвятой Богородицы, но, когда тот уже выходил из палаты, воскликнул: “Смотри, Антоний, не приведи в храм какого-нибудь лютеранина!” На это Антонио сказал: “Мы, государь, не допускаем к себе лютеран, если они: не образумятся, и у нас с ними нет никаких связей”. Затем, опустившись с лестницы, знатные люди попытались поставить Антонио с правой стороны храма пресвятой Богородицы вместе со своими людьми, где он собирался ждать выхода князя. Между прочим, его не уведомили о таком деле, и он и не помышлял о нём, так как уже достаточно ясно объявил государю, что не будет присутствовать ни на богослужении, ни на их молебствиях при народе. Но, увидев, как сложилось дело, Антонио понемногу (но открыто) со всеми своими людьми отошел отсюда. Тогда знатные люди стали все разом говорить ему, что он так хорошо вел себя по отношению к их государю при всех остальных обстоятельствах, но в настоящее время он наносит государю большую обиду. Но Антонио представил им такие доводы, что весь многочисленный народ пришел в изумление, а прочие, более знатные люди, были поражены и ожидали, что с Антонио произойдет что-нибудь очень страшное. И вот бояре, уже спустившиеся с государем на самую площадь, выполняя приказание, подошли к Антонио, который довольно далеко отошел от этого храма. Узнав, в чем дело, они доложили об этом государю, впереди которого шли некоторые священники, неся икону пречистой девы. Тогда государь, остановившись со всеми своими приближенными посередине площади, почесал голову рукой, не зная, что делать, но в конце концов снова послал бояр сказать Антонио: он спустился [сюда] и хочет оказать ему свою милость, но раз Антонио не хочет ее принять, то ему остается подняться во дворец в обычную палату, куда немного позже придут бояре для переговоров о делах... и, как только государь приблизился к храму, навстречу ему вышел митрополит с некоторыми епископами и священниками. Произнеся слова приветствия, его отвели в храм и дали поцеловать крест. Впоследствии: Антонио слышал от знатных людей, что в этом храме были сделаны постройки и была возведена кафедра для Антонио, чтобы он мог все видеть и чтобы затем бросить ему какой-нибудь упрек о вере. Избежав этого несчастья и целования рук митрополита, чего очень хотел государь, Антонио, как только поднялся в палату, сняв с груди крест вместе с мощами, здесь же со всеми своими людьми, а их было 15 человек, преклонив колена, прочитал довольно громким голосом «Тебя, бога, славим»... После всего этого к Антонио пришли бояре, и он представил им соображения, почему государь, если хотел (как они говорили) проявить к Антонио свою милость, не должен был порицать великого первосвященника, поставленного Христом: ведь он не считает, что его посланцы ниже митрополита, который даже и не митрополит, потому что другой, который называется митрополитом, жив до сих пор и находится в монастыре, а еще один за то, что открыто порицал нравы государя, со всеми своими людьми был сожжен, и никто из них не был утвержден наместником Христа» (Поссевино, 1983: 84–87).

хотят меж себя. И выступя ис торговых людей два человека и рекоша им: “Помирилися вы есте нашими головами, а вам, князь Иван Петрович, от Бориса пропасть да и нам погинуть”. Борис же тое же ноци тех дву человек поима и сослал безвестно, неведомо куды. Борис же с своими советниками не умягча своего сердца на Шуйских...» (Новый летописец, 2000: 36).

Мог ли такой человек войти к царю с идеей превратить митрополию Московскую в патриархию? Думается, мог. Желал ли он придать Русской церкви новый блеск после трудных лет грозненского царствования, после экономического урона, нанесенного ей правительством совсем недавно? Не только желал, но и, по всей видимости, искал к тому способы. Во всяком случае, пышное венчание Федора Ивановича на царство половиною роскоши и величественности своей обязано Церкви.

Тогда, в начале 1584 г. коронационные торжества явили картину симфонии Русской церкви и Российского государства. Всмотримся в своего рода диалог царя и митрополита, состоявшийся в день венчания на царство.

Это сейчас, из XXI столетия, после трехсот семидесяти лет пребывания России под управлением царей, видится естественным и неотменным делом, что после смерти одного царя тот же титул принимает его наследник. Но для XVI века царский титул в отношении Московской державы был новинкой. Еще родитель Федора Ивановича начинал правление как великий князь Московский, а вовсе не как царь. И соседи России далеко не сразу и не без сопротивления приняли это нововведение. Царственность, помимо высочайшего статуса в православном мире, помимо повода претендовать на византийское наследие, была еще и тяжким бременем: она доставляла немало трудностей в общении русского монарха с собственной служилой знатью, к тому же утверждалась на арене внешней политики с помощью упорной дипломатической борьбы. В 1584 году, при всей очевидности ответа на вопрос, кто станет преемником Ивану IV, совсем не очевидно было, что этот преемник обязательно примет царский титул. Требовалось усилие государственной воли, дабы возвести первый опыт в ранг традиции. И, конечно, абсолютно уместно прозвучали слова, сказанные Федором Ивановичем в день восшествия на престол. Летопись вложила в его уста следующее обращение к митрополиту Московскому Дионисию: «О преосвященный богомолец наш Дионисей митрополит всеа Руси. Божиим изволением прародители наши великие государи детей своих благословляли Российским царством и великим княжеством. И отец наш блаженные памяти великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа России самодержец оставль земное царство и приим аггелский образ и отъиде на небесное царство, а меня сына своего благословла великими государьствы Владимирским и Московским и Новгородским, и царством Казанским и царством Астороханьским и государством Псковским и великим княжением Смоленским и Тверьским и всеми гоударьствы всего Росиискаго царьствия. И велел мне на те великие государьства венчаться царьским венцом и диадимомю по древнему нашему чину. И ты бы богомолец наш на то царство и на великое княжение по Божий воли и по благословению отца нашего блаженные памяти великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа великия Россия самодержца благословил и венчал царьским венцом и диадимомю по древнему нашему царьском чину» (Александро-Невская летопись, 2009: 222)¹. Конечно, сейчас трудно судить, сколь точно передано летописцем содержание монарших речей. В летописных памятниках, не имеющих государственного происхождения, приводится несколько иной текст, хотя и близкий по смыслу².

---

¹ Что касается слов о «древности» чина венчания на царство, то это, мягко говоря, преувеличение: первый и единственный обряд подобного рода произошел 1547 году.

² «Ведомо тебе отцу нашему и богомольцу, преосвященному Деонисию, митрополиту Московскому и всеа Руси, и вам, богомольцам нашим архиепископам и епископам, и всему освещенному собору, и вам,

По словам английского торгового агента Джерома Горсея, в Успенском соборе, возложив царский венец на голову Федора Ивановича, «митрополит стал громко читать небольшую книгу — увещания царю творить истинное правосудие, мирно владеть венцом его предков, дарованным ему богом, причем, в следующих словах: “Бог всемогущий и безначальный, прежде века бывший, в Троице славимый, единый Бог, отец, сын и дух святой, создатель, все и везде творящий, чьим соизволением человек живет и дарует жизнь; Бог единый, словом своим через господа нашего Иисуса Христа и святого духа жизни даровавший нам свое откровение, теперь, в тревожные времена, укрепи нас хранить в правоте скипетр, да царствует разумом своим на благо государства и подчинение народа, на одоление врагов и восторжествование добродетели”. Затем митрополит благословил и возложил на него свой крест» (Горсей, 1990: 142–144).

Нашлось бы у Дионисия достаточно интеллектуальной силы для столь масштабного проекта, как учреждение патриаршей кафедры в Москве? Очевидно, да. Не зря его именовали «премудрым грамматиком». И, наконец, последнее. В случае утверждения патриаршества в Москве именно Дионисий сменил бы митрополичий сан на патриарший.

Вышло иначе. Скорое падение Дионисия лишило его этой возможности.

Митрополит Дионисий был силен духом, но в качестве влиятельного игрока на арене большой политики он мог выступать, только пока за ним стояла значительная сторонняя сила — группировка высшей аристократии, враждовавшая с «партией» Годуновых: Шуйские, Мстиславские, Воротынские, Головины и т.д. В Церкви Дионисию оказывал явную поддержку лишь один архиерей — владыка Крутицкий Варлаам. Когда синклит Шуйских с многочисленными сторонниками подвергся разгрому, падение Дионисия и Варлаама оказалось делом времени.

Удивительно! Летом 1586 года митрополит Московский и всея Руси, встретившись с одним из патриархов православных, повел себя с неприступной гордостью. С одной стороны, владыка взял на себя труд неприятный, но, вероятно, необходимый: дать приезжим грекам четкое понимание фактического старшинства в межцерковных отношениях. С другой... все-таки встретились два монашествующих; из каких же иноческих традиций следовала необходимость перейти от смирения и самоуничтожения к унижению другого человека, облеченного, к тому же, высоким духовным саном? Не автору этих строк, обыкновенному мирянину, судить высших иерархов нашей Церкви. Но стоит хотя бы сказать о некоторой соблазнительности сцены, произошедшей в стенах Успенского собора. От нее осталось в истории странное послевкусие: какое-то удалое «знай наших!» Между тем, Бог позволил митрополиту Дионисию первенствовать в Русской церкви всего лишь несколько месяцев после встречи его с Иоакимом. Пали Шуйские, и вслед за ними расстались с архиерейскими кафедрами их союзники.

Впрочем, на закате митрополичьих трудов Дионисий предстал едва ли не мучеником, во всяком случае, отважным человеком. Вот что рассказывает о нем Новый летописец: «Митрополит... Деонисей да с ним собеседник Крутицкий архиепискуп Вар-

---

бояром нашим и окольничим, и всему синклиту нашего царьского величества, и всем православным христианом, как по закону Божию и по преданию святых отец и по изложению нашея христианския веры от благочестиваго перваго христианского царя Константина и по нем бывших Устиниана и Феодосья Великих и прародителей наших российских царей и великих князей обычаев по преставлении благословляли на государства больших детей своих. По тому обычаю и блаженные памяти отец наш царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, оставя земное царство переселился в вечное блаженство, благословил на Владимирское и Московское государство с прележащими государствами меня, большого сына своего, и нарек царем и великим князем всеа Руси. И тебе бы, отцу нашему и богомольцу Деонисию, митрополиту всеа России, со всем освященным собором нас благословити и молити Бога о всех нас, дабы Господь Бог во дни нашего царствия устроил мир и тишину, и благоденствие, и преизобилие всякаго блага» (Московский летописец, 1978: 231).

лам видя изгнание бояром и видя многое убийство и кровопролитие неповинное и начаша обличати и говорити царю Федору Ивановичю Борисову неправду Годунова, многие его неправды. Борис же видя с своими советниками его крепкое стоятельство и оболгал ево царю Федору Ивановичю, и с престола ево сведоша и архиепискупа Крутицкого. И сосла их в заточение в Великий Новгород: митрополита Деонисия в монастырь на Хутыню, а архиепискупа в Антонов монастырь; там они скончашася. На престол же Пречитые Богородицы на Москве взведен бысть на митрополию архиепискуп Ростовский Иев¹, а поставлен бысть на митрополию Московскими архиепискупы и епискупы» (Новый летописец, 2000: 37). Один поздний новгородский летописный сборник содержит весьма близкое сообщение: «Повелением царя Феодора Иоанновича Дионисий митрополит оставил митрополию Московскую и послан в Новьгород в Хутынь монастырь, с ним же и Крутицкий архиерей в Антонов монастырь, тамо они и скончася, наущением Бориса Годунова, зане обличали его пред царем за некое несправедное убийство» (Новгородские летописи, 1879: 449).

Падение Дионисия и его отправка в Варлаамо-Хутынский монастырь произошла в последние месяцы 1586 г.

О дальнейшей судьбе владыки известно из послания самозванца Лжедмитрия I царю Борису Феодоровичу, написанного в 1604 г. из Речи Посполитой. Автор обвинял своего адресата, в частности, в том, что он «митрополита Дионисия сослал в монастырь, сказавши брату нашему Федору, что он внезапно умер, а нам известно, что он и до сих пор жив и что ты облегчил его участь по смерти брата нашего». Достоверность этого известия была и остается под сомнением. По другим свидетельствам, Дионисий скончался раньше этого срока.

Сложная, крупная, противоречивая фигура — митрополит Дионисий: гордец и стоятель за веру, фактически исповедник; «грамматик» и миротворец, крупный, хотя и неудачливый политик; в то же время, духовный пастырь, до конца исполнивший свой долг, не убоившись зла.

С конца 1586 г. никакие идеи, никакие нововведения церковные не могли исходить от Дионисия: он потерял доверие государя, а с ним и митрополичий сан.

Но кто знал о том, как сложится изменчивая политическая ситуация, за несколько месяцев до падения Дионисия? Кто летом 1586-го мог предполагать скорое сведение его с кафедры?

Среди светских историков неоднократно высказывалась идея, согласно которой патриарший престол Годуновы специально «готовили» для верного своего союзника Иова. Но тогда сам Иов должен быть наилучшим образом осведомлен о переговорах, связанных с созданием патриаршего престола в Москве. О чем же пишет он сам?

Рассказывая историю жизни и духовных подвигов царя Федора Ивановича, Иов начал повествование об учреждении патриаршего престола в столице России со слов «Изыде слух о его² благочестивом добродетельном исправлении и до самого царствующаго града Костянтинаграда и вниде во уши святейшаго патриарха Кир-Иеремея. Той же убо патриарх Иеремей, слышев сицева благоверного царя Федора Ивановича всеа Руси добродетельное исправление и великое благочестие, вскоре подшася преитти толикий долгий и скорбный путь, прииде в великую Россию, жалая видети великия христианские соборные церкви изрядное украшение и благовернаго царя Федора Ивановича благочестие...» (Повесть, 2000: 4). Из этого отрывка четко видно: историю, связанную с пребыванием на землях Московского государства Иоакима, патриарха Антиохийского, Иов не упоминает ни единым словом. События 1586 г. его не интересуют. Рассказ начинается с событий, имевших место несколько лет спустя, а именно, когда

¹ Иов, будущий первый патриарх Московский и все Руси.

² Речь идет о царе Федоре Ивановиче.

митрополитом Московским был уже сам Иов. Напрашивается вывод: если бы владыка Иов готовился принять патриарший сан еще в 1586 г., если бы идея через посредничество Иоакима добиться введения патриаршества на Руси принадлежала ему или же близким ему Годуновым, он бы сообщил о более ранней подоплеке учреждения Московского патриаршества. По всей видимости, ни он, ни Годуновы не были основными действующими лицами или хотя бы идеологами великого зачина всего дела о патриаршестве. Следовательно, Иов и не мог быть осведомленным лицом в отношении событий 1586 г.

Вероятнее всего — не точно, а именно вероятнее всего, — ситуация летом 1586 года развивалась следующим образом. Царь Федор Иванович, учтивый по отношению к духовенству, тем более, к архиереям Православного Востока, милостивый, щедрый, благочестивый, с радостью принял Иоакима. Он бы наделил его щедрой милостыней безо всяких переговоров о патриаршестве, за одно драгоценное посещение настоящим живым патриархом русской столицы, да еще за моление о царском чадородии. Не таков митрополит Дионисий. Он не скуп и не зол. Да, может быть, не такой уж и гордец: не чувства руководят его действиями, а расчет. Просто Дионисий в гораздо большей степени политик, нежели сам блаженный монарх. И он определил для себя: в гости к Русской церкви и русскому царю явился человек, у которого равным счетом ничего нет, помимо высокого сана; от лица русского духовенства его встречает человек, у которого есть всё — огромная паства, влияние на умы, широкое поле для миссионерской деятельности, богатые соборы и великие обители, но... нет столь же высокого сана. И царь передаст первому из них весьма значительные средства, в то время как Церковь, подвластная второму, была совсем недавно многого лишена, притом лишена дважды, под предлогом тяжелого состояния финансов. Если показать пришельцу, государю, да всему миру, сколь высоко стоит Церковь, управляемая из Москвы, возможно, удастся совершить размен, уравнивающий межцерковные отношения. Священноначалие греческое получит новую порцию богатой московской милостыни, а со Священноначалием русским оно поделится высотой сана...

Да ведь и вся жизнь церковная самым естественным образом подталкивала именно к этому. Москва давно уже сделалась одним из величайших средоточий церковной жизни христианского мира. Во многом именно здесь решались судьбы христианства. И будущее покажет, сколь мощное влияние русское православие окажет на судьбы православия вселенского. Патриаршество должно было тут появиться. И, видно, была на то небесная санкция, если дело оказалось решено всего за несколько лет. Но всякая гордыня должна отлетать от церковного управления. Здесь лучший владыка — тот, кому владыкой быть совершенно не хочется... И Дионисий, первым, быть может, воспринявший эту высшую санкцию, первые шаги совершивший к ее воплощению в конкретные формы церковного устройства, ничуть не выиграл для себя лично.

Итак, приведя Иоакима с его свитой, да и весь двор царский в потрясенное состояние, Дионисий получил от государя недоуменный вопрос, которого, надо полагать, он ждал и добивался: «Зачем?» Далее ему оставалось развернуть перед государем величественную перспективу: здесь, в Москве, на земле, подвластной ему, возникнет новый патриарший престол! Значит, столица России в сани своем уподобится древним и славным центрам христианства — Иерусалиму, Константинополю, Александрии и Антиохии. Наверное, государь возрадовался тогда. Наверное, сердце его, богатое верой, уповающее на милость Божию, осветилось огнем доброй надежды. Он рад был бы возвеличить Русскую церковь, он счастлив был бы сравнить московское благочестие со старинным благочестием того же Иерусалима, главного города Святой земли, или Константинополя — «Второго Рима». Безо всякой корысти, наполненный светом высокой надежды, царь идет к супруге советоваться: не сделать ли нам так, Иринushка? Та на

любое дело рада во имя Церкви, ибо страстно желает разродиться здоровым чадом и ждет, может быть, что ее с мужем благое начинание зачтется им Высшим Судией как на земле, так и на небесах. Потом уже от царственной четы узнает о митрополичьем плане Борис Годунов. Что для него эта идея? Вероятно, он еще пытается миром поладить в Дионисием, который рассержен на него за несоблюдение перемирия с Шуйскими. Конечно, Иоаким наложит запрет на развод сестрицы, но Иоаким скоро уедет, а Федору Ивановичу нужна нравственная поддержка... Так не сделать ли вопрос об учреждении патриаршего престола в Москве предметом своего рода торга с митрополитом? Как знать, не смягчится ли он, получив желаемое? Не перестанет ли быть откровенным врагом?

Как показало время, против Дионисия были применены гораздо более жесткие меры, нежели переговоры с элементами торга. Его растоптали, уничтожили. Но... не раньше того, как были растоптаны Шуйские. А пока те были еще при всей своей силе, стоило добром, почтительно подойти к пожеланиям митрополита.

Вот, скорее всего, какова была картина первых шагов по утверждению патриаршества в столице России.

Впоследствии, на протяжении нескольких лет, события развивались неспешно. И только в 1589 г. их течение ускорилося, и всё дело увенчалось благополучным завершением.

Борис Годунов, начав переговоры с Иоакимом, уговорил его взять на себя почетную и ответственную функцию. Надо полагать, не обладая щепетильностью Федора Ивановича в делах веры, конюший напомнил патриарху Антиохийскому, что источник богатой милостыни — двор государя московского — может откликаться на прошения греческих архиереев с разной интенсивностью... Видимо, для пригляда за святейшим и для задачи щедрого подаяния вместе с ним отправился в путь русский дипломат Михаил Огарков.

Иоакиму потребовался год, чтобы добраться до дома, установить связь с прочими православными патриархами и начать подготовку к большому церковному собору по столь важному делу. Летом 1587-го в Москву явился некий грек Николай с мольбами о новой порции милостыни, а также докладом о приготовлениях, устроенных по воле Иоакима и патриарха Константинопольского Феопипта. Собор четырех патриархов только еще планировался, глав Иерусалимской и Александрийской церковью только еще пригласили на него, но те пока не доехали до места. Иначе говоря, иерархи Православного Востока не торопились, разбирая проблему, поставленную перед ними энергичной Москвой¹.

Эту сонную неспешность взорвали внешние обстоятельства.

В Москве сменился митрополит², а в Константинополе — патриарх. И приезд в Москву нового патриарха Константинопольского, Иеремии, привел к хорошо известным событиям, итогом которых стало учреждение патриаршей кафедры в Москве.

Но за усилиями московского правительства, благоволением государя Федора Ивановича и благочестием св. Иова, первого патриарха Московского, не должна теряться и более ранняя история 1586 г., в центре которой стоял митрополит Дионисий Грамматик, тонкому уму коего, думается, Русская церковь обязана возвышением своей столичной кафедры. Крупный церковный деятель, он достоин того, чтобы память о нем сохранялась с почтением.

---

¹ В церковно-исторической литературе высказывалось предположение, согласно которому грек Николай мог сочинить всё это «...чтобы его пропустили за милостыней и не прогнали бы обратно» (Карташев, 2, 1992: 16).

² С 1587 г. митрополичью кафедру в Москве занимает Иов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александро-Невская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. М., 2009.
- Богданов А.П. Русские патриархи (1589 — 1700). М., 1999. Т. 1.
- Горсей Дж. Записки о России XVI — начала XVII в. М., 1990.
- Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Л., 1987.
- Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986.
- Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1-2. М., 1993.
- Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской церкви. М., 1996. Т. 4. Ч.2.
- Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской церкви. М., 1996. Т. 5.
- Макарий (Веретенников), архимандрит. Святая Русь: агиография история, иерархия. М., 2005.
- Московский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978.
- Новгородские летописи. СПб., 1879.
- Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. Ч. 1. М., 2000.
- Петр Петрей. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997.
- Повесть о честном житии царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Русии // Полное собрание русских летописей. Т. 14. Ч. 1. М., 2000.
- Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983.
- Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877.
- Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30-е–80-е годы XVI века. СПб., 2006.

ПРЕНИЯ С ГРЕКАМИ О ВЕРЕ АРСЕНИЯ СУХАНОВА И МАЛОРОССИЙСКИЕ ДЕЛА

Знаменитый спор Арсения Суханова с архиереями Православного Востока о том, могут ли греческие патриархи судить в делах Русской Церкви, возник в 1650 г. в связи с коварными планами запорожского гетмана, а вылился в трагедию Раскола. В наше время претензии Константинопольского патриарха верховенствовать над Московским и распоряжаться в его епархии выглядят столь же нелепо, как притязания греков XVII в. Но они не менее опасны, в первую очередь для многострадального русского народа Украины.

Осенью 1648 г. Богдан Хмельницкий обратил внимание на Иерусалимского патриарха Паисия, давно жившего на милостыню в Молдавии, и решил использовать его как агента влияния в Москве. Причина для этого была веской. Хмельницкому было необходимо втянуть Россию в войну. Гетман войска Запорожского с помощью Крымского хана с начала 1648 г. огнем и мечом отвоевывал себе владения на юго-востоке Речи Посполитой. Используя энтузиазм малороссийских народных масс, он жег города и истреблял поляков и евреев, не рискуя лишь трогать Киев, где евреи были коренными жителями с X в. Поляки и литовцы терпели поражения, но также жгли города и уничтожали русское население подданной им Малороссии. Крымчаки продавали в турецкое рабство всех, кого смогли захватить. Власть гетмана росла.

К лету 1648 г. гетман понял, что победить в войне не удастся, а заключить надежный мир невозможно: стороны сражались на уничтожение. Лишь нападение на Речь Посполитую третьей силы: Турции, России, Швеции или хотя бы Дунайских княжеств могло дать казакам шанс спасти не только жизнь, но и власть на части отвоеванных ими малороссийских земель. Хмельницкий начал работу во всех этих направлениях. И впоследствии его преемники до Мазепы будут торговать своим подданством Речи Посполитой, России, Турции и Швеции, сталкивая между собой сильные страны, чтобы сохранить власть над разоряемой войнами и обезлюженной Малороссией.

С 8 июня 1648 г. Хмельницкий осаждал юного царя Алексея Михайловича и Боярскую думу своими «листами» с обращениями, просьбами и требованиями военной помощи. В зависимости от неудач или успехов казаков и крымчаков — в обмен на «подданство», «дружбу» или даже «защиту» России от союзных гетману татар (Воссоединение, 1953, т. 2: № 12, 50, 52, 74 и др.)¹. Ратование за принятие казаков в русское подданство и стало миссией патриарха Паисия Иерусалимского (Воссоединение, 1953, т. 2: № 46. С. 81–103; 1 декабря 1648 — 28 июля 1649).

Гетман не затруднился за наличный расчет пригласить Паисия в Чигирин, где устроил казачью столицу, и соблазнить его перспективой щедрой милостыни, которую тот обретет в Москве. Заодно Хмельницкий решил с его помощью ряд личных проблем: смог торжественно вступить в Киев, где его не особо ждали, и за разумные деньги получить от грека согласие на свой брак с католичкой при ее живом муже, в чем митрополит Киевский, столп южнорусского православия, отказал гетману наотрез.

Услуги Паисия действительно стоили гетману недорого. Нищая патриархия Иерусалима и всей Палестины не могла прокормить патриарха, так что он редко там бывал. Паисий предпочитал гостеприимные Яссы, столицу Молдавии, где, кстати, и был хиротонисан в сан патриарха Святой земли в 1645 г. Но, в отличие от других греческих архиереев, навестивших Москву после него, Паисий занимал престол законно.

¹ Ср. № 58 (о «подданстве»); № 20, 25, 32, 34, 68 и др., ср. № 160, 162, 167 (о «дружбе»), обещание «защитить» Россию (№ 126). См. также: т. 3 за 1651–1654 годы.

Его посвятил в сан Константинопольский патриарх и утвердил турецкий султан Ибрагим I Дели (Безумный), а ко времени визита в Россию никто еще не сверг и не отлучил от Церкви.

Подноготную Паисия выяснили сотрудники Посольского приказа, описавшие его визит в Москву в 1649 г. и историю общения с ним в огромном свитке из почти 500 столбцов (РГАДА. Ф. 52. № 7). Основательности их изысканий способствовал здоровый скептицизм, которые русские светские и церковные власти в первой половине XVII в. проявляли к благочестию заезжих «греков», как называли пришельцев с Православного Востока (Опарина, 2004). Уточнил биографию Паисия по всему комплексу документов Н.Ф. Каптерев (Каптерев, 1891а, 1895).

Ранее он в докторской диссертации, защищенной в Московской духовной академии, поставил в центр истории отношений России с Православным Востоком «Прения» с Паисием русского посла Арсения Суханова. И сделал вывод, что Суханов был прав, выразив мнение русских о греках, сложившееся после отпадения Империи ромеев от православия во Флорентийскую унию и последовавшей за этим гибели Константинополя в XV в. Каптерев заключил, «что патриарху Никону не следовало слишком доверчиво относиться к приезжавшим в Москву грекам и по их указаниям исправлять наши древние церковные чины и книги» (Каптерев, 1914: II).

Значение этого вывода было велико. Утвержденные Синодом докторскую степень и профессорское звание Каптерева аннулировал лично обер-прокурор К.П. Победоносцев. Оспаривать позицию греков и сомневаться в реформах Никона — значит проявлять непочтительность к Церкви, указал он. Победоносцев, сам издававший документы XVII в. с помощью С.А. Белокурова, знал, что историки считают Паисия идейным вдохновителем Никона, одного из «ревнителей благочестия» при царе Алексее Михайловиче, которого Иерусалимский патриарх продвинул на Новгородскую митрополию, откуда тот взошел на Московский патриарший престол. Обер-прокурор был на стороне Никона, а значит и Паисия (Богданов, 1991: 493–517).

Но что такого сказал Суханов в споре с Паисием, если за согласие с его «Прениями с греками о вере» стоило запрещать отличную диссертацию, да еще и увольнять ректора Московской духовной академии?! Почему «Прения» два века объявлялись дерзкой подделкой староверов, к тому же поздней, ибо в XVII в. ученому книжнику было невозможно достичь такой полноты аргументов против благочестия греков (Ржевский, 1867)?

Авторство «Прений» вернул Суханову митрополит Макарий, изучивший архивные документы о приезде Паисия в Россию в 1649 г. и о спорах Арсения с ним в 1650 г. Он использовал Статейный список Суханова 1649–1650 гг.: его посольский отчет о поездке с Паисием, состоящий из двух частей. Первая содержит политический отчет, в том числе печальную повесть о переговорах с Хмельницким. Вторая — это «Прения» Арсения с Паисием и другими греками. Знал Макарий и дело Посольского приказа о посольской миссии Суханова (РГАДА. Ф. 52: № 8, 22). Митрополит подробно пересказал «Прения» и заключил, что они «представляют одно из самых ярких свидетельств о тогдашнем религиозном настроении умов в нашем отечестве» (Макарий, 1882: 148–158).

Диссертация Каптерева, который осмелился сравнить «Прения» с источниками о настроениях россиян до и после них, была запрещена, невзирая на авторитет скончавшегося к тому времени Макария. И над изданиями «Прений», похоже, висел злой рок. Политическая часть отчета Суханова прекрасно издавалась и доступна сегодня в контексте отчетов других русских дипломатов и разведчиков о затеях Хмельницкого («Статейный список Арсения Суханова 9 мая 1649 г. — 8 декабря 1650 г.» — Воссоединение, 1953, т. 2: № 76. С. 180–193) Церковная часть, составлявшая вторую, верх-

ную часть свитка, была сильно повреждена временем. Ее лакуны требовалось заполнять по спискам из богатой рукописной традиции, насчитывающей в конце XIX в. 24, а на сегодняшний день 54 манускрипта. Таких попыток было сделано три; каждый раз лакуны посольской рукописи заполнялись по одному, самому не подходящему списку (Белокуров, 1883; Проскинитарий, 1889: 327–359; Белокуров, 1894: 25–101).

Судить о содержании «Прений» в общих чертах ученые могли. Уверенности, что все изданное сказал и написал Суханов, включая яркий финал спора, не было. Пока мне не посчастливилось найти черновой автограф церковного отчета (РГАДА. Ф. 181: № 659), показавший весь процесс работы дипломата над текстом (Богданов, 1989).

Летом 1650 г. в Валахии Арсений взял свою лучшую бумагу для отчетов в Посольский приказ, старательно описал ход споров с греками, а через некоторое время, другими чернилами, выправил ошибки. Это была первая редакция «Прений». Позже, другими чернилами, он стал добавлять в текст опущенные прежде подробности, разворачивать отдельные аргументы и намечать, что еще существенного он пропустил. Это была вторая редакция, содержащая почти весь текст «Прений», за исключением переводов сочинений оппонентов (Богданов, 2016).

Важно, что автограф Суханова сообщил нам окончание «Прений», утраченное в списке Посольского приказа, представляющего третью редакцию. В ней наметки второй редакции были развернуты. Но этот список писали младшие служащие приказа, подьячие, с множеством ошибок. Арсений, сделавший в приказе устный доклад утром, а письменный сдавший уже вечером, исправил ошибки небрежно. Большая их часть выправляется по его черновому автографу. Он же позволяет судить, какие списки рукописной традиции ближе к тексту автора. По ним удалось заполнить оставшиеся лакуны посольской рукописи. Оказалось, что позднейшие переписчики использовали не наполненный ошибками список Посольского приказа, а рукопись, по которой Суханов диктовал текст подьячим. Иначе говоря, Арсений сам пустил свои «Прения» в оборот.

Это наблюдение нам понадобится. А пока довольно сказать, что сегодня «Прения» подготовлены к печати по авторским рукописям. Мы наконец-то точно знаем, что и почему сказал Суханов грекам в мае и июне 1650 г. (Богданов, 2019: Приложение). И как этот спор соотносится с затеями Хмельницкого, которые беспокоили царя и его посланника Арсения больше всего.

Алексей Михайлович и Боярская дума не желали раздувать пожар у наших рубежей. Царь полагал, что гетману следует примириться с поляками, ведь население Малороссии ужасно страдало от войны. Нашим пограничным воеводам были даны указания помогать беженцам и обеспечить закупку продовольствия для голодающих русских районов за границей. 13 июля 1649 г., когда Суханов осуществлял свою миссию, царь ответил на очередное предложение гетмана вступить в русское подданство так же, как прежде. Что желание Запорожского войска служить ему он одобряет, но преступить мирный договор его отца с Речью Посполитой никак «не мочно». Царь примет присягу казаков, если король освободит их от подданства и нарушения «вечного докончания» с Россией не будет. В других грамотах 1649–1650 гг. государь даже этого не обещал (Воссоединение, 1953: т. 2: № 90, ср. № 110, 171)..

Паисию Иерусалимскому, как и другим эмиссарам Хмельницкого, не удалось вытребовать у царя военной помощи: ни авансом, как мечтали казаки, ни их обещаниями принять русское подданство. Неудачными были и другие трюки хитрого грека: побудить царя к искуплению Гроба Господня из неоплатного долга туркам или «прियाсть превысочайший престол великого царя Константина, прадеда твоего» (Богданов, 2015: 396). Ни платить туркам, ни грозить им войной за Царьград Алексей Михайлович просто не мог.

Россия находилась в жестоком социально-экономическом кризисе. Начавшись летом 1648 г. с Соляного бунта в Москве, по стране катилась волна городских восстаний. Надежды, что Земский собор 1648–1649 гг., разработав и приняв новый свод законов — Уложение 1649 г. — остановит эту волну, не сбылись. Восстания продолжались, в 1650 г. охватив Новгород и Псков. Сколь мало занимала умы война за Малороссию, понятно, если взглянуть на всю картину Земских соборов того времени, из которых важнейшие были реакцией на восстания в России 1648–1650 гг. (Черепнин, 1978: 275–336).

В этой ситуации царь пожаловал Паисия милостыней и отпустил ни с чем. А патриарх Иосиф, раздосадованный тем, что грек втерся на равное с ним место на церемониях, направил в Иерусалим строителя Московского Богоявленского монастыря Арсения Суханова. Тот должен был сопровождать Паисия «для описания святых мест и греческих церковных чинов».

Эта благочестивая цель звучала невинно. Если не знать, что в 1637–1640 гг. Суханов уже рассматривал церковные «чины» в Кахетии. Тогда русская духовная комиссия, в которой он участвовал, выявила чудовищные отступления грузинской церкви от правил апостолов и святых отцов, вплоть до явных следов католического влияния¹. Подобное подозревали, а позже выявили и в Иерусалиме (Каптерев, 1891б). В оправдание местный царь Теймураз ссылаясь перед комиссией и в посланиях царю на разрушение церквей и гибель почти всех священников в войнах, а также на авторитет четырех восточных патриархов: Константинопольского, Антиохийского, Александрийского и Иерусалимского, — которые приезжают в Кахетию и «свидетельствуют» истинность ее православия (Переписка, 1861: 7–9, 37–38). Русское духовенство отвергло эти оправдания, лишь укрепившие подозрения в благочестии восточных патриархий.

Суханов понял свою новую миссию именно как продолжение старой. И подал царю челобитную о жаловании, как «для грузинския службы». 9 мая 1649 г. государь по докладу старого знакомого Арсения, думного дьяка Посольского приказа М.Д. Волошенинова, эту просьбу удовлетворил. И монах Троице-Сергиева монастыря, строитель его подворья в Китай-городе, древнего Богоявленского монастыря, стал послом «по государеву указу» и «благословению» патриарха. Посольский приказ начал этой челобитной дело о его новой службе (РГАДА, ф. 52: № 22, л. 1).

Волошенинов хорошо знал, что Суханов не только увлеченный книжник, выучивший греческий язык, но прежде всего — незаурядный службист. Арсений начал карьеру архидиаконом — управляющим делами всемогущего царского отца, патриарха Филарета, затем его преемника Иосифа. В Кахетии, когда его начальник заболел и почти ослеп, Суханов довел миссию до конца и исчерпывающе отчитался. Управлять хозяйством богатого Богоявленского монастыря тоже надо было уметь (Белокуров, 1891).

Царская резолюция о жаловании означала, что Суханов получит деньги, запасы, верительные грамоты и инструкции, а Посольский приказ — сотрудника в Яссах, столице Молдавии, куда стекалась разведывательная информация со всей юго-восточной Европы. Волошенинов не был столь наивен, чтобы думать, будто Паисий, которого удалось выпроводить из Москвы только в июне 1649 г., вскоре поедет из хлебных мест в его нищую епархию, как обещал в Москве. Патриарх лишь через год переехал в Тырговишты, столицу Валахии — тоже неплохое место для посла, умеющего работать с агентурой. В этих местах и прошла миссия Арсения 1649–1650 гг.

В Иерусалим, ободряемый новыми царскими дарами, патриарх двинется лишь в 1651 г., когда сумеет с помощью наемных убийц и подкупленных турок удавить Константинопольского патриарха Парфения, собиравшегося убить Паисия на пути в его

---

¹ Статейные списки светского и духовного посольств: РГАДА. Ф. 110: д. 3–4. Последнее опубл.: Белокуров, 1884; Белокуров, 1891: 123 и сл., XVII–XXX.

епархию. О таком развитии заранее известных Суханову высоких отношений святителей Православного Востока он доложит в ходе следующей миссии, 1651–1653 гг.¹

В первой миссии, 1649–1650 гг., Суханов вручал верительные грамоты ненавидевшим друг друга господарям Молдавии и Валахии, и следил, чтобы каждый из них изъявлял почтение к царскому имени согласно посольскому церемониалу. Неофициально он лично и через лиц разной национальности собирал военную и политическую информацию. Неоднократно проезжая через Киев, где Хмельницкий не смог закрепить себя, и гетманскую столицу Чигирин, а также разоренные войной, голодом и эпидемией местечки и села Малороссии, Арсений получил сведения о военных силах казаков. Этими данными он не мог поразить Посольский и особенно Разрядный приказ, который вел детальную военную разведку. Ценнее были его наблюдения о настроениях казаков, часть которых хотела бы продолжать набеги на Россию с татарами и примириться с поляками, а часть была не прочь присягнуть царю, если тот пришлет войска воевать против поляков вместо казаков.

Находясь в знаменитых центрах политических интриг, Суханов добыл важные данные о переговорах Хмельницкого с дожем Венеции и турецким султаном, которые были заняты войной друг с другом. Его агенты объяснили причины неожиданности нападения казаков и татар на Молдавию: господарь Василий Лупу не оценил их военные приготовления, поверив пущенному казаками слуху, что они идут на Москву. Впрочем, отсидевшись с семьей в лесах и на горах, господарь помирился с Хмельницким. И теперь уже турецкий посол в Молдавии поверил, что господарь и гетман поженят их детей.

Уловка Хмельницкого, обещавшего Василию защиту от татар, которым турецкий визирь якобы дал «повольную грамоту» воевать без ведома султана против его же вассалов, сработала прекрасно. Такую же уловку гетман хотел применить к Москве, но тщетно. Суханов ее раскрыл. И в конце октября 1649 г. обнаружил ложного «сына царя Василия Шуйского», которого Хмельницкий пригрозил, чтобы выторговать помощь от России под угрозой напустить на нее самозванца. Заключив с Речью Посполитой Зборовский мир (текст которого Суханов раздобыл), гетман утвердил власть над Гетманщиной и был не прочь разыграть с Москвой новую карту, которая сама пришла к нему в руки. Кто-то должен был выбить эту угрозу России из его рук.

Собрав сведения о действительно опасном самозванце Тимофее Анкидинове (Панченко, 1992), Арсений купил коней и 10 ноября поскакал в Москву, везя добытые в Яссах польские и казацкие документы. 11 декабря 1649 г. в первом часу дня Суханов уже «сказывал» Волошенинову вести в Посольском приказе. Так началось дело по отлову авантюриста, пытавшегося собрать военные силы за южной, затем за северной границей России, воспользоваться восстаниями и начать новую Смуту. В деле участвовали многие достойные люди Посольского приказа, преследовавшие самозванца в Венгрии, Прибалтике, Швеции и Германии. Но первую роль вновь пришлось по собственной инициативе сыграть Арсению.

26 января 1650 г. Суханов выехал из Москвы. Собрав ценные сведения в Киеве и переслав их Волошенинову, он добрался до столицы Валахии Тырговишт и 9 апреля он передал патриарху Паисию новые царские подарки, а 10 апреля получил аудиенцию в господаря Матей I Басараба (Водэ). Здесь же, в гостеприимном монастыре независимой Валахской митрополии, Арсений провел в июне 1650 г. спор с греками о вере.

Однако о самозванце он не забывал. Суханова легко понять, вспомнив, какую катастрофу вызвал Лжедмитрий I, перейдя границу с небольшими, к тому же вскоре

---

¹ Полный отчет 1651–1653 гг. в Посольский приказ: РНБ, № 317. Сокращенный отчет вошел в «Проскинитарий», авторские списки по старшинству: ГИМ, № 573 (беловик), 574, 575. Цензурированное издание: Проскинитарий, 1889.

разбежавшимися силами. Как разоряли Россию до Урала и Белого моря банды Лжедмитрия II. И как реагировали русские на десяток самозванцев, явившихся прежде «вора Тимошки». 5 мая Суханов расспрашивал о нем монахов из Речи Посполитой. 1 августа Арсений убедился, что самозванец живет при Богдане Хмельницком. Наконец, 23 сентября сам посол Хмельницкого в Валахии подтвердил, что гетман тому вору «указал давать корм», хотя казаки и запретили ему собирать войско против Москвы.

Арсений, заранее хорошо напугав патриарха Паисия спором о вере, получил от того грамоту к Хмельницкому о выдаче «вора» в Россию. С ней Суханов 30 сентября, через молдавские грязи, охваченные войной и эпидемией районы Малороссии устремился в Чигирин, куда прибыл 4 ноября. Переговорам с генеральным писарем Запорожского войска и гетманом Хмельницким дипломат посвятил основную часть политического отчета. Нарисованные им психологические портреты казачьих лидеров стали шедевром русской дипломатической прозы.

Казаки отказались выдавать самозванца наотрез. Но вновь и вновь говорили с Сухановым, меняя настроение в ходе беседы от ласковых увещеваний до пьяной ругани и скачек по лавкам и столам. В одно мгновение люди, просившие принять их в подданство, переходили к угрозам разорить Россию вместе с турками, татарами, валахами, румынами и венграми. Хмельницкий по секрету шептал Арсению, что король подбивает крымского хана воевать против царя, но письменно этого не подтверждал. Клянясь в верности России, гетман просил передать его просьбу о подданстве тайно, очевидно, чтобы его сюзерен король и союзники татары не узнали. Хмельницкий даже обещал поднять за царя все Балканы и Грецию, «чтоб нам всем в соединении быть». Но самозванца, с помощью которого мог грозить России, не выдавал.

Суханов стоял на своем, развенчивая легенду лже-Шуйского и используя страстное желание казаков получить от царя военную помощь. Наконец, 11 ноября 1650 г. генеральный писарь показал Арсению грамоту к государю о высылке «вора Тимошки» из «казачьих городов», которую дипломат скопировал. Однако выехал в Москву только 13 ноября, когда убедился, что Хмельницкий действительно выслал самозванца в Венгрию: дав ему сопровождение, подводы и корм. Поймать авантюриста удалось только в 1653 г. в Голштинии. По крайней мере, южные рубежи, которые беспокоили Москву со времен Смуты больше всего, были защищены.

Интересно, что доклад Суханова о переменчивом поведении Хмельницкого и его сторонников в отношении России, о его попытках сговориться с Польшей, Крымом, Молдавией и т.д., подтверждался данными, полученными Посольским приказом и от греков (Воссоединение, 1953, т. 2: № 48). Греческое духовенство за рубежами России было всегда готово служить за московские деньги, но относилось к русскому православию столь плохо, что один из спутников Суханова, чудовский иеромонах Пахомий, в ужасе покинул его миссию. 17 февраля 1650 г. он рассказал воеводам в Путивле, как «гречане ... московских и киевских людей ненавидят» (Белокуров, 1891: 199–200). Одним из фактов этой ненависти было, по его рассказу, сожжение греческими монахами московских книг на Афоне. Факт сожжения этих книг в связи с осуждением за двуперстие сербского монаха Дамаскина, попа Романа и ученика их Захарии отмечен в славянской записи на рукописи афонского Хиландарского монастыря (Григорович, 1877: 82).

Арсений получил подтверждение этих слухов при возвращении из поездки в Москву, 30 марта 1650 г., в Молдавии, в сербской обители — подворье Зографского монастыря Георгия Победоносца, одного из древних славянских монастырей Святой горы Афон. Игумен и братия в деталях поведали Суханову состав и мотив преступления. Греки, собравшись из всех афонских монастырей, схватили святой жизни сербского старца и жестоко издевались над ним за то, что он крестился двумя перстами, а не

тремя, как они. Старец поступал по сербскому и московскому обычаю, согласно тому, как было написано в его древней сербской рукописной и трех московских печатных книгах. Эти хорошо знакомые Суханову книги Государева Печатного двора были, вместе с сербским манускриптом, греками сожжены. Да и сам старец чудом спасся от коистра по обвинению в ереси.

Греки, пояснил сербский игумен, поступили так потому, что они испокон веков ненавидят славянскую грамоту и основанную на ней Церковь. Не сумев убить святых Кирилла и Мефодия, создавших славянскую письменность по благословению благочестивого в те времена римского папы, они до сих пор видят в независимых от них славянских книжности и богослужении препятствие для полной власти греков в Православной Церкви. Сербь, извет которых Суханов записал в свой отчет, начав с него расследование, описали современное событие как продолжение истории, рассказанной еще составителем Повести временных лет.

Суханов, сам вскоре составивший две редакции Русского Хронографа, в одном из которых использовал крупнейшую Никоновскую летопись¹, исторический контекст событий прекрасно понимал. Но как посла его, прежде всего, беспокоило обвинение книг Государева Печатного двора в ереси. На первый взгляд, упомянутый дипломатом в отчете, это было оскорблением государя, ведь книги издавались от имени царя. На этой версии Арсений и сосредоточился, найдя в ходе обыска непосредственных свидетелей преступления, а в итоге выявив и на очной ставке изобличив злодея, который отдал приказ о сожжении московских книг. Им оказался епископ Охридский Даниил. Мотив преступления — ненависть греков к славянской Церкви — был подтвержден, дело закрыто. Теперь в воле царя, согласились все участники расследования, начиная с патриарха Паисия, было решение о лишении виновных обычной царской милостыни.

В ходе обыска греки упорно отстаивали правильность своего перстосложения при крестном знамении. Русский посол, как всегда в таких случаях, обязан был защитить правоту России. И сделал это столь убедительно, опираясь на авторитетные письменные источники, что когда впоследствии патриарх Никон принял сторону греков и ввел в России их троеперстное крестное знамение, по Суханову — греками новоизобретенное, его посольский отчет стал, под названием «Прения с греками о вере», одним из главных публицистических памятников у борцов за старую веру. Ирония истории состоит в том, что в отчете Арсений приложил все силы к тому, чтобы частный вопрос о перстосложении не рассматривался как вопрос о правоте веры.

Он заявил, что отказывается говорить о ереси: «У нас государь царь благочестивой, ереси никакой не любит, и во всей его государевой земли ереси нету». Тем более — в книгах, которые «печатаны его царским изволением», по благословлению патриарха (РГАДА. Ф. 181. № 659: 354 об.; ф. 52, № 8: 59). Хотя греки с поразительным упорством обвиняли русских в ереси, Суханов ни разу не вернул им это обвинение. Чтобы понять позицию посла, следует оценить, что он имел в виду, но не сказал. Он не упомянул, что по свежему, вызывавшему всеобщий интерес своду законов, заблаговременно до его отъезда из Москвы изданному Печатным двором (29 января 1649), оскорбление Русского Православия являлось преступлением № 1 — оно реально шло первым пунктом первой главы и считалось более страшным, чем убийство царя и его детей (Соборное уложение, гл. 1: 1–2). Впрочем хула на веру была признана тягчайшим преступлением еще на Стоглавом соборе 1551 г. (Российское законодательство, т. 2: 241–498). Там в 31-м «ответе» конкретно говорилось о преступлении греков: «Аще ли

---

¹ Хронограф Суханова 1650-х гг. в РГАДА, ф. 181: № 659, в конце приплетен автограф «Прений с греками о вере»: 348–360. Второй Хронограф Суханова, с дополнением по Никоновской летописи и множеству др. источников, с обширной редактурой начала 1660-х гг.: РНБ. F.XVII.17. О нем: Клосс, 1980: 274–276.

кто двумя перстами не благословляет, яко же и Христос, или не воображает крестного знамения, да будет проклят». По закону, за церковным проклятием следовал «градской суд», знавший по этому обвинению одно наказание — костер. Национальность и подданство преступника закон не учитывал. И на практике равно жгли всех, кроме лиц, имевших посольский иммунитет. Греки, не имевшие государства, таковым не обладали.

Теперь вы можете оценить гуманность дипломата, в итоге заставившего греков, скрепя сердце, отказаться от оскорбления Русского Православия обвинением его в ереси. Это была его работа: умиротворять конфликты, а не разжигать их. Но стоит заметить, что окажись на его месте «ревнитель благочестия» или менее терпеливый посол, история могла закончиться иначе. Ведь греки, не в силах переспорить Суханова с помощью письменных источников, упорно выдвигали еще один обидный для русских аргумент: что они «старее» и поэтому являются «учителями веры». Арсений и здесь был необычайно для посла терпелив. Он пропускал такие заявления мимо ушей или признавал, что греки «старее», но требовал предъявить старые тексты по конкретному вопросу. Пока, после завершения обыска, оппоненты не покусились на суверенитет его страны, заявив, что солидарное мнение четырех восточных патриархов *обязательно* для русского царя и Московского патриарха.

Дипломат вежливо просил переформулировать это заявление: не указание, но совет, который может, из уважения к древности греческого благочестия, вызвать в России благожелательный интерес. Если патриархи станут писать в Москву «добро», то их «послушают», а если не «добро», то «на Москве и четырех патриархов не послушают, знают у нас древнее предание святых апостол и святых отец и без четырех патриархов». Но греки настаивали, что «невозможно не послушать четырех патриархов, как отпишут о чем». «Да как вам не послушать четырех патриархов? Кого же вам слушать?»

Тут посол просто вынужден был объяснить грекам, как обстоят дела в мировом православии с официальной московской точки зрения. Авторитет, благочестие и власть восточных патриархий изжили себя. Россия является центром мирового православия, а Московский патриарх — его законным главой. Греки «старее» в вере, чем русские, но в их вере многое «развалилось» сравнительно с учением апостолов и отцов Церкви. Так они отказались от двоеперстного крестного знамения, которое свято хранят на Руси. В этой ошибке нет ничего удивительного, ведь на Православном Востоке нет своих типографий и училищ. Греческие богословы, утверждал Арсений, получают образование в Венеции и Риме и пользуются книгами венецианской и английской печати. В результате они перешли на обливание и даже «покропление» при крещении, по католическому обычаю. А в их учебнике греческой грамматики (венецианского издания) напечатана «самая головная римская ересь» об исхождении Святого Духа от Отца и Сына, противная Символу веры, принятому на Никео-Цареградском соборе. Не желая «починить» отступления от веры и вернуться к древнему преданию, восточные иерархи только «гордостью надувшись ходят и называются всем источником веры».

Очевидно, что русские, не отступившие от древних канонов православия, не могли получить веру от греков. И сами греки не получили веру от Христа и Якова, брата Божия, как они утверждают. Христос и Яков учили в Святой земле, где жили евреи и палестинцы. Греки же, уточнил Суханов, с древности живут в Греции, Македонии севернее Царьграда, на берегах и островах Эгейского моря, в районе Салоник и горы Афон. Они познакомились с христианством после Вознесения Христа, от апостола Андрея, который принес свет веры на Русь¹.

---

¹ Тут оппоненты не могли возразить: Арсений опирался на легенду о путешествиях Андрея Первозванного, в которую греки внесли добавление о крещении апостолом еще не возникшего в его время Византия, а затем русские — не существовавшей при нем Руси (Чичуров, 1990).

Вначале избранным Богом был народ Израиля, констатировал Арсений. Он первым получил и учение Христа. Однако Бог отверг этот народ и предал его в запустение, избрав вместо него «греков и прочих верующих». Храмы Израиля были разорены, вместо них созданы христианские церкви. Затем уже греки возгордились над другими народами и стали называть себя «источником вере всем». За эту гордыню Бог отринул их, отдав царство греков и их самих в неволю басурманам. Храмы их превращены в мечети, детей насильно делают янычарами, жен их «басурмане за себя берут». В этих условиях, говорил Суханов, «какие вы нам учителя и источник? И сами у темной власти живете под началом у басурман, и сами себя просветить не можете, а называетесь всем вы источник!».

От древнего величия греков, говорил Арсений, не осталось и следа. Их нищие патриархи не имеют больше величественных храмов, многочисленной паствы, подчиненных им митрополитов, архиепископов и епископов. Не имеют они и никаких прав. Константинопольский патриарх не может носить крест на головном уборе, ставить крест на храме, ходить с крестом вне храма, звонить в колокола, отпевать покойника у церкви и нести его по городу. Даже ездить на осле — и то ему нельзя, вспомнил Суханов обряд «шествия на осляти», один из самых торжественных в Москве. Константинопольский патриарх, первый среди четырех восточных, по значению меньше русского епископа, заключил посол. Сами греки своих патриархов душат, топят и переменяют с помощью турок: «ныне у вас в Цареграде 4 патриарха».

Все это закономерно. Ведь изначально главой православия был «царь благочестивый, единый под солнцем». Он учредил четырех патриархов во главе с римским папой, по его «изволению» собирались вселенские соборы. «А ныне, — уверил греков Арсений, — вместо того царя на Москве государь царь благочестивый, во всей Подсолнечной един царь благочестивый, и царство христианское у нас Бог прославил. И государь царь устроил у себя в своем царстве вместо папы патриарха в царствующем граде Москве, идеже и сам царь, а вместо ваших четырех патриархов устроил на государственных местах четырех митрополитов; ино нам можно и без четырех патриархов ваших править закон божий, занеже у нас *глава православия — царь православный*» (выделено мной. — А.Б.).

Главой Церкви под властью благочестивого царя был папа Римский, а вторым по чести Константинопольский патриарх. Недаром император Константин Великий пожаловал папе Сильвестру «вместо царского венца» белый клобук, знак его первенства в Церкви. И равноапостольный князь Владимир принял веру от благочестивых пап. Он крестился в Корсуни, которую крестил первый папа римский Климент, ученик апостола Петра, брата апостола Андрея, сосланный в Крым Нероном. Его учение, как и его мощи, Владимир принес на Русь. Поэтому русские, объяснил Арсений, держатся апостольских правил первого благочестивого Рима, от которых отступили греки, живущие «по новому римскому уставу».

Константинопольский патриарх при благочестивом царе стал первым в Церкви, когда от правой веры отпал Рим, — уверил греков Суханов. Однако и греки отпали от православия, когда приняли Флорентийскую унию. В результате этого нравственного падения они погубили свое царство, захваченное турками, и Церковь, разоренную так же, как были разорены храмы народа Израильского. Но благодаря Божьей милости благочестие не погибло, — заявил дипломат. Вместо прежних православных царей, Господь воздвиг благочестивого царя в Москве. «И ныне у нас государь царь великий князь Алексей Михайлович, всея России самодержец, во всей подсолнечной своим благочестием сияет, как солнце посреди земли, и во всем ревнует первому благочестивому

царю Константину Великому, церковь Христову чисто снабжает и от всяких ересей защищает»¹.

Под покровительством царя, место благочестивого римского папы занял Московский патриарх, утверждал дипломат. Поэтому он носит на главе белый клобук римского папы Сильвестра. Папа возвышался в Церкви над четырьмя патриархами: Константинопольским, Антиохийским, Александрийским и Иерусалимским. Но любой из них теперь меньше русского епископа. Их место в Православной Церкви занимают четыре русских митрополита.

На Русь перешло все, чем гордились греки: благочестивое царство, богатая и многолюдная церковь, церковные святыни. Как предсказано в Повести о белом клобуке, «благодать и слава и честь православия» шли от Рима к Константинополю, а затем к Москве, и «все святое предано от Бога великой Русской земле», в том числе римский папский и цареградский патриарший чин. «Слышьте, греки, и внимайте, и не гордитесь, и не называйте себя источником, — заключил Арсений, — ибо вот ныне Господне слово евангельское сбылось на вас. Были вы первые, а ныне стали последние. А мы были последние, а ныне первые».

Это убеждение русского посла, высказанное летом 1650 г., было итогом многовековых размышлений русских книжников. Оно не поколебалось в обществе XVII в. ни грекофильскими реформами Никона, ни использованием царем греков для его свержения. А в 1676 г. воплотилось в концепцию просвещающего вселенную Российского православного самодержавного царства, торжественно объявленную при коронации сына Алексея Михайловича, Федора (Богданов, 2018: 294–355). Сам Суханов, вопреки сложившемуся у историков ложному представлению о нем как о церковном полемисте, в бурных событиях Раскола не участвовал и не пострадал. Веря, что «глава православия — царь православный», он продолжал служить при Никоне и после него, возглавив хозяйство крупнейшего Троице-Сергиева монастыря, а в конце карьеры — Печатный двор.

Все авторские сочинения Суханова были написаны по долгу службы, в силу обстоятельств. Не затей Хмельницкий интригу с патриархом Паисием, мы не получили бы «самое полное и систематическое выражение русских воззрений на относительное достоинство русского и греческого благочестия», как охарактеризовал отчет Арсения видный историк Церкви (Каптерев, 1914: V).

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Государственный исторический музей (ГИМ). Синодальное собр. № 575, 574 (авторские редакции Проскинитария), № 573 (беловик).

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. Стлб. 7157/1649 г. № 7. Ч. 1–2 (дело о приезде Паисия); № 8 (статейный список Суханова), № 22 (дело о посольстве Суханова).

РГАДА. Ф. 110. Сношения с Грузией. Оп. 1. Д. 3. 1635–1641 гг.; д. 4. 1637–1640 гг.

РГАДА. Ф. 181. Собрание МГАМИД. № 659 (первый Хронограф Суханова с автографом его «Прений» на л. 348–360).

Российская национальная библиотека (РНБ). F.XVII.17 (второй Хронограф Суханова).

РНБ. Собрание СПбДА. № 317 (Статейный список Суханова 1651–1653).

БИБЛИОГРАФИЯ

Белокуров С.А. «Статейный список» и «Прения с греками о вере» Троицкого Сергиева Богоявленского монастыря строителя старца Арсения Суханова // Христианское чте-

---

¹ Калька со слов первого русского митрополита Илариона о Владимире Святом в 1051 г.

ние. 1883. № 11–12.

Белокуров С.А. Поездка старца Арсения Суханова в Грузию (1637–1640 гг.) // Христианское Чтение. 1884. № 3–4.

Белокуров С.А. Арсений Суханов. Исследование. Ч. I. Биография Арсения Суханова. М., 1891; Ч. II. Вып. 1. Сочинения Арсения Суханова. М., 1894.

Богданов А.П. Автограф «Прений с греками о вере» Арсения Суханова // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей за 1989 г. М., 1989. С. 175–205.

Богданов А.П. Судьба профессора духовной академии // Буганов В.И., Богданов А.П. Бунтари и правдоискатели в Русской православной церкви. М., 1991. С. 493–517.

Богданов А.П. Русские патриархи от Иова до Иосифа. М., 2015.

Богданов А.П. Все началось с Афона. «Прения с греками о вере» по рукописям Арсения Суханова // Афон в истории и культуре Христианского Востока и России. Каптеревские чтения — 14. Сборник статей. М., 2016. С. 100–124.

Богданов А.П. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М., 2018.

Богданов А.П. «Прения с греками о вере» в русском державном самосознании. М., 2019.

Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. В 3 т. М., 1953. Т. 2. 1648–1651 годы; Т. 3. 1651–1654 годы.

Григорович В. Н. Очерк путешествия по европейской Турции. Казань, 1848.

Каптерев Н.Ф. Приезд в Москву иерусалимского патриарха Паисия в 1649 г. // Прибавления к изданию Творений св. отцов в русском переводе за 1891 г. М., 1891. Кн. 1 (1891а).

Каптерев Н.Ф. Сношения иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством 1669–1707 гг. М., 1891 (1891б).

Каптерев Н.Ф. Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия // Православный Палестинский сборник. Том 15. Вып. 1 (43). СПб., 1895.

Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914.

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., Наука. 1980.

Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Каломенский. История Русской церкви. Т. IX. М., 1882.

Опарина Т.А. «Исправление веры греков» в русской церкви первой половины XVII в. // Россия и Христианский Восток. М., 2004. Вып. II–III. С. 288–325.

Панченко А.М. Акундинов (Акидинов, Анкидинов, Анкудинов) Тимофей Демидович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3). Ч. 1. СПб., 1992. С. 53–55.

Переписка на иностранных языках Грузинских царей с Российскими государями. СПб., 1861.

Проскинитарий Арсения Суханова с рисунками и планом: 1649–1653 гг. / Подгот. текста Х. М. Лопарева. Ред. и предисл. Н. И. Ивановского // Православный палестинский сборник. Т. 7. Вып. 3 (21). СПб., 1889.

Ржевский А.А. Арсений Суханов // Православное обозрение. 1867. Сентябрь. С. 34–77; октябрь. С. 121–160; ноябрь С. 225–252; декабрь. С. 367–387.

Российское законодательство X–XX веков. В 9 тт. Т. 2. М., 1984.

Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии. Л., Наука. 1987.

Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978.

Чичуров И.С. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., Наука. 1990. С. 7–23.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А. А. БЕСТУЖЕВА

Нельзя не принять во внимание то обстоятельство, что в эпоху Александра I древность вообще, и особенно — древность русская служила объектом интереса и источником вдохновения для многих литераторов, в том числе декабристов. К ней обращались в русле любви к истории, патриотических и религиозных чувств, а зачастую — в русле либерализма; одним словом — «старину пристегивали ко всем живым и ходким течениям мысли и настроениям александровского царствования» (Котляревский, 1907: 221).

Вместе с тем, в вопросе исторических представлений общей платформы у декабристов не наблюдается. Для многих из них было характерно неприятие концепции Н.М. Карамзина, интерес к роли народа в историческом развитии (и отсюда, в частности — повышенное внимание к истории древнего Новгорода с его «республиканскими вольностями» и идеализация этой истории). Однако в случае каждого из интересовавшихся историей декабристов можно видеть свою специфику, обусловившую обращение тем или иным историческим сюжетам.

Так, Николай Бестужев — морской офицер — исследовал историю русского флота и рассматривал ее в связи с историей России в целом (Бестужев, 1961). Еще один выпускник Морского кадетского корпуса — прослушавший в нем курс математики П.Я. Гамалеи, — Владимир Штейнгель, посвятил труд (Штейнгель, 1819) хронологии, сопоставляя исчисление времени по Солнцу, Луне и наглядно рассчитывая даты пасхалий. Федор Глинка (уже после событий 1825 года), живя в имении тещи в Тверской губернии, занимался исследованием курганов и древних захоронений вблизи Алаунских высот (Глинка, 1836). Другие декабристы обращались к более широким историческим проблемам, исследуя продолжительные отрезки русской истории и поднимаясь до уровня обобщений, но и здесь заметна избирательность подхода. Если Михаила Фонвизина занимали, прежде всего, демократические элементы государственных учреждений в допетровской Руси (Фонвизин, 1907), то Александр Корнилович, изучая экономическое развитие нашей страны того же периода (Корнилович, 1823), государственные учреждения исследовал постольку, поскольку они влияли на развитие производительных сил. Корнилович, впрочем, заметно выделяется на фоне других занимавшихся историей декабристов своим скептическим подходом в духе Нибура: он занимается критикой античной историографии как романтизирующей отдельные образы ради пробуждения гражданских доблестей, относительно русской истории указывает на наивность формального понимания междукняжеских договоров (что провоцирует полемическое обсуждение на страницах «Сына Отечества» — Наумов, 1823: 69–87).

Совсем иным, нежели у Корниловича, подходом отличались исторические занятия Рылеева. Николай Бестужев вспоминал: «Единственная мысль, постоянная его идея была пробудить в душах соотечественников чувствования любви к отечеству, зажечь желание свободы. Такое намерение уже само по себе носит отпечаток поэзии...» (Бестужев, 1980: 77). Неудивительно, при такой постановке вопроса, что рылеевские «Думы» (равно как и сочинение «Войнаровский») отличаются заметной идеализацией характеров и событий. Немалую роль в этом можно отвести самому материалу, который лег в основу их сюжетики, — а известно, что подавляющее большинство «дум» было написано на тему тех или иных эпизодов девятитомной «Истории Государства Российского». Вместе с тем, несправедливо говорить о совершенно некритическом использовании написанного Карамзиным со стороны Рылеева (что для декабриста было бы, пожалуй, даже парадоксально) — тем более что и у самого Карамзина в разное время встречаются разные трактовки одних и тех же тем. Так, например, Е. Привалова дока-

зывает (Привалова, 1963: 90), что, рисуя Бориса Годунова в одноименной думе в образе терзаемого совестью царя-преступника, Рылеев опирался на впечатления от «Истории государства Российского», однако вынесенный в ней приговор был ему чужд, и он обратился к «Историческим воспоминаниям и замечаниям на пути к Троице», в которых и сам Карамзин выражает уверенность, что на суде истории должна перевесить та чаша весов, которая донесет до потомства достойные дела Годунова «для славы и пользы отечества». Та же исследовательница в качестве еще одного источника исторических представлений Рылеева выводит «Сокращенную библиотеку в пользу господам воспитанникам Первого кадетского корпуса» П. С. Железникова (Привалова, 1963: 89).

Можно видеть, что исторический подход Рылеева был достаточно избирателен — он воспринимал из имеющихся сочинений то именно, что наиболее отвечало его морально-этическим представлениям. И в этой связи нельзя не вспомнить слов уже Бестужева: «Один историк всему верит, другой не верит ничему. Тот обманывает с умыслом, этот обманывался ненароком. Из этого выходит, что события или разногласны, или сомнительны, или вовсе ложны. Бросьте же в печку события... ищите человека в истории...» (Бестужев, 1978: 84).

«Насчет литературных занятий Рылеев и мы с братом составляли нечто целое, ни один из нас не делал плана, не кончал сочинения, не показывая другому» (Бестужев, 1926: 72–73) — вспоминал Николай Бестужев. В таком случае, вероятно, Александру Бестужеву были знакомы и наброски Рылеева, содержащие размышления об истории общественного развития. Соображения Рылеева (воплощенные в сохранившемся плане работы «Дух времени или судьба рода человеческого») сводились к следующему: человек от дикой свободы стремится к деспотизму (по причине невежества), а затем, после эпохи античных философов и наступления христианской, он стремится от деспотизма к свободе (по причине просвещения): фанатизм крестовых походов уступает место лютеранской переоценке религии, торжество Французской революции и, позднее, свержение Наполеона открывают дорогу «борьбе народа с царями», а религия и нравственность начинают объединяться с политикой. В еще одном отрывке, «О промысле», Рылеев поясняет, что цель человечества — усовершенствование, и это есть воля промысла. Схожие представления обнаружит и Бестужев — но уже десятилетием позже, когда переложит рылеевскую концепцию применительно не к истории общества в целом, а к истории культуры. В своем обширном вступлении к критической статье на «Клятву при гробе Господнем» Н. Полевого Бестужев будет поэтапно проводить мысль, что ранняя литература дохристианской поры лишена какого-либо верного толка, а литературное развитие в целом, в христианскую уже эпоху, будет тем заметнее и успешнее, чем больше будет подчиняться разуму, просвещению — и всё это, безусловно, по высшей воле.

Подобные тенденции встречаются и в исторических произведениях Бестужева. Во вполне либеральном духе звучит речь его героя-новгородца, рассуждающего о церковном и государственном самоуправлении, о необходимости тесного взаимодействия Руси с Западом как источником новейших изобретений («Роман и Ольга» — Бестужев-Марлинский, 1, 1958: 17–18). Ливонские повести Бестужева содержат немало описаний тяжелой доли крестьян. В появившейся в год восстания повести «Изменник» у Бестужева прослеживается призыв к участию доселе пассивного дворянства в деле облегчения жизни простого народа, а кроме того — отнюдь не чуждая декабристам в целом идея о том, что завидна смерть за Родину (Бестужев-Марлинский, 1, 1958: 151). В связи с этим возникает вопрос, для чего Бестужев обращался к истории: имело ли это несомненно политический подтекст, были ли сюжеты из минувших эпох только антуражем, или же он стремился к поиску исторической истины.

«Как известно, декабристы поставили художественное творчество на службу своим политическим задачам. В литературных произведениях они обличали существовавший строй и звали на борьбу с ним» (Михалева, 1960: 131), — напоминает Т.И. Михалева в статье о раннем творчестве Бестужева. В рамках подобной трактовки в историографии можно видеть ряд близких друг другу утверждений о том, что его литературная деятельность была напрямую связана с политической и развивалась под непосредственным влиянием освободительных идей (см.: Башнин, 1959: 92; Михалева, 1960: 131–132; Сацюк, 1986: 110), а потому исторические произведения Бестужева могли бы быть поняты в качестве аллегорической интерпретации современных ему общественных проблем. Так, например, негативное авторское отношение Бестужева к герою повести «Замок Эйзен», действующему из мотива личной мести, рассматривается в качестве осуждения борьбы за лишь только личную независимость при необходимости заступиться за угнетаемый народ; проводится параллель с тем, что, совместно с Рылеевым, он удерживал Якубовича от преждевременного убийства царя (как акта личной мести) — полагая более правильным «использовать это в интересах общего дела — необходимости истребления царской фамилии во время революции» (Михалева, 1960: 153). Проявлением демократических настроений передовых декабристов объясняется (Там же: 158) реалистически-позитивный образ купечества в «Ревельском турнире» Бестужева; отмечается, что писателя привлекает деловитость купцов в силу сравнительной прогрессивности их сословия.

И всё же, наверное, несправедливо было бы рассматривать исторические повести Бестужева в качестве сознательно воплощенного в иносказательной форме синтеза декабристских взглядов и устремлений. Принимая во внимание его душевный склад, можно предположить, что художественное творчество в целом — за исключением специально написанных совместно с Рылеевым агитационных песен — служило Бестужеву для фиксации не столько политических, сколько эстетических и философских образов. И в своих исторических произведениях он вовсе не стремится привлечь внимание к социальным контрастам, когда захвачен какой-либо другой идеей, — например, при создании образа всеобщего единения и равенства на пиру («Роман и Ольга» — Бестужев-Марлинский, 1, 1958: 12). Точно так же вряд ли следует расценивать стихи Бестужева, сюжет которых восходит к казни князя Михаила Ярославовича в Орде в 1318 году, в качестве «рассчитанных на политическое “применение” к современности» (Томашевский, 1955: 206). Строка «Россиянам восстать помог и снял с лица земли тиранов» (Бестужев-Марлинский, 2, 1958: 477), выделенная в приуроченной к публикации стихотворения статье как намек на необходимость свержения новых тиранов — царской фамилии, органически вписывается в повествование о борьбе Руси с ордынцами и вовсе не требует иной трактовки. Идея о том, что Бестужев фактически отождествляет ордынские власти и самодержавие Романовых, опровергается и финалом стихотворения: «И, пораженные слугами, // Они их сделали рабами» (Там же: 478) — мысль об обращении в рабство свергнутого императора была бы неуместна даже в самом пафосном стихотворении, каким, впрочем, не является «Михаил Тверской», выстроенный в русле лирического сопереживания сыну убитого князя.

Таким образом, в своей литературно-художественной деятельности Бестужев обращался к истории как источнику романтических образов. Однако этим внимание к истории у него совершенно не ограничивается. «Взглядываете на вывеску — Кутузов манит вас в гостиницу, возбуждая вместе народную гордость и аппетит. Берете щепотку табаку — он куплен с молотка после Карла X. Запечатываете письмо — сургуч императора Франца. Вонзаете вилку в сладкий пирог и — его имя Наполеон!..» («О романе Н. Полевого “Клятва при гробе Господнем”») — Бестужев-Марлинский, 2, 1958: 563) — писал Бестужев, замечая, что «мы живем в веке историческом»: историческом,

соответственно, в том смысле, что ко времени Бестужева история уже не была только полузабытым рассказом о минувших делах, но активно напоминала о себе со всех сторон, будучи на уме и на сердце у людей в их настоящей жизни, и Бестужев на своем опыте ясно ощущал это изменение в восприятии истории¹. Ощущал — и решительно настаивал на необходимости соблюдать в текстах историческую достоверность, определяющим фактором при чем была не забота о литературных достоинствах того или иного произведения, а представление о важности качественного донесения истории до общественного сознания.

Так, например, утверждая относительно отрывка из «Аскольдовой Могилы» Загоскина, что текст его — ниже презрения, Бестужев риторически призывал К. Полевого сказать, «достойно ли это века и писателя», потому именно, что у Загоскина его возмутила склонность «перемывать французское тряпье в Днепре» (т.е., привлекать несвойственные русской истории и культуре сюжеты в область русского) и «искажать святую старину, для того чтоб она уложилась в золотую табакерку» (письмо от 4 января 1833 г. — Письма, 1861: 427).

Критикуя романы Булгарина как «остроумный подбор на заданные рифмы», он обращал внимание на то, как «влагает он речи, изобретенные в позднейшие годы, в уста монаха и боярина, стрельца и мужика, без различия» (письмо Н.А. Полевому от 29 января 1831 г. — Письма, 1861: 290). Тем самым Бестужев указывал на необходимость выводить речь героев такой, какой она могла бы быть в соответствующую эпоху, — что, конечно, вовсе не отменяет его же мысли, согласно которой говорить о старине следует языком, понятным современникам (письмо Н.А. Полевому от 18 мая 1833 г. — Письма, 1861: 440). Еще более конкретные претензии к Булгарину как историческому романисту Бестужев выдвигает (письмо Н.А. Полевому от 29 января 1831 г. — Письма, 1861: 291) в связи с содержанием «бесконечного “Выжигина”»: нелепой ему представляется болгаринская мысль о Наполеоне, идущем на Россию вследствие дезинформации о ее реальных силах со стороны своих агентов («Если бы Россия была в пять раз сильнее, чем она была, Наполеон пошел бы на нее тем охотнее: он не терпел совместничества, и чем труднее успех, тем лестнее была для него победа. Если б он верил, что Россию можно завоевать своими светлыми очами, он не двинул бы на нее всей Европы», — убежден был Бестужев). Кроме того, он с сарказмом отзывался об издательской интуиции Булгарина, знающего, чем привлечь публику: Бестужев не сомневался, что Булгарин в своей книжной продукции «не пожалеет ладану русскому дворянству, хотя оно, право, не так было бескорыстно и великодушно», — «я многих видел вздыхающих в 12 году о своих жертвах» (Там же).

Критике по части исторических несоответствий подвергается у Бестужева и Вельтман — относительно переведенной им «Песни ополчению Игоря» Бестужев замечает, что перевод слишком волен: «Бологом — добром, а не по холмам. Сулица — копьё; зачем же он перевел: побросали пращи?» (письмо К.А. Полевому от 4 апреля 1833 г. — Письма, 1861: 438). И даже в сказочном «Кощее Бессмертном» у Вельтмана обнаруживается прегрешение: «Против старины он сделал ошибку, опрокинув на нее всю Грановитую палату: ни у самого великого князя не было тогда и в сотую долю сокровищ против матери Ивы Олельковича, а Кашей хоть сказка, но цель ее знакомство с стариною, знакомство начистоту» (письмо К.А. Полевому от 4 января 1833 г. — Письма, 1861: 426–427).

Столь пристальное внимание к исторической достоверности Бестужев проявлял и применительно к писанному его друзьями. Вспоминая, как Николаю Полевому где-то

---

¹ Он, в частности, замечает Николаю Полевому: «Вы пишете, что плакали, описывая Куликово побоище. Я берегу, как святыню, кольцо, выкопанное из земли, утученной сею битвой. Оно везде со мной; мне подарил его С. Нечаев» (письмо от 18 мая 1833 г. — Письма, 1861: 442–443).

случилось утверждать, что на Руси считались за грех лепные изображения святых, Бестужев спрашивает в письме, хорошо ли он это исследовал, добавляя: «В 1823 году я шарил по Софийскому собору в Новгороде, и там, на чердаке одного купола, нашел целые поколения резных святых из дерева, величиною аршина по два и более. Помнится, мне рассказывал монах, что они стояли в церкви, и лишь во времена Никона, если не позднее, их заточили в кладовые... Еще статуи многих святых, как например Симеона Столпника и иркутского чудотворца Иннокентия, до сих пор стоят по церквям, из воску, хотя небольшого размера... и вообще я полагаю, что если и было гонение на истуканные изображения угодников, то не повсеместно и не единовременно» (письмо от 12 февраля 1831 г. — Письма, 1861: 294).

Признаваясь тому же Полевому, что не имел времени и досуга «философически разложить» русскую историю, Бестужев подчеркивает, что, тем не менее, порядочно исследовал ее романтическую и материальную часть (Там же). «Любимой главою» Бестужева было изучение одежд и оружий всех народов, и потому «...напрасно дивились, что мои Половцы в Андрее Переяславском выехали на разбой в туфлях; обувь Черкес и доселе не что иное как туфли, и даже турецкие всадники, когда намереваются действовать пешком, то выезжают в туфлях. Напрасно, например, и Булгарин вывел своего русского Хлопка с двухствольным ружьем: я бьюсь об заклад, что во всем свете нет двухствольного ружья старше 130 лет» (Там же), — писал он также.

Претензия на обширность познаний в истории, пусть даже в отдельных ее разделах, предполагает определенную степень начитанности, знакомство с теми или иными авторами. Сведения о быте различных народов Бестужев, вероятно, почерпнул еще в ранние годы; его брат Михаил вспоминал: «Всякий раз, когда я пытаюсь воскресить в своей памяти самую отдаленную эпоху нашего детства и думаю о брате Александре, он постоянно представляется мне в полулежачем положении, в больших вольтеровских креслах, с огромною книгою в руках. Меня, как ребенка, прельщали иллюстрированные картинки, изображающие костюмы и быт разноплеменных народов, и я по целым часам стоял позади кресел, чтоб дожидаться, когда брат, прочитав текст, откроет новую картинку» (Бестужев, 1951: 204), — конкретных названий или авторов, впрочем, он не обозначает. Позднее Бестужев, очевидно, почувствовал интерес и к античной истории. В 1831 году он просит Николая Полевого прислать ему «Историю Римскую Нибура и еще какой-нибудь дельный увраж по своему выбору» (письмо от 29 января 1831 г. — Письма, 1861: 292), причем о написанном Нибуром он, по-видимому, к тому моменту уже имел некоторое представление: в написанном в том же месяце, что и цитируемое письмо Полевому, «Письме к доктору Эрману» Бестужев называет Нибура наряду с другими учеными, деятельность которых делает честь веку (Бестужев-Марлинский, 1, 1958: 308). В тех же строках он упоминает также Баранта, у которого мог читать, вероятно, вышедшую несколькими годами ранее «Историю герцогов Бургундии из дома Валуа»; тем самым, к кругу его познаний можно добавить некоторые сведения из западноевропейской истории.

Наиболее интересно, впрочем, было бы представлять, на основании каких текстов складывалось представление Бестужева о русской истории. Татищева или Щербатова он нигде не упоминает, зато определенно не миновал знакомства с творчеством Карамзина (при том не только историческим: глядя на снега Кавказа, Бестужев вспоминает «слова одного известного нашего путешественника, который про снега Альпийские сказал: “Если б возможно было счесть их слои, то можно бы определить древность мира”») (Там же: 300)). Он прямо ссылается на «Историю государства Российского» в одном из своих произведений, но, вместе с тем, Ксенофону Полевому пишет: «Я знал Карамзина хорошо, и, несмотря на заботы его поклонников, решительно отказался от знакомства с ним. Двуличность в писателе его достоинства казалась мне отврати-

тельно» (письмо от 22 сентября 1832 г. — Письма, 1861: 333). Это суждение о двухличности, вероятно, опирается именно на отношение Бестужева к историко-политическим взглядам Карамзина, противоположностью которым выступило, в частности, видение истории Николаем Полевым — последнему Бестужев, вполне доверяя и по исторической части, писал: «Да, да, еще: я просил от вас зерна для чего-нибудь дельного... пошевелите своею житницей историческою. Если что-нибудь изберу, то займу у вас необходимых подробностей, а без того придется писать: a-lamadame Genlis — “historique”» (письмо от 16 декабря 1831 г. — Письма, 1861: 314).

Однако сведения по истории Бестужев черпал не только из текстов других авторов, но и непосредственно из материалов источников; об этом можно говорить, по крайней мере, применительно к созданию им ливонских повестей и неосуществленной идее с написанием истории Новгорода. С ливонскими хрониками он познакомился во время своей поездки в Ревель¹. Примечательна избирательность Бестужева как исследователя: для своих ливонских повестей из материала хроник им отбираются те события, которые доказывают оправданность борьбы эстов и ливов с немецко-шведскими рыцарями; его занимают картины, демонстрирующие бесправное положение ливонских крестьян и произвол рыцарей и местных феодалов. Интересно и то, что внимание Бестужева привлекла именно хроника Бальтазара Руссова, в которой содержится осуждение несправедливостей со стороны феодалов и самого положения вещей, при котором эти несправедливости становились возможны, отмечаются заслуги перед родиной ревельских купцов. Подобный выбор тем символичнее, что поездка в Ревель имела место в 1820 году и последовала, таким образом, сразу после отмены крепостного права в Прибалтике.

Что же касается мотивации Бестужева для написания истории Новгорода, то она включала в себя довольно личные ноты: если Рылеев в начале 1825 года советовал Пушкину воспеть новгородско-псковскую землю оттого, что на ней были «задушены последние вспышки русской свободы» (письмо ок. 6 января — Рылеев, 1956: 32), а Пестель в своих показаниях признавался, что история великого Новгорода убеждала его в республиканском образе мыслей (Следственное дело, 1927: 91), то для Бестужева новгородская земля, прежде всего, была малой родиной. О том, что когда-то у него было намерение взяться за историю Новгорода, Бестужев писал Н. Полевому в 1831 г. (письмо от 12 февраля — Письма, 1861: 295); идея эта не нашла воплощения потому, что на момент, когда она только возникла, Бестужев увлек поход, заниматься в котором историческим трудом не представлялось возможным, а позже уже не выдавалось случая обратиться к летописному источнику, необходимость чего была для Бестужева несомненна: «я не иначе бы принялся за труд, как поверив на месте все подробности, и долго, пристально погружаясь во тьму летописей, с фонарем критики» (Там же). Тем не менее, в какой-то степени к летописному материалу он, очевидно, всё же обращался: во впервые опубликованной в 1823 году в «Полярной звезде» новгородской повести «Роман и Ольга» Бестужев ручается, что «слова, которые многим покажутся странными, не вымышлены, а взяты мною из старинных летописей, песен и сказок» (Бестужев-Марлинский, 1, 1958: 3). К тому времени уже были известны Синодальный список Новгородской первой летописи и Никоновская летопись; в одном из писем Ксенофону Полевому (от 5 апреля 1833 г. — Письма, 1861: 438), разбирая переводческие огрехи Вельтмана, Бестужев ссылается на то, в какой форме фигурирует определенное слово у Нестора. Читателя же своей новгородской повести для проверки приводимых в ней исторических сведений он отсылает к «Истории государства Российского» Карамзина,

---

¹ В «Поездке в Ревель» Бестужев использует материалы «Лифляндской истории» Христиана Кельха и «Хронику Ливонии» Бальтазара Руссова.

«Разговорам о древностях Новгорода» преосвященного Евгения и «Опыту о древностях русских» Успенского (Бестужев-Марлинский, 1, 1958: 3–4).

Принимая во внимание подчеркнутое наличие у новгородской повести серьезных источников, интересно то, каким Бестужев воспроизводит в ней народ. Общее представление о людях в ту эпоху у Бестужева более чем романтично: описывая, как плачут вместе два внутренне не сошедшихся героя, он рассказывает читателю, что люди «не стыдились еще слез своих, не прятали сердца под приветной улыбкою: были друзьями и недругами явно» (Там же: 7). Отдельно интересна в «Романе и Ольге» фигура разбойничьего атамана Беркута, бывшего прежде в Новгороде знатным человеком. Убедившись, что Роман является посланцем «великого Новгорода», тот отпускает его со следующим напутствием: «Вот твои письма и твое золото: оно невредимо. Спешу, куда зовет тебя долг гражданина, и знай, что даже и в разбойнике может таиться новгородская душа» (Там же: 26). Примечательно здесь не только вложенное в уста средневекового разбойника понятие «гражданин», но и то, что некогда высокое социальное положение не мешает ему иметь «новгородскую душу»; для Бестужева более важны противоречия «немецко-литовской» партии в Новгороде с теми, кто представляет непосредственно новгородские интересы, чем вероятные антагонизмы между людьми разного происхождения и достатка. Новгородский люд как единое целое желает у Бестужева исключительно мира со всеми, сохранения своих свобод и торговых выгод, о чем и говорит на вече (Там же: 17–19) после того, как послы московского князя Василия Дмитриевича и литовского — Витовта требуют от них порвать мир с немецким орденмеченосцев и порушить договоры с ганзейскими купцами.

Нельзя не отметить, что, несмотря на важность в глазах Бестужева сверки исторических деталей с материалом источников, в ряде случаев его и вовсе можно было бы заподозрить в антиисторическом принципе. Он замечал, что не может жить «ни с стариной, ни с новизной русскою», подразумевая, что разворачивавшиеся в его воображении образы являются, скорее, надвременными. Еще более красноречиво его восприятие «Клятвы при гробе Господнем» — такое, каким он доводит его до ее автора: «В ней русский дух воочью совершается и наши деды распоясывают душу... Пусть другие рожутся в летописях, пытая их, было ли так, могло ли быть так во времена Шемяки? Я уверен, я убежден, что оно так было... в этом порукой мое русское сердце, мое воображение, в которой старина наша давно жила такую, как ожила у вас. К чему ж послужила бы поэзия, если б она не воссоздавала минувшего, не угадывала будущего, если б она не творила, но всегда по образу и по подобию истины!» (письмо от 25 июня 1832 г. — Письма, 1861: 328)

Столь прочувствованные строки не диктуются одной симпатией к Полевому — ее было бы недостаточно; Бестужев писал, например, о Давыдове: «Я очень люблю его, но он принадлежит истории, а история есть нагая истина...» (письмо К.А. Полевому от 15 марта 1832 г. — Письма, 1861: 323). По-видимому, Бестужев допускал возможность интуитивного воссоздания неких исторических деталей, полагаясь на серьезную внутреннюю работу автора, при условии, что и автор, и читатель помнят, что речь, все-таки, о художественном тексте; с подобных позиций он рассматривает, например, и собственное сочинение «Андрей Переяславский», поясняя, что написано оно было в 1827 году в Финляндии, где у Бестужева не было под рукой ни одной книги, причем писалось ночами, жестяным обломком, на котором зубами он сделал расщеп, и на табачной обертке; чернилами ему служил толченый уголь (письмо К.А. Полевому от 12 февраля 1831 г. — Письма, 1861: 293).

«История русского народа» Николая Полевого растрогала Бестужева не менее, чем художественная «Клятва...». «Я не жан-полист и не большой руки плакса, но желал бы, чтобы вы видели слезы умиления, уроненные неслышно на многие страницы

ваши», — писал он по этому поводу Полевому. «Вы одушевились, кажется, духом Мстислава Удалого, отомщенная память его, закиданную веками и очерненную историками... Что может быть святее, утешительнее долга для писателя: воздавать каждому свое... Я убежден, что в тиши своего кабинета, наедине с душой своею, вы счастливы откровениями ее, озаряющими как молнии тьму веков...» (письмо от 13 августа 1831 г. — Письма, 1861: 304). Эта фраза, об откровениях души как немаловажной составляющей труда писателя-историка отчасти перекликается с бестужевскими строками из путевых записок во время поездки в Ревель: «любопытство искало исторических истин, народных преданий, даже басенных вымыслов; память сохраняла их, а разум отличал ложное от былого» (Бестужев, 1821: 51). В том и другом случае у Бестужева прослеживается представление о праве историка воссоздавать неочевидные факты сообразно с собственным интеллектуальным опытом, если в результате установленная «историческая истина» согласуется с общей идеологической линией (и когда, например, в своей новгородской повести Бестужев выводит простой народ в качестве решающей силы в делах веча, в то время как в действительности это не могло быть так, он, по всей вероятности, заблуждается совершенно искренне именно в силу подобного подхода).

Проявляя неподдельный интерес к истории, утверждая необходимость ее как можно более полного и верного сообщения современникам, Бестужев, таким образом, в отдельных случаях проявлял историческую необъективность в силу романтического восприятия прошлого — художник пересиливал в нем исследователя, требуя подчинения исторического процесса нравственным законам. Подобная черта представляется вообще характерной для современного Бестужеву образованного сообщества, если принять в расчет то обстоятельство, что рост внимания к народной жизни и отечественной истории во многом подкреплялся воздействием романтизма как литературного течения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Башнин Ю.Н. Взгляды А. А. Бестужева-Марлинского на литературу и особенности ее развития // Ученые записки Карельского педагогического института. Т. 6. Петрозаводск, 1959.
- Бестужев А. Поездка в Ревель. СПб., 1821.
- Бестужев-Марлинский А.А. Собрание сочинений в двух томах. Т. 1–2. М., 1958.
- Бестужев А.А. О романтизме // Литературно-критические работы декабристов. М., 1978.
- Бестужев М.А. Детство и юность А.А. Бестужева (Марлинского). 1797-1818 // Воспоминания Бестужевых. М.–Л., 1951.
- Бестужев Н. Воспоминание о Рылееве // Восстание декабристов. Т. 2. Л., 1926.
- Бестужев Н.А. Опыт истории российского флота. Л., 1961.
- Бестужев Н.А. Воспоминание о Рылееве // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1980.
- Глинка Ф.Н. О древностях в Тверской Карелии: извлечение из писем Ф.Н. Глинка к П.И. Кеппену / Отт. из 3 кн. «Журн. М-ва внутренних дел». СПб., 1836.
- Корнилович А.О. Известия об успехах промышленности в России, и в особенности при царе Алексее Михайловиче. СПб., 1823.
- Котляревский Н.А. Декабристы кн. А.И. Одоевский, А.А. Бестужев-Марлинский. Их жизнь и литературная деятельность. СПб., 1907.
- Михалева Т.И. Ранняя беллетристика А.А. Бестужева (1821-1825) // Моск. обл. пед. ин-т. Ученые записки. Т. 85. Вып. 6. М., 1960.
- Наумов П. Ответ на рецензию, помещенную в 23 кн. «Слава Отечества» // Сын Отечества. 1823. №28. С. 69-87.

Привалова Е. О думе К.Ф. Рылеева «Борис Годунов» // Русская литература. 1963. № 3.
Письма Александра Александровича Бестужева к Н.А. и К.А. Полевым, писанные в 1831–1837 гг. // Русский вестник. 1861. Т. 32 (март, апрель).
Рылеев К. Ф. Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. М., 1956.
Сацюк И. Г. Сибирский период в творчестве А.А. Бестужева // Проблемы нравственно-психологического содержания в литературе и фольклоре Сибири. Иркутск, 1986
Следственное дело П. И. Пестеля // Восстание декабристов. Документы. Т. IV. М., 1927.
Томашевский Б. В. Неизвестное стихотворение А. Бестужева // Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова: Ученые записки. №200. Серия филол. наук. Вып. 25. 1955.
Фонвизин М.А. Обзорение проявлений политической жизни в России и другие статьи. М., 1907.
Штейнгель В. Опыт полного исследования начал и правил хронологического и месяце-словного счисления старого и нового стиля. СПб., 1819.

ДМИТРИЙ ОЛСУФЬЕВ: НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ПЕРЕПУТЬЕ

2 октября 1862 г. в Санкт-Петербурге, на Фонтанке, в доме рядом с Пантелеймоновым мостом, родился мальчик. Это был четвертый ребенок в семье. Его назвали Дмитрием. Крещен он был совсем неподалеку: в Пантелеймоновской церкви. Он принадлежал к старинному роду графов Олсуфьевых, восходившему еще к XVI в. До 1875 г. семь месяцев зимнего сезона семья проводила в Петербурге. На лето она выезжала в имение матери — в село Никольское, под Дмитровом (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 43. Л. 1). «Мой детский мирок, — вспоминал Д.А. Олсуфьев, — среди нянюшек и старой крепостной прислуги, с которой я был очень близок, так как мать наша в те свои молодые годы нами, детьми, мало занималась» (Там же. Л. 12). Два года — в 1875–1877 гг. Олсуфьевы провели в Париже. А затем их ждал переезд в Москву, где младшие сыновья, Михаил и Дмитрий поступили в Поливановскую гимназию на Пречистенке (Там же. Л. 2–3). Если детство, по воспоминаниям Д.А. Олсуфьева было окрашено в тона умеренной религиозности и патриархального монархизма, то в отроческие годы произошел перелом в сторону позитивизма, натурализма, народничества (Там же. Л. 12). В семье Олсуфьевых преобладали леворадикальные настроения. По воскресеньям в их доме собирались имена, известные всей Москве: М.М. Ковалевский, И.И. Иванюков, Н.П. Стороженько, Н.В. Бугаев (отец Андрея Белого). Другом семьи был и Л.Н. Толстой, который, оказавшись в Петербурге, часто останавливался в доме Олсуфьевых. Нередко приезжал и в Никольское, где размещался как раз в комнате Дмитрия (Олсуфьев, 10 мая 1931: 3, 5). По воспоминаниям П.И. Нерадовского, «он жил здесь, не меняя своего привычного образа жизни. Он не пользовался трудом прислуги, сам убирал комнату, сам приносил себе чистую воду и выносил ведра с грязной. Шил сапоги. Пару сапог своей работы он подарил Михаилу Адамовичу Олсуфьеву». Л.Н. Толстой даже хотел, чтобы Михаил Олсуфьев стал мужем его дочери Татьяны (Нерадовский, 1961: 130 — 132). Д.А. Олсуфьев и впоследствии сохранял хорошие отношения с писателем.

Олсуфьев вспоминал гимназические годы как время праздной жизни, товарищеских пирушек и полного презрения к образованию. Причем эта характеристика относилась и к брату Михаилу и однокласснику князю Г.Е. Львову, будущему первому председателю Временного правительства (Олсуфьев, 12 сентября 1931: 3). Правда, родственник Олсуфьевых А.В. Давыдов свидетельствовал об ином. Он вспоминал, что сам Дмитрий учился весьма успешно и отличался замкнутостью характера (Давыдов, 1982: 73). В 1881–1885 гг. Д.А. Олсуфьев — студент естественного отделения физико-математического факультета Московского университета. По окончании университета вся семья Олсуфьевых переехала в Никольское. Мать, Анна Михайловна, урожденная Обольянинова, и старшая сестра Елизавета с головой ушли в благотворительность. Они основали в Никольском больницу, народную школу, поддерживали их в необходимом порядке. «Жизнь семьи Олсуфьевых была не совсем обычной для аристократической среды: она была тесно связана с жизнью их бывших крестьян, для которых они выстроили и содержали большую школу, большую больницу. Они преподавали в школе, занимались с наиболее способными учениками; по окончании ими курса учения в школе помогали им пройти среднее образование, а иногда давали им возможность окончить и высшее образование. И школа и больница были близким делом семьи Олсуфьевых. Они организовали духовой оркестр, устраивали домашние спектакли для всех жителей Никольского. Усадьба у Олсуфьевых была тоже большая и богатая, но всем, что было в ней, пользовалось также и большое ее население. Скотный двор, фруктовый сад, конюшни и прочие уголья обслуживали не только семью владельцев, но и многочислен-

ных больных с медицинским персоналом, большие семьи служащих: учителей, садовников, приказчиков, престарелых служащих и многих других жителей Никольского» (Нерадовский, 1961: 137).

Д.А. Олсуфьев с осени 1886 по начало 1887 г. отбыл воинскую повинность в качестве вольноопределяющегося в 4-ой батарее гвардейской конной артиллерии (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 43. Л. 5). По окончании службы он причислился к Министерству государственных имуществ и был прикомандирован к Петербургскому горному институту, где ему было поручено разбирать коллекции аммонитов (искусственных раковин) в местном музее. Олсуфьев тяготился этой работой и с радостью ее бросил, когда летом 1889 г. ему представилась возможность отправиться с профессором С.Н. Никитиным в путешествие по Волге для составления геологической карты России. Осенью 1889 г. Д.А. Олсуфьев вместе с сестрой и братом приехал в Париж, где оставался всю зиму. Изредка он ходил на лекции по геологии в Католическом институте, что оказалось небесполезным: именно тогда он понял, что естествознание не для него. Вернувшись весной 1890 г. в Москву, Д.А. Олсуфьев решил в корне изменить свою жизнь (Там же. Л. 6). Впоследствии он отмечал, что тогда произошел перелом в его мировоззренческих установках. Д.А. Олсуфьев теперь определял свои взгляды как славянофильски народнические, которые можно было выразить несколько видоизмененной уваровской формулой «православие — самодержавие — народничество» (Там же. Л. 12). Свое новое жизненное кредо он определял словами Ф.М. Достоевского: «Смирись, гордый человек». Или же И.С. Тургенева: «В норку, в норку» (Олсуфьев, 12 сентября 1931: 3). В 1891 г., вопреки возражениям матери, Олсуфьев поступил в земские начальники. Так началось его общественное служение (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 43. Л. 6). С декабря 1893 г. Д.А. Олсуфьев — камышинский предводитель дворянства. В 1894-1895 гг. он также и председатель камышинской уездной земской управы. Д.А. Олсуфьев участвовал в первом заседании кружка «Беседа» 17 ноября 1899 г. (Соловьев, 2009: 40). В 1902–1904 гг. занял должность председателя саратовской губернской земской управы. Причем в саратовском земстве Д.А. Олсуфьев возглавлял правое крыло (ОПИ ГИМ. Ф. 164. Оп. 1. Д. 584. Л. 28об.).

Это отпугивало от него представителей либеральной общественности. Например, явно диссонировало с ее настроениями то, что он решительно выступал в защиту церковно-приходских школ. Может быть, именно поэтому весной 1903 г. министр внутренних дел В.К. Плеве предложил Д.А. Олсуфьеву занять пост тамбовского вице-губернатора, но Д.А. Олсуфьев решительно отказался. Младший брат Михаил полностью одобрил его решение. Во-первых, принятие должности могло повредить Д.А. Олсуфьеву в общественном мнении. «Во-вторых, служба губернаторская самая чиновная из чиновных. Это я говорю не в укор, а в том смысле, что будет ли она тебе по натуре? Ты слишком субъективен, слишком мало дисциплинирован, слишком любишь активную деятельность, чтобы служить в настоящее время по администрации, которая находится почти в осадном положении. Так сказать, быть только на часах. Боюсь, что ты сделаешь вылазку и тогда пропал» (ОПИ ГИМ. Ф. 164. Оп. 1. Д. 56. Л. 183). Насколько тяжело Д.А. Олсуфьеву дался отказ от предложенной должности, свидетельствует текст его исповеди, датированный 1 апреля 1903 г.: «Внимание Плеве ударило мне в голову, слова дяди (А.В. Олсуфьева — К.С.) о шталмейстерстве заставили по ночам мечтать об этом парадном мундире на зло Павлову (саратовскому общественному деятелю — К.С.) и другим». Это один из грехов наряду с тщеславием, завистью, гневом, высокомерием, трусостью, похотливостью, который Д.А. Олсуфьев подмечал в себе (ОПИ ГИМ. Ф. 164. Оп. 1. Д. 584. Л. 26–30).

В ходе русско-японской войны Д.А. Олсуфьев стал уполномоченным Красного Креста при 1-м корпусе генерала-адъютанта Ф.Е. Мейендорфа. Около двух недель Д.А.

Олсуфьев даже побывал в плену у японцев. Затем он был эвакуирован в Шанхай, где пробыл полтора месяца, и уже оттуда на французском корабле через Индийский океан доставлен в Одессу (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 43. Л. 6).

Россия тогда переживала революцию. Д.А. Олсуфьев вспоминал, как в октябре 1905 г., в дни Всероссийской забастовки, он в состоянии полнейшей растерянности забрел на квартиру старого знакомого, губернского московского предводителя дворянства князя П.Н. Трубецкого. Оттуда они по телефону связались с князем А.Д. Оболенским, хорошим знакомым С.Ю. Витте. Это было еще до издания Манифеста 17 октября. Но уже тогда Оболенский знал, что забастовка вскоре прекратится, а в Москве в декабре ожидается вооруженное восстание. Д.А. Олсуфьев оставаться во второй столице не мог. Он спешил в Саратовскую губернию, где полыхали его поместья. Впоследствии Олсуфьев описывал, как под покровом ночи, будто бы вор, пробирался в собственное имение (Олсуфьев, 10 мая 1931: 3–4).

В конце 1905 г. Олсуфьев принимал активное участие в организации Саратовского отдела «Союза 17 октября» и его органа — газеты «Волга». В начале следующего года он вошел в состав ЦК партии. В 1906 г. Д.А. Олсуфьев был избран членом Государственного совета от Саратовского земства. Как это не странно, октябрист Олсуфьев под влиянием Ф.Д. Самарина оказался в правой группе Государственного совета. И лишь несколько лет спустя после отказа Самарина от обязанностей члена Государственного совета, в 1912 г., он перешел в Группу центра (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 43. Л. 8). Д.А. Олсуфьев был лично хорошо знаком с одним из видных идеологов русского консерватизма Л.А. Тихомировым и в 1907 г. прикладывал немалые силы, чтобы познакомить его с председателем Совета министров П.А. Столыпиным. Олсуфьев рассчитывал, что Тихомирову удастся повлиять на премьера в неославянофильском духе и в России утвердятся принципы законосоветательного (а не законодательного) представительства (П.А. Столыпин, 2006: 212; ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 101. Л. 117а). Вероятно, многие такие «странности» в политическом поведении октябриста Олсуфьева объясняются самим его отношением к идеологическим предпочтениям, которые он считал во многом ситуативными, конъюнктурными. 28 марта 1907 г. на III Съезде уполномоченных дворянских обществ он сказал: «Громадное большинство дворян на нашем объединенном съезде консервативного направления, но это только в силу требования данного политического момента и вовсе не значит, что оно будет таковым всегда. Может быть, лет через 10, 15 все будет иначе, и дворянство станет либеральным» (Объединенное дворянство, 2001: 339).

Д.А. Олсуфьев отрицал жесткую грань между консерватизмом и либерализмом. По его мнению, подтверждение тому — сам факт существование «Союза 17 октября». На собрании октябристов 21 марта 1906 г. Д.А. Олсуфьев заявлял, что «левое крыло нашего союза предпочитает называть новое государственное устройство России умеренной конституцией. Правое крыло видит в нем видоизмененное самодержавие в его дальнейшей эволюции. Одно несомненно для тех и других и для всякого: не ложны слова Манифеста 20 февраля, что “произошло великое преобразование в государственном строе нашего отечества”». Причем, с точки зрения Д.А. Олсуфьева, консерватизм далеко не всегда ретрограден, он может гарантировать обществу прогресс, поступательное движение. Ведь «существует консерватизм другого рода, не житейский, а высший, так сказать философский. Он говорит, что основы человеческих обществ и государств неизменны во все времена и у всех народов, и пока эти основы живы, жив и народ и само государство. Основы эти — семья, религия, власть. Формулы этих основ выражены у всех народов одинаково в заповедях религии... Движение вперед, истинный прогресс состоит именно в развитии этих основных, неизменных начал всякого человеческого общежития» (ОПИ ГИМ. Ф. 164. Оп. 1. Д. 54. Л. 32об.).

Д.А. Олсуфьев выступал противником упразднения волостного суда, на чем настаивало правительство П.А. Столыпина (Объединенное дворянство, 2001: 659–660). Он считал возможным при известных условиях сохранить должность земского начальника (Там же: 714–716). Но все же было бы слишком просто считать его закоренелым ретроградом, противившимся всяким изменениям. Д.А. Олсуфьев не принимал идею радикальной ломки сложившихся институтов и традиций, считая необходимым по возможности сохранять преемственность. Он был сторонником так называемой «английской» модели реформирования, когда новое органически произрастает из старого, не нарушая устоявшийся уклад жизни. Наоборот, Д.А. Олсуфьев чрезвычайно скептически оценивал «французскую» модель, превозносящую теоретическую схему над жизнью и бытом (Там же: 626–628).

Д.А. Олсуфьев стоял у истоков Постоянного Совета Объединенного дворянства. 18 мая 1906 г. на заседании Совета по организации съезда уполномоченных дворянских собраний он заявил, что «теперь роль политического руководящего сословия захватила темная сила прессы. Но быть руководителем народа — это призвание дворянства. Для его осуществления нам необходимо объединиться на местах не только в сословных, но и в социально-экономических и политических союзах и организации. Формой такого объединения должна быть мелкая земская единица. Гонения и нападки на дворянство способствуют его объединению». Примечательно, что Д.А. Олсуфьев видел задачи Постоянного Совета принципиально иначе, нежели более правые коллеги, присутствовавшие на том же самом совещании: Н.Ф. Касаткин-Ростовский, А.А. Нарышкин, А.А. Чемодуров и др. Если те полагали, что вектор усилий общедворянской организации, прежде всего, должен быть направлен «вверх», на целен на продвижение тех или иных решений в высших сферах, то Д.А. Олсуфьев считал, что ключевая задача Постоянного совета — способствовать самоорганизации поместного дворянства (Там же: 34–35).

В ходе обсуждения аграрного вопроса Д.А. Олсуфьев призывал дворянство к поиску компромисса с малоземельными крестьянами. Он полагал, что земельная реформа не могла иметь единообразный характер на всей территории России, и в ряде случаев даже требовалось принудительное отчуждение частновладельческой земли. А «лучше всего сразу, не унижаясь до принудительного отчуждения, заранее удовлетворить требования крестьян. Если у меня оторвут землю силою, я стану врагом крестьян, в противном случае останусь им другом. Мы должны добровольно идти навстречу к продаже крестьянам земли, сохраняя и за собой часть... Компромисс необходим. Это не трусость, а понимание дела. Как во время бури бесполезна борьба, так и здесь упрямое отношение будет губительно для дела» (Там же: 70). Олсуфьев предлагал покрыть долг Дворянского банка путем отчуждения помещичьей земли и передачи ее Крестьянскому банку. Таким образом из 40 миллионов пахотной дворянской земли 30 миллионов отошло бы крестьянам (Олсуфьев, 2016: 179).

С мая 1906 г. Д.А. Олсуфьев выступал принципиальным сторонником изменения избирательного законодательства, не исключая даже возможности государственного переворота. Он был убежден, что действовавшее Положение 11 декабря 1905 г. не создавало предпосылок для возникновения работоспособной Думы. При этом для благоприятного исхода выборов предводители дворянства должны были занять активную политическую позицию. На втором съезде уполномоченных губернских дворянских обществ 15 ноября 1906 г. Д.А. Олсуфьев ссылаясь на «слова [Ф.Д.] Самарина, сказанные на Страстной неделе под впечатлением Евангелия: “Кадеты, как мудрые девы, явились хотя и с маргариновым маслом, а мы совсем без масла”. Вот этим маслом и нужно нам запастись, масло — это политическое самосознание, связь дворянства с населением». Д.А. Олсуфьев приводил пример Англии, где в нижней палате абсолютно доминировали представители джентри, пользующиеся непоколебимом доверием своих избира-

телей. «Новая эпоха после 17 октября при всех своих ужасах имеет ту хорошую сторону, что пробудила общественное самосознание, вызвав на борьбу консервативные элементы, прежде мирно покоившиеся в люльке административной опеки, — подытожил он свою речь. — До сих пор консервативная мысль была воплощена полицией, а консервативные общественные элементы дремали; теперь же мы должны выучиться у польского и остзейского дворянства, которые искусились в политической борьбе» (Там же: 178).

Д.А. Олсуфьева отличало своеобразие суждений и в области внешней политики. Так, 25 октября 1908 г. он писал публицисту «Нового времени» М.О. Меньшикову: «Я вам горячо сочувствую и выражаю признательность по поводу позиции, занятой вами в славянофильском или, вернее, в германофобском вопросе. Не понимаю однако, почему вы одни, почему в том же “Новом времени” в передовых статьях нейтрализуется ваше влияние непристойным науськиванием против Германии. К чему такая нежность к Англии, только что воевавшей с нами за спиной японцев, к кадетской Турции, к политически ничтожным сербам; а с другой стороны, к чему такая холодность к единственно способному балканскому народу — болгарам» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 333. Л. 63).

В 1910-е гг. Олсуфьев вновь пережил переоценку былых ценностей. Он все больше склонялся в своих симпатиях к западному конституционализму, хотя при этом заметно усиливался его интерес к религиозному мистицизму. Случайно или нет, но это совпало с I Мировой войной и политическим кризисом 1915–1916 гг. В августе 1915 г. Олсуфьев вошел в Прогрессивный блок. Он вспоминал, как ему позвонил депутат П.Н. Крупенский с предложением войти в сношение с членами Государственной думы: «Крупенский мне сказал: выбирайте кого угодно из Государственного совета, а я буду выбирать из Государственной думы, к партиям я придираюсь не буду, лишь бы только хотели совещаться вместе». Д.А. Олсуфьев вместе с П.Н. Милюковым, А.И. Шингаревым, П.Н. Крупенским и многими другими присутствовал на обеде в ресторане Контана, на котором и было положено основание Прогрессивного блока. Он настаивал на необходимости «сыграть на опережение», «не плестись» за судьбой, а «тащить ее за волосы» (Объединенное дворянство, 2002: 650 — 652). Так, он предлагал, не дожидаясь экстраординарных событий, добиться расширения гражданских и политических прав населения и снятия всевозможных ограничений с национальных и религиозных меньшинств. 29 ноября 1916 г. на XII съезде уполномоченных дворянских обществ Д.А. Олсуфьев констатировал: «В этот блок вошел Государственный совет, вошла Государственная дума, вошел Св. Синод со всем высшим духовенством, Рябушинские, вся русская буржуазия с миллионными капиталами, вошли все городские организации, организации рабочих, союзы. Остается один только сфинкс, это русский мужик, на которого можно опереться» (Там же: 655).

Февраль 1917 г. Олсуфьев встретил в своем доме на Фонтанке. Пули буквально летали по квартире. На глазах Олсуфьева был убит случайно зашедший студент (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 43. Л. 9).

После революции Олсуфьев не спешил сворачивать знамена. Он стал одним из основателей Союза земельных собственников, весьма критично относившегося к действовавшей власти. Д.А. Олсуфьев вспоминал, как он вместе с крестьянами из Союза земельных собственников пришел на прием к Г.Е. Львову с требованием установить порядок в деревне. Председатель Совета министров начал что-то несвязанное объяснять. В кабинете поднялся невероятный шум, так что туда даже заглянул министр земледелия В.М. Чернов (Олсуфьев, 12 сентября 1931: 5). В августе 1917 г. Д.А. Олсуфьев был приглашен участвовать во Всероссийском церковном соборе, что стало предметом его особой гордости (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 43. Л. 9).

Ноябрь 1917 г. он встретил в Москве, в своем доме около Никитских ворот. Со всем рядом шла яростная перестрелка юнкеров Александровского училища с большевиками, и вновь над головой Олсуфьева пролетали пули. В августе 1918 г. ему удалось выехать из Москвы. Некоторое время прожив в Ясной поляне, он вместе с М.Л. Толстым отправился через Клинцы в Киев, где остановился в доме у родственника — гетмана П.П. Скоропадского. Д.А. Олсуфьев жил в Киеве вплоть до января 1919 г., когда перебрался в Одессу. 23 марта 1919 г. он эмигрировал, отплыв на пароходе в Турцию. 25 марта был уже в Босфоре. Три месяца нищеты в Константинополе заставили Д.А. Олсуфьева вернуться в Россию, в Новороссийск, где у него было имение и некоторые запасы денег. До января 1920 г. Д.А. Олсуфьев проживал в Новороссийске, периодически наезжая в Сочи, Ростов, Таганрог, Екатеринодар, Кисловодск. Он организовал группу из пяти человек, которая с переменным успехом вела торговлю с Константинополем. В январе 1920 г. Д.А. Олсуфьев вновь эмигрировал, в Варну. Затем через Софию перебрался в Белград. В этом городе провел все лето 1920 г., после чего переехал в Дубровник (Там же. Л. 10). Олсуфьев оставался там вплоть до августа 1922 г., когда на короткое время поселился в Бреде, откуда, в свою очередь, отправился в Белград, где близко познакомился с генералом П.Н. Врангелем. Не задержался Олсуфьев и в Белграде: он переехал в Венгрию и жил около Будапешта. С декабря 1922 г. Д.А. Олсуфьев — в Австрии, где поселился под Замерингемом в имении кузины княгини М.А. Васильчиковой, периодически наезжая в Баден около Вены. В конце 1924 г. Олсуфьев перебрался в Париж и жил там до августа 1925 г., когда он отправился к родственникам в Литву. Однако в Берлине Д.А. Олсуфьев почувствовал себя плохо: потребовалась срочная операция и поездка в Литву сорвалась. В декабре 1925 г. он вернулся во Францию, в Ниццу. Проживая на Лазурном берегу, Олсуфьев часто посещал Русский дом в Ментоне. С сентября 1928 г. Д.А. Олсуфьев жил в Париже. Скитания по Европе в значительной мере объяснялись бедственным финансовым положением. Месячный бюджет Олсуфьева был ничтожно мал — 700–800 франков, которые преимущественно давали его друзья и родственники (Там же. Л. 11). Д.А. Олсуфьев смиренно благодарил судьбу, которая уберегла его от голода и холода, и не оставлял «надежды сложить свои кости в родном Дмитровском уезде, рядом с могилами родителей, братьев и сестры». Дмитрий Адамович Олсуфьев скончался 10 ноября 1937 г.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102 (Департаменты полиции). Оп. 265. Д. 333.

ГА РФ. Ф. 634 (Л.А. Тихомиров). Оп. 1. Д. 101.

ГА РФ. Ф. 5881 (Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов). Оп. 1. Д. 43.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 164 (Олсуфьевы). Оп. 1. Д. 54.

ОПИ ГИМ. Ф. 164 (Олсуфьевы). Оп. 1. Д. 56.

ОПИ ГИМ. Ф. 164 (Олсуфьевы). Оп. 1. Д. 584.

БИБЛИОГРАФИЯ

Давыдов А.В. Воспоминания. Париж, 1982.

Нерадовский П.И. Встречи с Толстым // Лев Толстой: В 2 кн. М., 1961.

Объединенное дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906 — 1916 гг.: В 3 т. М., 2001. Т. 1. 1906 — 1908 гг.

Объединенное дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906 — 1916 гг.: В 3 т. М., 2002. Т. 3. 1913 — 1916 гг.

- Олсуфьев Д.А. Цареубийство 1-го марта и Москва // Возрождение. 14 марта 1931. № 2111.
- Олсуфьев Д.А. В Зимнем дворце 27 апреля 1906 г. // Возрождение. 10 мая 1931. № 2168.
- Олсуфьев Д.А. Князь Георгий Львов // Возрождение. 12 сентября 1931. № 2293.
- Олсуфьев Д.А. Вечный ковер жизни: Семейная хроника. М., 2016.
- Соловьев К.А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности, 1899 — 1905 гг. М., 2009.
- П.А. Столыпин: Биохроника. М., 2006.

**В. В. РОЗАНОВ О СОБЫТИЯХ 1917 ГОДА.
ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ПИСАТЕЛЯ
В ЕГО ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ**

Главной проблемой в изучении творчества В.В. Розанова является повышенная эмоциональная неустойчивость мыслителя. Поэтому к нему и применяли обычно термин — не «философ», а «философствующий писатель» (в лучшем случае). И здесь нет ничего обидного, — во многом это определение даже справедливо. Строгости и догматизма, готовности «умереть» за уже сложившиеся термины и концепции у Розанова действительно никогда не было. Однако определенный период времени и в рамках четко поставленных тем и задач он размышлял конкретно и доказательно.

Другое дело, что на следующий день, под влиянием момента, под воздействием каких-то жизненных обстоятельств, Розанов в размышлениях начинал отталкиваться от совсем иной изначальной посылки и выстраивал чуть ли не прямо противоположную конструкцию. И любопытно, что при откликах на конкретные события у писателя чаще всего первая реакция оказывалась совершенно правильной. А вот потом, особенно, если событие запускало некий процесс (как свержение Николая II — последующие мартовско-октябрьские пертурбации), Розанов начинал самообольщаться, пытался найти положительные стороны в, казалось бы, самых негативных явлениях. Но, если ситуация только ухудшалась, то маятник его размышлений шел в противоположную сторону — и теперь уже все становилось плохим, и прорекались события воистину «апокалиптические».

Цикл статей, посвященных революции, а также отдельные записи, позднее включенные в текст книги «Апокалипсис нашего времени», полностью соответствуют этапам колебания розановской мысли. Здоровое отрицание; соблазн; разочарование; отрицание огульное и слепое; обвинения, сыплющиеся на всех подряд — на безусловно виноватых и на ни в чем не повинных...

К 1916 г. общий взгляд Розанова на революцию находился именно в «фазисе» жесткого отрицания. Соблазн, частично им владевший им в начале XX в. и усилившийся в 1905–1907 гг., к началу десятых был полностью изжит. Писатель не только больше не верил, что революция может принести хоть какое-то благо России. Розанов воспринимал ее как сплошной обман и мошенничество, манипуляцию, смешанную с провокацией. Он писал об этом вещи беспощадные: «Революция есть смерть. Социализм есть смерть. Смерть, и только» («Мимолетное. 1914 год» — Розанов, 1997: 214). Он писал о революции вещи вполне оскорбительные: «Маркс и Лассаль производили Прудону обрезание и благополучно окончили. Прудон в это время обеими руками делал сам какую-то гадость, которую нельзя назвать. Когда они ушли, то на земле осталось что-то мокрое, белое и красное и вонючее. Это мокрое называется социализмом. На Востоке жили свиньи. Увидя грязное и мокрое, они немедленно поспешили на это место и стали тут купаться и лизаться. Впереди всех бежал Герцен, затем “их множество”, а поладила всех “она”. Так произошла русская революция» (Розанов, 1998: 250). Он находил в революции только гниль и гибель, «духовный сифилис». Философ полностью разочаровался в творческом потенциале хоть каких-либо революционных усилий.

Тем более, что любые революционные потрясения в России Розанову, как и его старшему другу К.Н. Леонтьеву, изначальным представлялась только в социалистическом варианте. Социализм же мыслитель воспринимал исключительно как общество всеобщего уравнивания и социальной смерти. Несмотря на все идеологические колебания в течение жизни, он подсознательно следовал столь поразившим его давным-давно

концепциям Леонтьева о трех стадиях развития любого народа и государства. И в рамках этой теории социализм всегда воспринимался именно как «предсмертное упрощение».

Если же в статьях Розанова и возникали похвалы социализму, то под этим словом преподносилось нечто, совсем не совпадающее с разработками «общества равенства» даже у самых утопически настроенных классиков социалистических учений. Под социализмом в розановских текстах понимается некое духовное объединение людей, антиэгоистическое братство, которое непонятно как должно сложиться — скорее под влиянием Божьего чуда, нежели вследствие социального конструирования. Розанов в реальных социалистических учениях (особенно — в марксизме) не разбирался, этого направления философской и социально-экономической мысли не любил и в подробную критику подобных теорий (в отличие, например, от С.Н. Булгакова или П.И. Новгородцева) никогда не втягивался.

Не следует забывать и о монархических настроениях Василия Васильевича, весьма усилившихся за 1913–1916 гг. Если раньше он мог создать текст вроде «Ослабнувшего фетиша», то во время Первой мировой войны для писателя были характерны самые верноподданнические умонастроения, причем проистекавшие вовсе не из политического или карьерного расчета, а из-за четких мировоззренческих позиций.

Розанов считал, что в десятые годы XX в. он вернулся к более органично ему присущим «русофильским» и «славянофильским» взглядам 80-х — начала 90-х гг. XIX в.. Он отверг многие либерально-революционаристские идеи, которые пытался проповедовать скорее от отчаяния, чем искренне. Он сам признавался в этом о Павлу Флоренскому в этом: «Вы не знаете этого ужасного удушья литературы, когда подлецы и тупицы, когда Соловьёв, “танцующий с Лесевичем”, давили всех этих воистину страдальцев за русскую землю, т.е. славянофилов. Я очень низко сделал, что тоже раз лягнул Хомякова. Но и меня переутомило зрелище: “ничего русского не выходит”, все “русское — не удастся”. И хотя я любил все это, но с каким-то отчаянием “махнул рукой”. Э, значит РОК, тогда пусть СКОРЕЕ все проваливается к черту» (Розанов, 2010: 291).

И поэтому для творчества Розанова-монархиста в период Второй Отечественной войны характерны такие пассажи: «Любовь слепа. И любовь к Царю д[олжна] б[ыть] ослепленна, не рассуждая, без поправок и вопреки всему. “Он от корня сделал Россию”. Какие же разговоры» («Мимолетное. 1915 год» — Розанов, 1994: 281).

И оттого таким шоком для Розанова стало свержение Николая II, которое, по сути дела, и стало реальным толчком ко всем последовавшим революционным событиям. Судя по текстам мыслителя, для него (как и для многих других жителей России) предшествующие происшествия в Петрограде были не более чем недолговечными беспорядками, которым власти вот-вот должны были положить конец. Во всяком случае, события января 1905 г. Розанов воспринял и осознал значительно четче и острее.

На крах и исчезновение монархии писатель откликнулся следующим образом: «Помолимся о Царе нашем несчастном, который в заключении встречает Пасху. И о наследнике Алексее Николаевиче, и о дочерях Ольге и Татьяне (других не знаю, кажется, Анастасия)...» («Последние листья. 1917 год» — Розанов, 2000б: 244). «“Царь всегда прекрасен”. Царь не имеет права быть некрасивым. Бедный наш царь был некрасив. Но мы должны любить его и некрасивым. Отношение к царю вообще должно быть безумным. Если оно не безумно, то тогда, кто относится к нему не безумно, он должен казнить. Он бог Земной и на земле, если бог — то все-таки чрезмерен. Почему наше время, состоящее исключительно из смердов, и должно было “низвергнуть царя”, и самый сан его, и державность, и смысл в истории. Как же “потом сядут за стол вместе с богом”» (Там же: 244–245).

Революционные события даже спровоцировали у Розанова всплеск столь типичной для него «парадоксальной русофобии», которую он и сам описывал как патологию: «Сам я постоянно ругаю русских. Даже почти только и делаю, что ругаю их. “Пренесносный Щедрин”. Но почему я ненавижу всякого, кто тоже их ругает? И даже почти только и ненавижу тех, кто русских ненавидит и особенно презирает. Между тем я, бесспорно, и презираю русских, до отвращения. Аномалия» («Уединенное» — Розанов, 1990: 230).

Будучи одержим похожим настроением, в записи, позднее включенной в подборку текстов «Последние листья», мыслитель отметил: «Россия (и славяне) — действительно слабая страна. Слабо рождена, слабо и крещена. Наша судьба — поболеть и умереть» («Последние листья. 1917 год» — Розанов, 2000б: 247).

Однако «массовый психоз заразителен», и эйфория «благоуханного» Февраля, как позднее характеризовал революцию ее апологет Д. С. Мережковский (Мережковский, 2017: 239), захватила и Василия Васильевича.

28 марта 1917 г. Розанов писал о Павлу Флоренскому: «Ну, переболел, перехворал; думал — “всё кончилось для нас” (впрочем, ведь “мы”-то говно собачье). “Где Россия”. “Ах, где христианство”. Было 2 форменно апокалипсические сна (может, ниже расскажу); а теперь — руки в карманы, хожу, посмеиваюсь, и решил: “Это — не только хорошо, это даже отлично”. Прежде всего зрелище: все расцвело, прежде всего все расцвело. 20 дней — ни одного угрюмого лица на улице. Ни одного печального, угрюмого, заподозряющего Вас.... Но “Розанов не такой дурак, чтобы дальше носу не видеть”; и я совершенно успокоился и за Россию и за ее будущее (считал “зачеркнутым”» (Розанов, 2010: 399).

А вскоре начали выходить в свет статьи писателя в газете «Новое время», которые позднее должны были составить сборник «Черный огонь». Розанов действительно планировал собрать такую книгу, но издать ее, разумеется, не успел. Одноименная подборка текстов была выпущена только в 1991 г. в Париже. Сюда вошли как опубликованные тексты, так и сочинения, остававшиеся в архиве писателя и не появлявшиеся на страницах газет. Еще одна версия сборника (только тексты за 1917 год) была выпущена в 1994 году издательством «Республика»¹.

Большинство из этих статей выходили под псевдонимами «Обыватель», что было вызвано скандальной репутацией Розанова, сложившейся еще в период «дела Бейлиса» и усилившейся после публикации в 1913 г. в третьем номере «Богословского вестника» статьи «Не надо давать амнистии эмигрантам». Формально именно эта статья послужила поводом для исключения В.В. Розанова 26 января 1914 г. из Религиозно-философского общества. Но Н.В. Розанова-Верещагина, дочь писателя, утверждала, что на самом деле сыграло свою роль «масонское давление» (по признанию В.В. Гиппиуса) (В.В. Розанов, 1995: 466²).

В 1917 г., когда те самые прежние оппоненты Розанова стали у руля российской власти, издатели, видимо, не захотели лишний раз «дразнить гусей». А Василию Васильевичу это было, вероятно, безразлично. Значительная часть его текстов и ранее издавалась под псевдонимами, а многие из них (в том числе и в «Новом времени») вообще публиковались без подписи.

И в одной из первых статей «В Совете рабочих и солдатских депутатов», вышедшей 9 апреля 1917 г., сразу начала звучать «музыка» нового соблазна, очарование революцией, порожденное массовым психологическим беснованием. «Обновление России», надежды на реализацию тех беспочвенных утопий, что подпитывали русское интеллигентское движение более ста лет, захватывали в 1917 году самых здравомысля-

¹ Материалы к книге хранятся в РГАЛИ. Ф.219. №№ 138–142.

² С указанием на РГАЛИ. Ф. 419. Оп.2. № 7. Л.137–139.

щих. Что же говорить об увлекающемся В.В. Розанове, который в минуту пронизательной трезвости иронически написал о себе: «В сущности все мое революционерство в литературе было пустомельством. Я и тогда революции (1905–6 гг.) не совсем сочувствовал: неопытность, зрелище кой-чего красивого (Элла и Шарлота) и “айда с гимназистами”. Что делать, молодежь люблю, со стариками противно. Но и тогда (1905–6 гг.) в сущности ничему глубокому во мне не отвечала революция» («Мимолетное. 1915 год» — Розанов, 1994: 302).

В статье «Что такое народ теперь? (конец о Совете Рабочих и Солдатских Депутатов)» даже повторяются мысли и настроения писателя, сходные с теми, что проявились в письме к о. Павлу Флоренскому: «В марте (не скрою) я сам был болен. Аки в гробу. Да еще лицом книзу: не хочу смотреть и видеть. Где же Русь, которую я любил? Тут все марксисты. Только из гроба щелочка, и стал я в щелочку поглядывать: какие такие люди, и какой у них шаг, и какие лица. По всему надо измерять человека, везде видеть рост его, в вершок или сажень. И увидел я: люди хорошие, бравые; лица смелые, открытые не затаенные, не подлые. Стало сердце отлегать: как будто не очень скверно, как будто даже хорошо. Вылезаю из гроба, смотрю: все же живая Русь. Только будто помолодела и приосанилась. И подумал я: сплетется этот марксизм со старыми песенками, со старыми сказочками. Сплетется он с “Голубиной (глубиной) книгой”, — ну и еще поглядим, что и как выживет и кто кого переживет» (Розанов, 1994: 356).

Впрочем, оптимизм у Розанова очень быстро начал окрашиваться в цвета настоженности. Это прежде всего заметно в его оценках свершившейся революции, как революции с явным социалистическим оттенком: «Я очень соглашаюсь, что ошибался всю жизнь, не обращая особенного внимания на социалистов и социализм. Но не впадает ли он тоже в мой грех, не обращая внимания, с другой стороны, — на вековой быт народа, тысячелетнюю историю его и, например, на Нестеровских угодников, с прозрачными руками и прозрачными лицами? Не большая беда, если будет стоять дурак с одной стороны, например, но что будет, если будут с обеих сторон стоять два дурака, один не понимая другого, каждый отрицая каждого? Тут получается “тьма, умноженная на тьму”, т. е. полная тьма. Получится разрыв истории, ее уничтожение... Но если покажутся острые углы отовсюду, если вы будете объяснять народу, что “цивилизация есть социализм”, что “цивилизация есть марксизм”, даже без “бани” и гигиены, без песни, радости и шутки, то я вам скажу: — Вы смотрите на народ, как на дикаря, как на пассивный этнографический материал в своих руках, для проведения в нем плана новых теоретических построений. И тогда я боюсь, что через небольшое время он поднимет новую революцию против вас, за отстаивание свободы, ибо он не захочет марксистской “кутузки”, как не вынес штюрмерской и вообще “правлящих сфер”. Вот, гг. социалисты, вы с этим и подождите рваться в “правлящие сферы”. Это вам зарок и на завтра, и на послезавтра» (Там же: 346, 347).

Сходную смесь осторожного скепсиса и явного оптимизма Василий Васильевич проявил во всех своих обширных заметках про Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. При написании этого текста автор использовал уже отработанные стиль и приемы, применявшиеся им в обзорах деятельности Государственных Дум разных созывов (например, “В Таврическом дворце” 1906 г.). Но все же есть и заметные отличия — Розанов прекрасно ощутил отсутствие императорской власти, ранее стоявший над думским безрассудством и возможной безответственностью. Теперь этого не стало, и писатель исключительно уповает на вполне утопическую мудрость народа, которая должна помешать Временному правительству или Совету депутатов завести Россию в пропасть: «У народа и трудовиков нет праздных слов, и это есть просто результат сурового трудового быта. “Нам некогда слушать пустых речей”, и от этого они не произносятся. Нет речи, на которую нет слушателя, как не рождается книга, на которую

нет читателя. И вот зал, весь огромный зал, как-то слился в одно слушанье и внимание и говор о нуждах “сейчас” с заботой о России. Я перекрестился (внутренне): “слава Богу”. А потом одумался: да чего же я дивлюсь. Ведь это — государственный народ, ведь он работает историческую работу. Как же тут ждать легкомыслия. Этого, даже и теоретически рассуждая, невозможно ждать. Прежде “правительство заботилось о народе”: чего же ему было не запивать, не гулять и не забавничать. Теперь народ сам правит себя: как же ему не трезветь, как не держать всякое дело грозно, в страхе и ответственности. Думается, самый “контроль над Временным Правительством” имеет этот филологический смысл: “Мотри, не зевай. Держи ухо остро”. Но не имеет никакого подлого, фискального, прокурорского оттенка. Это было бы не по-республикански, во-первых, и уже слишком отвратительно — не по-русски. Я думаю, поэтому Совет Рабочих и Солдатских Депутатов — за возможными, конечно, единичными эксцессами в сторону (речь Стеклова) — в общем, однако, есть не возбуждающая, а тоже успокаивающая волна, именно — устроительная волна. И солдаты, и рабочие, получив в руки власть, хотят строить, и, пожалуй, тем больше, чем у них больше власти» (Там же: 352–353).

Надежды эти были слабы и утопичны, но никакой другой опоры для своего оптимизма Розанов уже не находил. Его упования строились на привычном понимании России, которое он выразил в статье «Что такое народ теперь»: «Не боюсь я Карла Маркса, не боюсь я социализма — с русским народом бояться нечего. Русский народ и при безграмотности или малой грамотности есть уже культура, ибо культура — не в книжках, а в башке. Культура — в совести, душе, правде и Боге» (Там же: 355). В другом месте он даже замечал: «Мысль моя заключается в той очевидности, что революция наша идет не только не изменнее, но она идет гораздо чище и лучше, нежели шла целых шестьдесят лет теория революции» (Там же: 392).

Однако реальные события от апреля к июлю вызвали у писателя не только все большее угасание надежд, но и прямые приливы пессимизма. Он начал выделять все более темные примеры в революционной повседневности, хотя еще и не впадал в окончательное отчаяние: «Перед Россией надвигается такой колоссальный экономический крах, такой уже не годичный, вековой голод, при котором ей останется, как Турции и Персии, распродавать или отдавать в эксплуатацию иностранным правительствам свои казенные железные дороги, свои минералы, свое вообще все государственное имущество. Вместо прогресса и расцвета политического и экономического Россия стоит на очереди сделаться для Европы 4-м Китаем после Турции, Персии и после азиатского Китая. Т.е. Россия, как и провозгласили один за другим выходящие из состава члены Временного Правительства, — стоит накануне падения... Напротив, если не слепо рассуждать, а последовательно вести свою линию до конца — то с марксизмом, социал-демократией, с отбором фабрик от фабрикантов и мастерских от мастеров и передачею всего этого в руки рабочих, которым и лень работать больше 8-ми часов, да и рассчитывать они не привыкли и бесталанны, и наконец, у них и средств на производство нет, и умственно и технически они совершенно ни к чему подобному не приспособлены конечно это значит превратить уже не города отдельные, а каждую хижину в городе в развалины» (Там же: 383, 384).

Любопытно, что почти параллельно Розанов создавал текстуальные заметки, впоследствии составившие часть «Апокалипсиса нашего времени». Хотя в них еще нет отражения действительности в виде событий конечных, событий эсхатологических, а перебиваются уже поднадоевшие тезисы об аскетическом христианстве, в котором якобы заключены все проблемы человечества, показателен поворот мысли Василия Васильевича. Заметно, что к середине 1917 г. его подсознательно терзают настроения, в которых русская революция предстает не просто политическим переворотом, который может оказаться в чем-то и благодетельным, а знаковым событием конца времен.

Во всяком случае, подобные умонастроения явно прорываются в финальных статьях сборника «Черный огонь» (в том числе и в тех, что успели выйти в «Новом времени»). Розанов там писал: «После ночи анархии — два святых шага вперед. Один — решение низвергнуть власть и риск головой. Другой шаг — диктатура Временного Правительства. Вот что нужно было сделать. Моментально нужно было предупредить двоевластие или многовластие. Ничего подобного. Кадеты, занявшие пост министров, всегда были говорливы и бездельны. Они утонули в резолюциях, воззваниях и прочих речах, тогда как нужно было решение и моментальное же дело» (Там же: 397). В революционных событиях писатель все чаще замечал не слабые ростки созидательной деятельности, а признаки анархической стихии, все шире и шире разливавшейся по стране: «Вообще революция уже на другое утро после совершения пошла не по моральному пути. И вот это-то ее и губит. Это открывает вечность и моральных, и правовых, и логических законов. Они, эти законы, сильнее штыков и пуль. Но в эпоху, когда все свелось к обсуждению только политико-экономических законов, только одного марксизма, заработной платы и борьбы классов, никто не вспомнил о вечной морали, о добром поведении, о святости поступка, о героическом. И вот на этой-то болотной почве мы и проваливаемся. Принцип анархии, совершенно допустимый и необходимый для спасения жизни, для спасения самого бытия, заключается в том, что никогда и ни под каким видом, ни под каким давлением и необходимостью, ни по какому предлогу, не может быть совершен второй анархический поступок... Поэтому право на революцию заключается в том, чтобы после революции революция была моментально кончена. У нас произошло именно это. Народная государственная, национальная жизнь, спасение коей было темой революции, выскользнула из нее. Мы впали в русскую мечтательность, в русскую бездельность. Совершенно забыв, что за сегодняшним днем следует еще очень много дней, что за годом революции еще открывается целая русская история, мы в один год и даже всего в два месяца столпили все вопросы бытия своего, начав пуговицами, которые солдату, как освободителю от тирании, можно отныне и не застегивать, и кончая призывом всех народов к совершению у себя по нашему образцу тоже революций, да еще каких — социал-демократических. И задохлись в этом множестве дел, хлопот, забот, в этой всемерной тяге, которую приняли на себя. Русского дела мы не исполнили. Но и всемирного дела мы, конечно, тоже не исполним. Мы просто, по русской сказке, вернемся к старому корыту» (Там же: 398).

И, наконец, в статьях, которые писались во время летнего кризиса 1917 года, начали прорываться настоящее отчаяние и испуг.

Неожиданно заметной фигурой в одной из статей становится Ленин: «Ленин отрицает Россию. Он не только отрицает русскую республику, но и самую Россию. И народа он не признает. А признает одни классы и сословия, и сманивает всех русских людей возвратиться просто к своим сословным интересам, выгодам. Народа он не видит и не хочет» (Там же: 405). «Ленин обращает Россию в дикое состояние. Он очень хитер и идет против народа, хотя кричит, что стоит за народ. В его хитрости и наглom вранье надо разобраться. Должны разобраться, что он отнимает всякую честь у России и всякое достоинство у русских людей, смешивая их с животными и будущими рабами Германии» (Там же).

И мрачная неприязнь Розанова ко всему кругом, а особенно — к русскому народу, становится все заметней. И уж совсем неприкрыто она выплескивается в статье «Как начала гноиться наша революция».

Здесь мыслитель впал в осуждение всей российской действительности середины 1917 года: «С приездом Ленина начался явный переворот в революции. Прошли ее ясные дни. Вдруг повеяло вонью, разложением. До тех пор было все ясно, твердо, прямо... Это так же, как происходит в организме “заражение крови”, если рана “загрязне-

на”. Закон один и тот же для органических и для политических тел: они погибают, если рана начинает гноиться. Организм нашей революции загноился» (Там же: 403).

Среди опубликованных статей Розанова, которые планировалось включить в сборник «Черный огонь», одной из последних была «Запоздалое горе». Эта статья даже успела появиться на страницах периодической печати — она была издана 10 августа в «Новом времени». И здесь неприязнь и к революции, и к ее последствиям продемонстрирована явственно, и даже начали звучать апокалиптические нотки: «И окаянное слово, гениальное гоголевское слово стояло за спиной простоватых русских мужичков (“народников”): “Ступайте в огонь неугасимый, Иуды, продавшие свое отечество за чечевичную похлебку заграничной похвалы. Отечество всегда обманывалось в вас, а мне вы более не нужны. Я взяла от вас все, рабы, — взяла и выжала; и теперь обращаю в свинной навоз страну, о каковой и всегда видела, что это просто свинной навоз, а не какая-нибудь культура. Культуру делают не такие люди. Ее делают чистые сердцем Лютеры и мудрые, осторожные Гете. А у вас было только одно болото вашей ругающейся литературы, в которой лучшее произведение целомудренные “Записки сумасшедшего”»» (Там же: 409).

В дальнейшем же судьбу революции 1917 года Розанов рассматривал в текстах, вошедших в «Апокалипсис нашего времени», — как в изданные выпуски, выходявшие с ноября 1917 г., так и в оставшиеся неопубликованными заметки и дополнения.

Эта подборка записей, составлявшихся уже после октябрьского переворота, полна финального пессимизма и в отношении христианства, и в отношении будущего России, и в отношении русского народа. Почему-то Розанов в каком-то странном ослеплении винит в случившемся не революционеров, не конкретных деятелей Февральской революции или большевистской партии. Нет, у него виновным во всем случившемся оказывается русский народ, а на всем будущем России ставится огромный жирный крест: «Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три. Даже “Новое Время” нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных. И собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая “Великого переселения народов”. Там была — эпоха, “два или три века”. Здесь — три дня, кажется даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом — буквально ничего» (Розанов, 2000а: 6–7); «Смерть, могила для 1/6 части земной суши. “Простое этнографическое существование для бывшего Русского Царства и империи”, о котором уже поговаривают, читают лекции, о котором могут думать, с которым, в сущности, мирятся. Какие-то “полабские славяне”, в которых преобразуется бывшая Русь» (Там же: 8); «Буквально, Бог плюнул и задул свечку... Да это и не Бог, а... шла пьяная баба, спотыкнулась и растянулась. Глупо. Мерзко. “Ты нам трагедий не играй, а подавай водевиль”» (Там же: 10).

Думаю, не нужно говорить, насколько ошибся писатель. Он начертил эти строки в 1917 г., а впереди была масса событий, доказавших чудовищную волю русского народа как в сопротивлении, так и в созидании; русское православие доказало свою способность выживать при самых жесточайших гонениях, а история России продолжилась в настолько странном и удивительном масштабе, как трагическом, так и героическом, что это не снилось ни одному якобы пророку Серебряного века.

«Апокалипсис нашего времени» оказался философским и аналитическим провалом Розанова. Да во многом это был провал и художественный, так как ничего нового не было в этом сочинении. По форме — это «Опавшие листья», по содержанию — перепев «Темного лика» с проклятиями в адрес русского народа.

Этот текст — всего лишь вопли человека, которому «надавило шкафом». Так даже называется одна из главок «Апокалипсиса нашего времени», вошедшая в выпуск

8–9. Там нет ни проникновения в суть происходящих событий, ни даже их адекватного восприятия. Оторванный от жизни, запрятавшийся в Сергиевом Посаде, тяжело больной Розанов думал, что хоть как-то осмысливает русскую трагедию, прозревает ее как апокалиптические события, за которыми должен последовать не только крах Руси, но и крах всего христианства, крах человечества. И глубоко-глубоко ошибался.

При этом, под влиянием одного момента, под воздействием настроения или даже физического состояния, он давал абсолютно разные «пророчества» о будущем России, высказывал диаметрально противоположное к ней отношение. Неумение остановиться, выбрать хоть какую-то постоянную направленность мысли, не под влиянием сиюминутных ощущений, дошли под конец жизни у писателя до апофеоза.

Розанов выдает сначала одно «предсказание» будущего, один социальный «диагноз», полный ненависти и презрения к России и русским в статье «Наше словесное величие и деловая малость»: «...что мы вообще неблагодарный и грубый народ, что мы из чужих-то народов никого не уважаем и не любим, а лишь ими “пользуемся”, их “эксплуатируем”, около них наживаемся и разживаемся, оставаясь плоско равнодушными к их достоинству, чести и величию. Косная, холодная, приполюсная, мерзлая земля, никому от нас воистину “ни тепло, ни холодно”: и вот в результате эта мерзлая земля и разлезлась по всем швам, как ледник и погреб, около которого развалился его сруб, его деревянная вонючая пристройка. Кому, какому народу было “тепло от Руси”? Кто согрелся в этом погребе? Кого приветила Русь? От армян до красивых грузин, наконец, даже уже своих родных хохлов, так доверчиво “предавшихся Руси”, до родных же поляков, мы всех замучили и обманули, всех разорили великим разором, всех презирали, чванясь “своею государственностью”, от которой вдруг полетели одни осколки, и оказалось, что “ничего — нет”. Эта грубость и пошлость “государственного бытия” — она именно и отразилась раньше всего на “государственном же бытии”. Тут тебе — и кол. Тут тебе — и смерть» (Розанов, 2008: 547). (Это, между прочим, была вообще последняя из опубликованных при жизни Розанова статей). А в то же время чуть позже он напишет знаменитые строки в письме к Э. Голлербаху: «ДО КАКОГО ПРЕДЕЛА МЫ ДОЛЖНЫ ЛЮБИТЬ РОССИЮ... до истязания; до истязания самой души своей. Мы должны любить ее до “наоборот нашему мнению”, “убеждению”, голове» (Розанов, 2004: 384).

Павел Флоренский утверждал, что одними из последних слов Розанова были «Как я был глуп, как я не понимал Христа» (письмо М.В. Нестерову — В.В. Розанов, 1995: 257). В меньшей степени, но мыслитель также не понимал Россию, русских и революцию. Хотя больше всего он не понимал самого себя, не верил, что его первое, инстинктивное побуждение — самое правильное. И поэтому, начав с отрицания революции и краха монархии в 1917 г., Розанов, кидаясь из крайности в крайность, дошел до полнейшего отрицания всей исторической судьбы России, ее прошлого и возможного будущего. Он хотел верить в русский народ, но не мог. Хотел верить в Бога, но уже не получалось. (Ни в какого Бога — ни в Христа, ни в созданный самим Розановым пантеистический конструкт). После этого оставалось только умереть.

И Розанов умер 23 января 1919 г., не застав еще более жутких пароксизмов гражданской войны и дальнейшего укрепления коммунистического режима. Пожалуй, в этом даже проявилось благоволение Бога к писателю — при неустойчивом характере Василия Васильевича, проживи он чуть побольше, обязательно бы втравился в омерзительную «обновленческую» авантюру, опозорившись и осрамившись. А так он ушел в мир иной, оставив подборку текстов о революции, в которой, как и во всем наследии Розанова, есть и удивительные прозрения, и просто нелепейшие глупости, парадоксальнейшим образом высказанные с одинаковой силой и талантом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- В.В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей. Кн. 1. СПб., 1995.
- Мережковский Д.С . Царство антихриста. М., 2017.
- Розанов В.В. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1990.
- Розанов В.В. Мимолетное. М., 1994.
- Розанов В.В. Когда начальство ушло. М., 1997.
- Розанов В.В. Сахарна. М., 1998.
- Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М., 2000 (а).
- Розанов В.В. Последние листья. М., 2000 (б).
- Розанов В.В. В нашей смуте. М., 2004.
- Розанов В.В. В чаду войны. М.–СПб., 2008.
- Розанов В.В. Литературные изгнанники. Книга вторая. М., 2010.

РУССКИЙ ИНЖЕНЕР, ОДИН ИЗ «ПРОМПАРТИИ»: А. А. ФЕДОТОВ

Советский трибунал судил русское инженерство. Это было в 1930 г. и называлось «дело Промпартии». Обвиняемые — восемь инженеров разных отраслей, выпускники одного из лучших в царской России Императорского московского технического училища. Каждый из них не сам за себя, в тот момент они — олицетворение дореволюционной технической школы, всего инженерного корпуса старой выучки, обеспечившего России в начале XX в. высочайшие темпы промышленного роста. За фасадом официальных обвинений в вымышленном вредительстве и подготовке интервенции скрывалась совсем иная вина: слишком вольно стали вести себя «спецы», спорят с партийными указаниями, отказываются их исполнять, демонстрируя превосходство своих знаний, критикуют планы, методы и темпы социалистической индустриализации, мечтают о государстве технократов, забыв, что на дворе «диктатура пролетариата»...

Судьбы некоторых из этой восьмерки известны довольно подробно. Биографии других исчерпываются несколькими строчками в публикациях, посвященных «делу Промпартии». Вот профессор А.А. Федотов — самый старший из «промпартийцев». Инженер-текстильщик, которого ОГПУ рассматривало на роль вожака «Промпартии» как самую подходящую фигуру, пока старика не отодвинул на второй план харизматичный профессор Рамзин. Один из подсудимых сказал о Федотове: «идеолог, человек с широким образованием, всесторонним и не только экономическим, и пользуется весьма большим авторитетом». Прокурор Крыленко писал картину маслом широкими мазками: «Мы здесь встретились с привычной фигурой российского интеллигента-профессора, постоянного члена кадетской партии с начала ее образования... человека, имевшего в своем прошлом и некоторые акты политической деятельности, которые в этой профессорской среде весьма высоко котировались...» (Процесс «Промпартии», 1931: 383) Но после суда и приговора Федотов оказался за бортом истории. Его деятельность до 1917 г. почти неведома историкам, а после 1930-го его по-быстрому «похоронили», хотя он жил и работал под надзором ОГПУ–НКВД еще десять лет.

Для русской интеллигенции, не только технической, Федотов был типичен. Типичен во всем: и как инженер, ставший управленцем у одного из крупнейших фабрикантов, и как член партии кадетов, либерал, сперва накликавший революцию, а затем ставший ее жертвой, и как публицист газеты «Русские ведомости», обличавший с этой трибуны отечественные порядки, и как «буржуазный спец», работавший на «диктатуру пролетариата», но надеявшийся на эволюционное перерождение советской власти. Типична и его «профессорская» внешность — борода, пенсне (в советское время очки).

Типичных людей история не запоминает, она к ним равнодушна, хотя их судьбы как кирпичики складывают ее здание. Тем интереснее вытаскивать их из небытия, принося их усилия взлететь над типичным течением жизни и результаты этих усилий, дававшие то, что ныне называется «человек, сделавший себя» — честно и по максимуму благодаря собственным дарованиям воспользовавшийся социальными лифтами своего времени. В случае профессора Федотова даже двух разных времен, двух весьма непохожих эпох.

Канва его биографии — стенографированный рассказ о себе на суде в 1930 г. Кроме того, что рассказ не полон и отрывочен, специфика советского права вынуждала подсудимого ретушировать свою жизнь до революции, подгонять факты биографии под идеологические установки власти. Восполнить пробелы, снять завесу маскировки, «нарастить мясо» на костях скупой справки помогает ряд других источников. Архивные: ЦГА Москвы, фонды 342 (Никольская мануфактура Морозовых) и 372 (Импера-

торское московское техническое училище). Документальные: отчеты Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности, публикации документов по делу «Тактического центра» и процесса «Промпартии». Мемуарные: воспоминания М.В. Сабашникова, Н.В. Вольского. Справочные: дореволюционные статистические сборники по акционерным предприятиям России. Краеведческие: статьи сотрудников орехово-зуевского краеведческого музея, работы клинцовских краеведов П.М. Храмченко и Р.И. Перекрестова. Источники личного происхождения: записки о Федотовых, составленные Р.И. Перекрестовым по воспоминаниям племянницы профессора И.Н. Федотовой, и личная переписка автора этих строк с внучатым племянником А.А. Федотова — доктором физико-математических наук Ю.В. Мартыненко (Курчатовский институт), в чьей семье хранится «федотовский архив» — некоторые документы, фотографии.

В последнем слове на процессе «Промпартии» Александр Александрович Федотов сказал: «Я мог гордиться своей прожитой жизнью». Дед его был крестьянин. Отец — киевский мещанин. Внук и сын поднялся на высоту, для предков недостижимую. Большую часть жизни он прожил в императорской России. К 1917 году, водоразделу эпох, он входил в состав правлений нескольких акционерных компаний и газеты «Русские ведомости», неофициально состоял в ЦК партии кадетов, был известен в России и за границей как публицист, эксперт по рабочему вопросу, имел репутацию одного из крупнейших специалистов в мануфактурной промышленности и владел имением под Москвой.

Его отец Александр Михайлович Федотов женился на обрусевшей, принявшей православие немке Эмилии Карловне Песслер и в 1865 г. обосновался в посаде Клиницы Суражского уезда Черниговской губернии (ныне город в Брянской области). Супруга с детства жила в России и натуру имела совершенно русскую — гостеприимно-хлебосольную, беспечную. Она была дочерью специалиста-текстильщика — в те годы немцев-техников во множестве приглашали на свои производства клинцовские фабриканты. Посад, основанный старообрядцами, слыл текстильным центром — «Манчестером Черниговской губернии», купцы его были своими людьми в Москве. У одного из фабрикантов стал служить счетоводом-бухгалтером А.М. Федотов. Завел свой дом в конце главной улицы посада и начал обрастать детьми. Но первенец Александр родился еще до Клинцов, 12 марта 1864 г. Семья была многодетной: четыре сына и дочь. Два средних брата, Виктор и Николай, в будущем оставят глубокий след в истории Клинцов.

На учебу Федотов-отец определял сыновей в семиклассное реальное училище соседнего города Новозыбкова. Старший сын, помимо учебы, с 13 лет начал сам давать уроки. Этим заработком, как он утверждал на суде в 1930 г., было оплачено высшее образование. На самом деле в Императорское московское техническое училище в 1881 г. он поступил в качестве «казеннокоштного воспитанника». Невинная ложь была формой самозащиты, идейной мимикрии обвиняемого профессора Федотова: он подстраивался под вкусы «рабоче-крестьянской» власти, симпатизировавшей лишь тем, кто сызмальства вел нелегкую борьбу за кусок хлеба и получение знаний. Бесплатное образование для малоимущих в эту идеологическую картину не вписывалось.

После шести лет учебы «при отличных успехах в науках» Александр Федотов получил аттестат на звание инженера-механика и право ношения на груди высочайше утвержденного знака отличия. Кроме того, выпускники ИМТУ, с отличием окончившие полный курс, причислялись к сословию личных почетных граждан и пользовались «всеми правами, этому званию предоставленными» — если не принадлежали к высшему сословию. Впоследствии они могли ходатайствовать о присвоении им потомствен-

ного почетного гражданства, если «успешно занимались не менее десяти лет управлением фабрик или заводов или же исполняли обязанности технических инженеров» (Устав ИМТУ 1868 г.). Но на рубеже XIX—XX столетий сословие почетных граждан, учрежденное при Николае I, было уже довольно обширным и практически не давало социальных привилегий. Наш герой предпочитал престижное звание инженера-механика любому почетному гражданству. Вплоть до 1917 г. в справочниках «Вся Москва» он записан именно как инженер.

В 1887 г. 23-летний инженер-механик Федотов устроился на один из заводов промышленника М.Н. Журавлева в Рыбинске. Аттестат ИМТУ открывал для его обладателя широкое поле деятельности: инженеры «имеют право возводить фабричные и заводские здания с их принадлежностями и жилые помещения», а также производить работы, связанные с дорожным строительством, занимать должности в Министерстве путей сообщения, преподавать в реальных и технических училищах (Устав ИМТУ). Но, видимо, память о клинцовских текстильных фабриках повлекла новоиспеченного инженера на мануфактурную стезю. Тем более что текстильное производство было тогда флагманом российской промышленности. Дело сулило перспективы, и в конце 1880-х Федотов оказывается на Никольской мануфактуре «Саввы Морозова сын и К^о» в Орехово-Зуеве под Москвой.

Эта ветвь текстильных магнатов Морозовых еще с 1870-х гг. завязывала тесные связи с ИМТУ и его выпускниками. Тимофей Саввич и Савва Тимофеевич одними из первых, если не первые в мануфактурной промышленности начали приглашать к себе на фабрики русских инженеров взамен англичан и немцев. Для обучения своих инженеров в Англии специфике текстильного производства Т.С. Морозов учредил стипендии.

Федотов, что называется, «попал в струю». За семь лет он поднялся от помощника механика до директора бумагопрядильной фабрики. В 1891 г. на морозовскую стипендию он отправился в Британию, для чего срочно понадобилось выучить английский. Имея лингвистические способности, он усвоил этот язык в совершенстве — читал на нем техническую литературу, позднее выучил итальянский, а немецким свободно владел с детства. За год, проведенный в Англии, Федотов закончил Манчестерскую ткацкую школу, побывал на множестве текстильных фабрик, наблюдая производство и общаясь со специалистами.

Еще в 1890 г. он стал действительным членом новоучрежденного Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности (далее ОСУРМП) — вероятно, по рекомендации Саввы Морозова, члена Совета Общества. Общество ставило целью внедрение научных знаний и технических достижений в текстильную промышленность. Инженер Федотов на протяжении всех лет существования Общества (до 1917 г.) был его активнейшим сотрудником. Научная деятельность, помимо практической, увлекла его. Свои статьи он начал публиковать с 1890 г. в «Техническом сборнике и вестнике промышленности». Читал доклады в ОСУРМП, составлял отчеты по тематическим «беседам» в Обществе, присутствовал, когда мог, на годичных собраниях. Два его доклада напечатаны на средства Общества отдельными книжками: «Последние усовершенствования в чесальных машинах: чесальные машины Ашворта» (1893) и «Гребнечесальные машины Гейльмана в бумагопрядильном производстве» (1895). Уже признанным авторитетом в текстильной области Федотов избирался непременным членом Прядильно-ткацкой группы Общества, а внутри Группы — в Комиссию, созданную в 1912 г. в связи с готовившимся торговым договором России и Германии. Комиссия рассматривала вопросы о таможенных ставках на текстильное оборудование, пошлинах, ценах на хлопок и пр.

После 1905 г. Мануфактурное общество собиралось на заседания в доме Политехнического общества в Малом Харитоньевском переулке. Действительным членом последнего Федотов также стал через пару лет после окончания ИМТУ. Оно объединяло выпускников училища, оказывало им разнообразное содействие, вело научную работу, издавало «Вестник Политехнического общества», где выступал со статьями и наш герой.

По-видимому, его вообще тянуло к перу. Из Англии он посылал родне в Клинцы письма с почти литературными зарисовками типажей британских обывателей разных сословий. А в тюрьме в 1930 г. сочинял стихи...

Председателем ОСУРМП в 1890-х гг. был фабрикант С.И. Прохоров, владелец Прохоровской Трехгорной мануфактуры. Вероятно, на заседаниях Общества он приметил дельного инженера — да и переманил его к себе. С мая 1896 г. в должности директора бумагопрядильной фабрики Федотов строил и оснащал оборудованием эту самую фабрику на Трехгорке.

Летом того года в Нижнем Новгороде с большим размахом была организована художественно-промышленная выставка — крупнейший за все годы существования подобных выставок смотр достижений отечественной промышленности. Федотов принял в мероприятиях выставки деятельное участие. По итогам ее под эгидой Министерства финансов вышло несколько книг о производительных силах России. При подготовке сборника «Успехи русской промышленности по обзорам экспертных комиссий» (1897 г., редакционное вступление Д.И. Менделеева) Федотов как эксперт стал одним из авторов главы «Обзор производства хлопчатобумажных изделий». Свой справочник выпустило и Общество СУРМП: «Общий обзор мануфактурной промышленности», Федотов был в числе трех его авторов-составителей.

По высочайшему повелению при выставке проводился Торгово-промышленный съезд, обсуждавший разнообразные вопросы. В рамках съезда работали несколько секций. Представитель Трехгорной мануфактуры Федотов записался в Отдел профессионально-технического образования. Участвуя в прениях, отстаивал необходимость замены иностранных инженеров в России русскими и глубокого, всестороннего образования для отечественных техников. По его предложению голосовалась и была принята резолюция: «Весьма желательно учреждение стипендий для посылки за границу окончивших курс техников для изучения постановки дела на заграничных заводах и для приобретения практической опытности» (Труды Торгово-промышленного съезда, 1897. С. 73).

О выступлении на этих прениях Федотов вспоминал на суде в 1930 г. Следуя избранный им форме самозащиты, он выцепил один из фрагментов своей тогдашней речи и откорректировал его в соответствии с идейными приоритетами большевизма: «На всероссийской выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г., — я был молодой человек тогда, — я выступал с указанием на то, что инженеры должны учиться у рабочих, что только инженер, который с рабочими близок, только такой инженер станет настоящим знатоком своего дела» (Процесс «Промпартии», 1931: 512). В реальности эта небольшая часть выступления молодого директора имела немного иной посыл: психологический, а не классовый. Он говорил о том, что неопытному инженеру вовсе не зазорно спрашивать у рабочих подробности конкретного производства, какие-то детали. «В большинстве моих товарищей и во мне самом я не замечал, чтобы было такое болезненно развитое самолюбие, чтобы приходилось стесняться спросить у рабочего совета... И теперь, когда я уже достаточно поработал, я еще с удовольствием спрашиваю у рабочего совета и никогда (находясь в начальственном отношении к нему) не замечал, чтобы мои вопросы вызывали насмешки с его стороны. Наоборот. Всегда рабочий зна-

ет, что общее понимание дела остается за руководителем...» (Труды Торгово-промышленного съезда, 1897: 23)

Весной 1897 г., достроив фабрику на Трехгорке, Федотов вернулся в Орехово-Зуево на аналогичную должность — директора бумагопрядильной фабрики (БПФ). Что стало причиной — большее ли жалование, предложенное Саввой Морозовым, честолюбие ли — Никольская мануфактура была крупнейшим в России текстильным комплексом — Бог весть. Директорское жалование ему положили действительно немалое: в первый год — 8 тыс. руб., на следующий — уже 11 тыс. в год. К моменту своего ухода с Никольской мануфактуры в 1905 г. Федотов получал 25 тыс. в год (зарплата министра составляла немногим меньше). Очевидно, С.Т. Морозов ценил его. Видимо, если бы не гибель Саввы Тимофеевича, Федотов продолжал бы работать у него — их взгляды на политическую и экономическую реальность сходились, как и мысли относительно рабочего вопроса.

Все-таки отношение Федотова к российскому пролетариату выделяет его из среды инженеров того времени — обычно индифферентных и к политике, и к рабочему, целиком погруженных в свое дело. В Англии он наблюдал иное положение пролетариата, умственно и культурно более развитого и потому дающего большую производительность труда. Русский рабочий вызывал у нашего героя сочувствие и желание добиться улучшения его жизни, условий труда. Еще в 1895 г. в книжке сугубо технического характера («Гребнечесальные машины...») Федотов замечал: «Физическая ловкость, ясное понимание работы, сознание своей ответственности — вот требования, предъявляемые к современному рабочему. Их нельзя ожидать от рабочего, плохо питающегося, неразвитого и не имеющего никаких умственных потребностей. Нужно, следовательно, поднять уровень рабочего, улучшить его быт, уменьшить продолжительность рабочего дня... Лучший рабочий повысит производительность машин...» В конечном итоге положительное решение рабочего вопроса должно было благотворно сказаться на российской экономике, повысить конкурентность отечественной промышленности на мировом рынке. Директор морозовской фабрики мыслил широкими категориями. Он читал иностранную экономическую литературу, изучал рабочее законодательство других государств, особенно Англии и Австралии.

В 1890-х гг. орехово-зуевские фабриканты обустроили для своих рабочих парк «Народное гуляние господ Морозовых» с летним театром и прочими развлечениями. По должности или по душевной склонности в комиссию «Народного гуляния» вошел директор БПФ Федотов. Члены комиссии разрабатывали программы увеселительных мероприятий для культурного отдыха рабочих.

В год выпуска инженера Федотова из ИМТУ туда же с его помощью поступил младший брат Николай. Всю жизнь старший будет помогать братьям и сестре. После окончания училища Николай какое-то время жил с ним в Орехово-Зуеве, вероятно, получая опыт литейно-механического производства на морозовской мануфактуре. В Клинцах он в те годы основал собственную мастерскую, быстро ставшую чугунолитейным и механическим заводом. В предприятие вложились трое братьев Федотовых, в том числе старший, а более-менее солидное производство завод развернул именно благодаря Александру. Тот, будучи директором БПФ, размещал у брата в Клинцах заказы на оборудование и детали для машин морозовской фабрики. В 1900 г. продукция «Торгового дома Н.А. Федотов и К^о» получила медаль на Парижской выставке.

Средний брат Виктор также получил профессию благодаря участию старшего — окончил в Москве бухгалтерские курсы у какого-то известного специалиста. В Клинцах в 1903 г. его избрали городским головой; в дальнейшем при поддержке местных кадетов он переизбирался на эту должность 12 лет. Своим бухгалтерским подходом он привел в порядок и пополнил местные финансы и развернул широкое строительство. Посад

обзавелся многими красивейшими общественными зданиями в стиле модерн, превратился в благоустроенный город. Память о городском голове Викторе Александровиче Федотове в Клинцах чтут доныне, его портрет, написанный современным художником, висит в Центральном доме культуры.

Виктор и Николай Федотовы избирались гласными городской думы, вместе со своими женами входили в руководство благотворительного Общества пособия бедным. Дела благотворительности, в том числе церковной, вообще были близки Федотовым. В 1900 г. черниговское епархиальное начальство печатно объявило благодарность лицам, внесшим свою трудовую и финансовую лепту в обновление клинцовского Петропавловского храма. В числе этих лиц значится «семейство мещанина А.М. Федотова». Николай, помимо всего прочего, заведовал первой клинцовой библиотекой имени А.С. Пушкина. А его сестра Ольга, получив профессию домашней учительницы, основала в посаде частное училище для девочек и несколько лет его возглавляла. Четвертый брат, Валериан Федотов, тоже преподавал — в гимназии Бежицы.

Время от времени родители и братья ездили в гости к Александру Александровичу. В 1903 г. он купил имение в 200 десятин с усадьбой в Верейском уезде, при сельце Большие Семёнычи, на реке Наре, у Нарских прудов, доныне излюбленных рыбаками и охотниками. Туда и съезжалась родня. На память фотографировались в Москве, в салоне на Петровке у знаменитого Франца Опитца, чьи работы А.П. Чехов считал лучшими. У Опитца делали свои портреты представители царствующей династии, министры, писатели, художники...

В конце 1890-х А.А. Федотов взял в жены Любовь Александровну Гетье (1859—1940). Есть основания полагать, что своим уходом к Прохорову на Трехгорку в 1896 г. он разорвал отношения с первой женой. Уехав из Орехова-Зуева, она жила с детьми в соседнем Богородском уезде, при Богородско-Глуховской мануфактуре Морозовых¹.

Л.А. Гетье была дворянкой во втором поколении: звание жаловано ее отцу, московскому лекарю. Ее братья в будущем приобрели известность. Инженер-механик Александр Александрович Гетье, сокурсник А.А. Федотова, служил главным конструктором на заводе Густава Листа (в советское время — главным инженером того же машиностроительного завода «Борец»), был профессором родного МВТУ им. Баумана (бывшего ИМТУ); о нем в 1980-х гг. похвально отзывался в печати П.Л. Капица. Но более знаменит Федор Александрович Гетье — первый главврач Солдатёнковской (Боткинской) больницы и кремлевский доктор, лечивший многих советских вождей, включая Ленина, Свердлова, Троцкого, Дзержинского и пр. О его сыне, известном в раннем СССР тренере по боксу и альпинисте, участнике первого восхождения на высочайшую гору страны (пик Сталина), будет еще сказано ниже.

В этом браке у Федотова был лишь один приемный сын, тоже Александр, а кроме того супруги брали в дом на воспитание девочек-сирот.

Революционный 1905 год перевернул жизнь инженера с задатками общественного деятеля. Весь этот год ему пришлось наблюдать стачки и стычки на фабриках, иметь дело с многочисленными требованиями рабочих, пытаться направлять конфликты в мирное русло переговоров и взаимных уступок. Началось в феврале. Толпа рабочих, собравшись у Главной конторы, требовала хозяина. Вместо отсутствовавшего Саввы Тимофеевича вышел директор БПФ. Агрессивно настроенные рабочие встретили его свистом и камнями, но только разбили лицо ткачу, оказавшемуся рядом с Федотовым.

С.Т. Морозов сделал все, чтобы погасить недовольство своих рабочих. Весной он реорганизовал и схему администрирования на мануфактуре. Новым, исполнительно-

---

¹ Родственная связь богородской ветви с А. А. Федотовым была полностью утрачена. Автору этих строк лишь недавно удалось идентифицировать его как своего прапрадеда.

совещательным органом управления стал учрежденный им Совет заведующих фабриками, чьи решения и предложения утверждались Правлением мануфактуры в Москве. В протоколе первого заседания Совета заведующих 3 мая 1905 г. перечисление нескольких его членов начинается с директора БПФ Федотова (ЦГА Москвы. Ф. 342. Оп. 5. Д. 441. Л. 7).

В том же архивном деле подшиты несколько докладных записок Федотова, адресованных Правлению, где он отстаивает желательность и необходимость поднятия расценок разным группам рабочих на фабрике. Собственно, конец лета и всю осень Совету заведующих пришлось заниматься именно этими вопросами — пересмотром и повышением расценок. «Я убежден, что эту уступку придется сделать рано или поздно, и думаю, что лучше ее сделать теперь, пока они ведут себя сравнительно мирно», — писал Федотов в октябрьском докладе (Там же. Л. 220).

Мир продлился недолго. В ноябре Правление частично удовлетворило многочисленные требования рабочих, но это не успокоило их. На фабриках работали агитаторы РСДРП, вооружались боевики, служащие подвергались нападениям. Наконец произошло первое столкновение рабочих-боевиков с казаками, охранявшими одну из фабрик. Итог — два убитых казака и два раненых, один погибший рабочий. Накалявшаяся день ото дня обстановка привела к настоящему бою. 1 декабря казаки полтора часа штурмовали 30-ю казарму (жилой дом), где скрывались боевики и агитаторы; те отстреливались. Погибли три человека из рабочих.

Происшествие произвело удручающее действие на часть управленцев и техников. В числе возмущенных был директор БПФ Федотов. До этого он отстаивал перед Правлением свое убеждение, что усиленная казачья охрана на фабриках не нужна, все проблемы следует решать переговорами. После случившегося свой протест, как и некоторые другие фабричные инженеры, он предъявил руководству мануфактуры в форме участия в «красных похоронах» погибших рабочих.

С декабря подпись Федотова уже не встречается в протоколах Совета заведующих. Его уход с мануфактуры был предрешен. Но был ли он уволен Правлением или подал заявление сам — установить не удалось. Однако в 1930 г. он вспоминал об этом факте «с удовлетворением»: «В то время либеральных директоров, которые рисковали своим положением, было немного, что-нибудь это стоит» (Процесс «Промпартии», 1931: 513). Вместе с ним уволились еще несколько инженеров.

Возможно, в том же декабре, когда был опубликован Закон о выборах в Государственную думу, им овладела мысль об ином поприще, на котором можно было бы заняться реальным разрешением рабочего вопроса. Зимой 1906 г. в разгар избирательной кампании в уездном Покрове с Федотовым познакомился книгоиздатель М.В. Сабашников. Сам попавший в число выборщиков по Владимирской губернии, на счет своего нового знакомого Сабашников заметил: «Представитель одной из значительнейших в России фирм, не будучи выдвинут никем в выборщики, он, видимо, чувствовал себя этим сильно задетым, но держал себя очень тактично, ничем не проявляя того чувства неловкости, которое, несомненно, испытывал» (Сабашников, 1995: 307–308). Как знать, не метил ли инженер Федотов в парламентарии?

Выборы стали триумфальными для партии конституционных демократов, к которой принадлежал Сабашников: кадеты составили в первой Думе крупнейшую фракцию. Той же зимой или весной к кадетской партии примкнул и бывший морозовский директор Федотов. Впрочем, вероятно, его могли рассматривать как своего «попутчика» и социалисты. Рабочие Никольской мануфактуры провожали его по-дружески тепло, фотографировались с директором-фрондером в своем клубе, поднесли ему благодарственный адрес. Заявились к нему тогда и два члена РСДРП, тоже с памятным адресом. Между ними мог зайти и разговор о сотрудничестве. Но Федотов выбрал кадет-

ский путь. Ему претили агрессия, непримиримость, вооруженная борьба, пропагандируемые социалистами. Позднее он так сформулировал свое кредо, апеллируя к британскому опыту: «Известно, что все резкие и преувеличенные требования социалистических партий находят мало сочувствия в английской рабочей среде, так как там рабочие уверены, что мирным, постепенным, я бы сказал — “кадетским” путем они достигнут лучших результатов»; это «путь взаимного доверия и уважения» рабочих и фабрикантов, «путь переговоров двух равных сторон» (Русские ведомости. 1907. № 46. Заметка подписана инициалами А. А.).

Решив более «не иметь дела с капиталистами», как он сообщил в 1930 г., Федотов объявил себя частным консультантом по строительству и организации мануфактурных предприятий (однако, скорее всего, это тоже маскирующий эвфемизм, по крайней мере частично; см. ниже). Он переехал с семьей в Москву, обосновался в Олсуфьевском переулке, в доходном доме Пантелеева под номером 4. Стремление к общественной деятельности счастливо совпало с тягой к перу — и уже в марте 1906 г. в либерально-оппозиционных «Русских ведомостях» появляется его первая статья «К вопросу о 8-часовом рабочем дне». С места в карьер Федотов завязал полемику с авторами газеты, прежде выступавшими по этой теме и отвергавшими возможность сокращения рабочего дня. С цифрами в руках он обосновывал политическую и производственную необходимость такого сокращения, доказывал, что владельцы предприятий от этого никак экономически не пострадают. Рабочие, убеждал он, должны иметь достаточно времени на семью, дом и культурное развитие. А в мае в той же газете он обрушивается с критикой на бюрократию в лице Министерства торговли и промышленности за проект программы мер по рабочему вопросу. Следующей зимой он вновь азартно полемизирует по теме сверхприбылей текстильных фабрикантов, вынуждая оппонировать ему в том числе председателю Московского биржевого комитета.

Регулярным автором «Русских ведомостей» Федотов становится, по-видимому, с 1907 г. Редактор этой газеты В.А. Розенберг вспоминал: «Покойному Иоллосу (главный редактор «РВ», экономист и публицист, погибший в 1907 г. — *Н. И.*) удалось привлечь к постоянному участию в газете А.А. Федотова, когда тот был уже признанным авторитетом в одной из важнейших отраслей нашей промышленности»; «А.А. Федотов, один из немногих в России знатоков нашей промышленности и рабочего вопроса», дал «газете в течение ряда лет немало статей, полных глубокого интереса» (Розенберг, 1924: 243, 247).

Поначалу не было устоявшегося псевдонима, он подписывался как «Инженер А.А.», «А.А.», «Инженер». Со временем возобладал «Инженер». В 1930 г. Федотов вспоминал о своей публицистической деятельности не без гордости: «Я был одним из первых, если не первым, кто в легальной прессе защищал необходимость и экономическую выгоду введения 8-часового рабочего дня... необходимость поднятия заработка рабочих и... ограничения тех прибылей, которые получала мануфактурная промышленность»; «мой псевдоним “Инженер” был известен, и мои статьи цитировались и в нашей прессе, и в заграничной» (Процесс «Промпартии», 1931: 222, 513).

Например, в 1909 г. Инженер опубликовал такие статьи: «Бюджет русских рабочих», «О малолетних рабочих на русских фабриках», «Забастовки на новый лад», «Обязательна ли врачебная помощь рабочим?», «Женщина-работница на фабрике», «К вопросу о развитии хлопководства в России», «Внешние рынки и зачет пошлин» и др. В дальнейшем он полемизировал (боролся, по его терминологии) на страницах газеты с печатными органами иной политической ориентации, нежели кадетская: с «Голосом Москвы», с выступлениями в печати октябристов.

В эти же годы Федотов пробует себя в качестве земского деятеля: на трехлетие 1907–1909 гг. он был избран от городской курии гласным Верейского земского собрания. В дальнейшем этот опыт не повторялся.

В 1912 г. из паевого товарищества по изданию «Русских ведомостей» вышли несколько старых членов. Вместо них по предложению товарищества новыми пайщиками стали некоторые авторы газеты, ученые и общественные деятели: А.А. Кизеветтер, М.В. Сабашников, Н.И. Астров, Ф.Ф. Кокошкин и др. — в том числе инженер Федотов. Сабашников вспоминал: «Это было очень лестное и крайне заманчивое предложение по тому значению и весу, какое имели “Русские ведомости” в общественной жизни того времени, и потому, что замкнутое товарищество это принимало в свой состав людей с большим выбором» (Сабашников, 1995: 373).

Однако чтобы вступить в товарищество, следовало сделать весьма крупный денежный взнос — один пай стоил 50 тыс. рублей. Откуда такие деньги у инженера, который, по его позднейшим словам, зарабатывал в эти годы «очень немного» — 3–6 тыс. в год? Хотя, заметим, это уровень жалованья вице-губернатора, но явно недостаточно, чтобы стать акционером популярной газеты. К тому же в те годы он часто ездил за границу (вероятно, с семьей на отдых), о чем упоминал на суде.

В 1930 г. Федотов убеждал пролетарский трибунал, что жил в то время беднее, чем это было в реальности. Но это опять же элемент подсоветской мимикрии. Говоря, что после ухода от Морозовых он «не имел связей с капиталистами», наш герой был не вполне «объективен». В 1910-х гг. он входил в состав правлений нескольких мануфактурных акционерных предприятий. Был одним из директоров правления Общества Серпуховской бумагопрядильни, Товарищества Новосампсониевской мануфактуры, а также кандидатом в директора Товарищества Большой Кинешемской мануфактуры. Несмотря на отсутствие прибыли в те годы у первых двух компаний, должности эти хорошо оплачивались. На эзоповом языке подсудимый профессор Федотов обозначил эту деятельность как «некоторые постоянные консультации».

Участие в паевом товариществе «Русских ведомостей», а соответственно и в редакционном комитете газеты, повысило значимость инженера Федотова в глазах кадетских лидеров. Его неофициально ввели в состав Московского отделения ЦК партии. Правда, следов своей партийной активности в этом качестве он оставил мало. В 6-томнике «Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии» обнаруживается только одно заседание московской группы ЦК с участием Федотова — 9 августа 1915 г. На этой встрече решались исключительно организационные партийные вопросы. Впрочем, можно думать, что после Февральской революции он присутствовал на мартовском съезде партии в Петрограде, известном тем, что кадеты отказались на нем от своей старой формулы «конституционной монархии». Прокурору Крыленко Федотов разъяснил на суде: «Мы в Петербурге единогласно приняли как необходимую форму правления буржуазно-демократическую республику» (Процесс «Промпартии», 1931: 238).

Окрыленный, как все кадеты, «освобождением» страны от монархии, инженер Федотов пишет и издает в 1917 г. небольшую книжку «Рабочий вопрос в свободной России». В ней он суммировал все свои прежние наработки по этой теме, доводы в пользу 8-часового рабочего дня, уже де-факто введенного после Февраля в отечественной промышленности, и обозначил иные направления: на очереди стояли создание министерства труда, организация профессиональных союзов, «примирительных камер» для взаимного учета интересов пролетариата и хозяев предприятий в конфликтных ситуациях, страхование рабочих и пр.

Незадолго до революции Федотов пригласил для строительства фабрик в Раменском владелец текстильного производства Н.М. Бардыгин. А в конце весны 1917 г.

наработанный за последние годы авторитет в мануфактурной промышленности позволил Федотову вернуться в руководство Никольской мануфактурой. Он был введен в состав директоров Правления компании «Саввы Морозова сын и К^о» (на суде 1930 г. опять же назвал это «консультантской работой»). Председателем Правления в то время был Сергей Тимофеевич Морозов; располагалось оно в Москве.

Как член Правления Федотов обязан был владеть определенным пакетом акций. В практике акционерных обществ было обычаем выбирать директоров из числа своих крупных пайщиков. Но обладателем 19 паев Товарищества Никольской мануфактуры (дававших право одного голоса; один пай стоил 1000 руб.) Федотов стал лишь в последние месяцы частновладельческой истории этой текстильной компании. В списке пайщиков от сентября 1917 г. он еще не значится и фигурирует лишь в самом последнем перечне акционеров от мая 1918 г. Тогда же, 10/23 мая состоялось последнее собрание пайщиков Товарищества. На нем присутствовали только двое: А.А. Федотов и некто Г.И. Былинкин, владелец 29 паев (ЦГА Москвы. Ф. 342. Оп. 1. Д. 87. Л. 352).

Осенью 1918 г. завершился процесс национализации орехово-зуювских фабрик. Хотя к большевистскому перевороту Федотов отнесся, по его словам на суде, «как классовый враг, даже больше чем неодобрительно», работать с советской властью он не отказывался, как поначалу делали многие инженеры, объявившие бойкот коммунистам. К осени того года большая часть инженеров переменила свои позиции в отношении новых правителей — к этому вынуждали голод и желание профессионалов работать на благо страны, чтобы не допустить окончательного и бесповоротного развала промышленности.

Тем более что отношение орехово-зуювских рабочих к Федотову было благожелательным. «Рабочие (орехово-зуювский профсоюз текстильщиков. — *Н. И.*)... помня причины моего ухода с фабрики (в 1905 г. — *Н. И.*) и мое отношение к рабочим, прислали ко мне депутацию с просьбой принять участие в правительственном правлении». В октябре он был утвержден членом советского правления бывших морозовских фабрик с мандатом «от рабочих». Вскоре Федотов занял должность председателя этого правления. В семейном архиве сохранилась справка от ноября 1918 г.: «Означенное лицо оказало русской промышленности вообще и рабочему движению в частности большие услуги и, кроме того, он занимает в настоящее время ответственную и важную должность члена Правительственного Правления двух национализированных фабрик Саввы и Викула Морозовых». Тогда же семье Федотовых предоставили новую квартиру (из прежней, вероятно, выселили раньше) в доме № 10 по Гранатному переулку. По-видимому, квартира была «уплотненной», в ней значились и другие жильцы.

В середине 1920-х гг. инженер Федотов поделился с редактором «Торгово-промышленной газеты» (орган ВСНХ) Н.В. Вольским, как работалось «буржуазным спецам» при военном коммунизме: «Вот что, например, я услышал от инженера-текстильщика Федотова, большого специалиста в области производства хлопчатобумажных тканей: “Почему до НЭПа мы, специалисты, так плохо работали? Ведь не только потому, что нам плохо платили и смотрели на нас как на приспешников капитала, саботажников и тайных контрреволюционеров. Бывало, идешь на службу, а самого тошнит. На службе нужно было воду решетом таскать, делать то, что осмысленным быть не могло. Руки опускались от бессмысленных заданий, которые нам давались разными главками и центрами. От меня, например, требовалось произвести калькуляцию стоимости такого-то сорта текстиля для обмена его без денег на такой-то сорт других изделий. Я привык калькулировать стоимость в деньгах. Мне говорили, что так было при капитализме, а при социализме учет в денежных знаках нужно заменить “непосредственно-трудовым учетом”. А что такое этот учет, как его производить, мое коммунистическое начальство не знало, а лишь повторяло без смысла слова, надерганные

из каких-то книжек. Так было во всем. Можно ли было производительно работать в этих условиях? Все стало иным, когда установился НЭП. Мы тогда точно вышли из склепа, где не было воздуха, стали дышать и, засучив рукава, принялись за настоящую работу» (Валентинов, 1991: 60–61).

В кадетской партии Федотов к тому времени разочаровался: понял, что она «в своей основе и существе осуждена на бездеятельные разговоры», и «не является партией, опирающейся на какую-нибудь существенную народную базу... Я счел себя вправе перестать считать себя кадетом» (Процесс «Промпартии», 1931: 226). Тем не менее на каких-то кадетских заседаниях 1918–1919 гг. он, вероятно, по привычке бывал. Из двух с половиной десятков кадетских лидеров в Москве оставалось тогда, по свидетельству самих кадетов, человек пять. В чекистских сводках среди них значился Федотов, хотя никаким партийным лидером он не был. Поэтому после арестов и расстрелов по делу подпольного антисоветского «Национального центра» (где кадеты играли существенную роль) к зиме 1920 г. он естественным образом оказался в числе фигурантов очередного «заговора контрреволюции» — дела «Тактического центра».

В состав этой структуры, координировавшей деятельность нескольких антибольшевистских организаций, входил кадет, депутат последних двух Дум Н.Н. Щепкин. Федотов знал его давно по встречам в московском отделении кадетского ЦК. В обвинительном акте, прозвучавшем на суде в августе 1920 г., читаем: «По признанию члена ЦК к.-д. партии (занимавшего пост председателя правления Орехово-Зуевской группы текстильных предприятий) инженера Федотова, руководители “Национального центра” — Н.Н. Щепкин, Степанов и другие — ставили ему на вид необходимость содействия приостановке фабрик и ускорению хозяйственной разрухи для того, чтобы доказать бессилие Советской власти и вызывать волнения рабочих» (Тактический центр, 2012: 172). Если такие указания и были в реальности, вряд ли Федотов имел желание их исполнять.

Арестованный вместе со множеством представителей московской интеллигенции, как кадетского, так и некадетского толка, Федотов просидел в тюрьме несколько месяцев. В вину ему вменялось 1) участие в заседаниях кадетского ЦК: «В конце 1918 года и в 1919 году, до ликвидации ЦК кадетов Особым отделом ВЧК, этот ЦК продолжает собираться и заседать в лице оставшихся в Москве его членов Д.Д. Протопопова, профессоров Велихова, Н.Н. Щепкина, А.Г. Хрущева, Н.М. Кишкина, А.А. Кизеветтера, Д.И. Шаховского, Сабашникова, Федотова (бывшего сотрудника “Русских ведомостей”), Комиссарова, сотр. Московского художественного театра, Топорковой (Губаревой) и ректора Московского университета Новикова» (Тактический центр, 2012: 182); 2) участие в составе руководящего ядра «Национального центра» (Там же: 169). Но о «Тактическом центре» он ничего не знал и через 10 лет повторил это: «Я не знаю, кто был в “Тактическом центре” и кто там принимал участие. Я знал членов ЦК кадетской партии. Когда я был привлечен и узнал о действиях “Тактического центра”, я узнал, что тот, с которым я был знаком и встречался, вместе с тем является членом “Тактического центра”» (Процесс «Промпартии», 1931: 225). Речь идет о Н.Н. Щепкине, расстрелянном осенью 1919-го.

В мае 1920 г. часть фигурантов дела, 19 человек (в их числе, например, Н. А. Бердяев), включая Федотова, были освобождены по амнистии на поруки «как лица, не проявившие особой активности в деятельности контрреволюционных организаций». Тем не менее они обязаны были явиться на суд. Лишь в августе революционный трибунал официально объявил их невиновными.

Большинство обвиняемых имели своих ходатаев, в том числе в советских учреждениях и среди большевистских руководителей. Не исключено, что за Федотова мог

просить брат его жены доктор Ф.А. Гетье, в то время входящий в дома многих ответственных чинов коммунистического правительства (в первую очередь Ленина).

Из тюрьмы 56-летний Федотов вышел с сильно подорванным здоровьем. В этот момент его и «подобрал» куратор текстильной промышленности видный большевик В.П. Ногин. Знакомство их состоялось еще раньше, Ногин приезжал в Орехово-Зуево, осматривал фабрики, наблюдал работу правления. Сторонник привлечения к советской работе «буржуазных спецов», Ногин, как писал о нем Федотов, «умел привлечь из среды старых специалистов людей, которые шли с ним рука об руку и давали максимум той работы, на которую они были способны». Надо думать, он сказал это и о себе. Эти несколько страниц воспоминаний помещены в сборнике, вышедшем вскоре после смерти его покровителя (Текстильщики, 1925).

В 1920 г. Ногин устроил инженеру Федотову лечение в санатории, а затем взял на службу под свое начало в Главтекстиль, которым руководил. В семейном архиве сохранились некоторые удостоверения-справки, выданные тогда Федотову. Одно из них сообщает, что он «является сотрудником Комиссии по изучению парового хозяйства и изысканию мер к его улучшению и электрификации центрального промышленного района», в связи с чем «ему поручено произвести срочное обследование всех электро-технических и механических сооружений на фабриках Ореховского района».

Спустя два года по инициативе Ногина был образована другая головная структура — Всероссийский текстильный синдикат. Ногин перевел туда всех своих протеже из «спецов». В ВТС Федотов возглавлял Техничко-экономическое управление, а также был редактором ведомственного журнала. Под его редакцией выходили и книжные издания, например, «Труды Совещания производственников в текстильной промышленности, Москва 2—4 июня 1924 г.».

С середины 1920-х Федотов — заметная фигура в научно-техническом поле, преподаватель нескольких вузов. Он публиковал многочисленные статьи в «Бюллетене ВТС», в газете «Экономическая жизнь» и «Торгово-промышленной газете», в журналах «Текстильщик», «Известия текстильной промышленности», «Экономическое обозрение», «Система и организация», «Техничко-экономический вестник» и др., в сборниках ВТС и ВСНХ (с 1923 по 1926 г. — всего около полутора сотен статей). Делал доклады в ВСНХ и Институте экономических исследований (при Наркомфине), где был членом президиума Финансово-промышленного отдела. Получил звание профессора экономики текстильной промышленности и читал курсы в Текстильном институте, в Институте народного хозяйства им. Плеханова и др. Выезжал для чтения лекций в Ленинград. Издал две собственные книги: «Текстильная промышленность СССР: хлопок, лен, пенька, шерсть и шелк» (М.—Л., 1926) и «Брак в хлопчатобумажной промышленности» (в соавторстве; М.—Л., 1927). О его научном статусе может свидетельствовать членство с 1926 г. в ЦЕКУБУ (Центральной комиссии по улучшению быта ученых) — организации, обслуживавшей материальные потребности элитного слоя интеллигенции.

Несколько раз как представитель ВТС Федотов выезжал в командировки за границу, в Англию и Германию. Встречался там и с представителями эмиграции из торгово-промышленных кругов — его деловые дореволюционные связи были весьма обширны.

В 1927 г. он перешел из Синдиката в Научно-исследовательский текстильный институт (НИТИ), был председателем его Коллегии. В следующем году по ходатайству ВСНХ Федотову было присвоено звание заслуженного деятеля науки и техники.

В печати нэповского периода он выступал и как старый опытный полемист, отстаивая свое видение того, как должна развиваться советская текстильная промышленность (в частности, как и из чего следует строить фабрики) и экономика в целом. Тот же Н.В. Вольский приводит в своей книге эпизод, когда он в кулуарах ВСНХ предло-

жил Федотову написать возражения на статью Г.Л. Пятакова по экономическим вопросам. Прочтя ее тут же, «умный дельный инженер-текстильщик» «разразился жестокой критикой» автора, зампреда ВСНХ (Валентинов, 1991: 224).

К слову, бдительными товарищами в горячих спорах по поводу строительства фабрик «уже тогда приписывалось вредительство главным образом мне и Державину, которых считали руководителями текстильной промышленности», — вспоминал Федотов на суде в 1930 г.

В середине 1920-х в квартире Федотовых в Гранатном переулке стало тесно. Революция не только разбивала семьи, но и сплачивала — голод, неустройство и жилищный вопрос тому способствовали. Судя по справочнику «Вся Москва» за эти годы, старший брат прописал на своей жилплощади младших — Виктора и Николая с их семьями. Оба во время Гражданской войны пережили эпопею с бегством из занятых большевиками Клинцов на Украину. После возвращения в Клинцы бывший городской голова В.А. Федотов пытался поладить с местными властями, но нарастающая угроза ареста вынудила искать пристанища в Москве. Николай с семьей даже не пытался вернуться в Клинцы. Его чугунолитейный завод был национализирован в 1919-м и получил название «Завод им. Калинина» («Текмаш», работал вплоть до XXI в., выпуская текстильное оборудование). Оба брата нашли работу в столице, вероятно, опять же не без помощи старшего (Виктор устроился в Орехово-зюевский текстильный трест). Одна из дочерей Николая, Ирина, поступила на машиностроительное отделение Текстильного института, в котором преподавал тогда А.А. Федотов. К концу 1920-х оба младших брата так или иначе решили свой квартирный вопрос. Оба умерли в 1933 г.

К помощи родственника прибегал, очевидно, и племянник из семейства Гетье — уже упоминавшийся сын кремлевского (к тому времени бывшего) врача Ф.А. Гетье Александр. В недавнем прошлом белый офицер, в перерывах между альпинистскими восхождениями и работой тренера по боксу он подрабатывал переводами технической литературы — каталогов зарубежных заводов, выпускавших текстильное оборудование, которое покупал СССР. Надо полагать, заказами его обеспечивал дядя.

После громокипящего суда по делу «Промпартии» никто из Федотовых не пострадал, никого из них всерьез не задело (разве что приемный сын Александра Александровича, биолог по образованию, вынужден был уехать на самую дальнюю «стройку коммунизма» — Комсомольск-на-Амуре). Это было куплено ценой согласия на участие в судебном-политическом спектакле, поставленном ОГПУ под прямым руководством Сталина и прозвучавшем на весь мир. Амплуа восьми «актерам»-подсудимым прописали одинаковые — кающихся грешников.

Травля «спецов»-инженеров как «приспешников буржуазии» в Советской России и СССР шла волнами с 1918-го и до конца Большого террора 1930-х — с недолгими передышками. Первая передышка пришлась на несколько нэповских лет, но даже тогда снимались кинофильмы и писались романы об инженерах-врагах — саботажниках и диверсантах. Совсем иной размах кампания травли приняла с 1928 г., когда к делу подключились режиссеры и писатели из Политбюро и ОГПУ.

Приступив к ускоренной сверхиндустриализации страны, большевистские лидеры осознали, что имеют скрытую оппозицию в лице инженеров старой выучки. Привлеченные к разработке планов первой пятилетки, «спецы» ясно видели невежество советского руководства, формулировавшего стратегию и тактику индустриализации, неграмотность партийцев в вопросах промышленности и экономики. Научно-инженерные кадры сопротивлялись принятию чрезмерно завышенных, заведомо невыполнимых планов, поскольку не знали способа подогнать законы физического мира под догматы коммунизма (через несколько лет Сталин официально объявит примат практики над наукой).

Инженеров следовало вышибить из управленческих и начальственных кресел. На первых порах заменить их иностранными исполнителями на договоре — американцами и немцами, пока не выучатся свои, пролетарские кадры, которые не будут противоречить партийным руководителям. Русских инженеров царской школы нужно было 1) унизить; 2) запугать, поселить в них страх перед властью, чтобы отучились держать в уме презрительную насмешку над партократией. Как их унизить? Обвинить в непрофессионализме, карьеризме, косности? Этого мало (но все же было использовано в агитпропе тех лет). К тому же советская власть сама давала этим инженерам звания заслуженных деятелей, профессоров, сама сажала в высокие кресла, значит, признавала их знания и опыт. Во вредительстве и саботажничестве? После «Шахтинского дела» и этого уже мало.

Для эпохи не прекращавшегося террора решение вопроса было элементарно. Следовало обвинить инженеров в уголовщине, шпионаже, кровожадности, прямой подготовке завоевания СССР иностранными людоедами и заставить их публично каяться. Так родилось «дело Промпартии».

Его смысл и цель были озвучены на суде главным обвиняемым, профессором Л.К. Рамзиным, ставшим по совместительству главным обвинителем своих товарищей по несчастью. Эта чеканная формулировка была, можно не сомневаться, вложена в уста Рамзина следователями ОГПУ: «Я хотел, чтобы в результате теперешнего процесса “Промпартии” на тяжелом и позорном прошлом всей интеллигенции, как кастовой, обособленной прослойки, можно было поставить раз и навсегда крест, чтобы все инженеры, как один, вошли в дружную семью пролетариата, строящего социализм...»

Поневоле восемь подсудимых стали лицом всей научно-технической интеллигенции страны. Но если профессор Рамзин стал лицом советского инженера, оплевавшего самого себя и подставившего под удар немало других людей (многие в научном мире не желали потом подавать ему руку), то профессор Федотов остался в памяти нейтральных очевидцев суда как лицо, вызывающее симпатию, как олицетворение прежней русской либеральной интеллигенции — со своими слабостями и грехами, но и с безусловным чувством собственного достоинства.

Американский журналист Юджин Лайонс, отправлявший за океан репортажи о суде, позднее издал книгу «Командировка в утопию» (1937). Федотов описан в ней так: «Он был высоким, крупным благородным мужчиной. На нем был надет черный старинный сюртук, виднелся накрахмаленный воротничок; Федотов был похож на мастера-писателя. Раз или два (при произнесении последнего слова. — *Н. И.*) он, несмотря на всю осторожность, все же показал свою обиду, оправдывая свое прошлое либерал-демократа. И как всегда бывает в случаях, когда заключенный проявляет малейший признак самоуважения, внимание аудитории было особо пристальным» (Цит. по: Судебный процесс «Промпартии», 2, 2017: 960). В одном из репортажей Лайонса из зала суда, посланном через телеграф (с прохождением официальной советской цензуры), Федотов — человек, вызывающий у журналиста больше всего сочувствия: «Из уст 60-летнего Федотова — самой симпатичной и трагической фигуры на процессе — мы услышали красноречивую защиту морального права человека на честные, хотя и ошибочные убеждения. На указания Крыленко о беззубом профессорском либерализме кадетской партии старик ответил дрожащим голосом: мне нечего стыдиться; этот беззубый либерализм, как вы его называете, был нашим честным убеждением» (Там же: 584).

Профессор Федотов был арестован 20 марта 1930 г. Вместе с двумя другими инженерами он составил «группу текстильщиков», обвиняемых в отраслевом вредительстве по аналогии с «Шахтинским делом». Ни о какой «Промпартии» в те месяцы не было речи; в сценариях ОГПУ она еще не родилась. Все изменилось с арестом Рамзина

в августе. Через месяц обработки на Лубянке он начал давать обильные «показания». Лично Сталин, внимательно следивший за делом, повернул его в русло политики: подготовки госпереворота, интервенции, шпионажа и терроризма. Из Экономического управления ОГПУ следствие перешло в Секретно-оперативное управление, занимавшееся делами о контрреволюции. Подробнее с ходом фабрикации «Промышленной партии» в кабинетах Лубянки можно ознакомиться по двухтомнику «Судебный процесс “Промпартии”» (М., 2016–2017).

После завершения суда его председатель А.Я. Вышинский выступал перед работниками Наркомпроса. Он проболтался, что чекисты долго не могли определиться, кого назначить главным в «Промпартии» — Федотова или Рамзина. У Федотова — обширнейшие «связи с деятелями контрреволюционной эмиграции», это заматерелый враг, старый кадет. Вышинский даже шутливо заметил, что остальные подсудимые с нервным смехом называли Федотова своим «бандитским папашей». Но перевесил Рамзин — «человек с колоссальной волей... прекрасно владеющий тактикой маневрирования. Это передавалось и всем подсудимым, как по беспроволочному телеграфу, — то, что скажет Рамзин, скажут и все остальные» (Там же: 731). Для безупречного хода судебного спектакля это было важно.

«Беззубый» же Федотов оказался способен на какое-никакое сопротивление. Как сказал о нем напоследок Крыленко, он «спорил и защищал себя с некоторой горячностью, а иногда и язвительностью, иногда, и не без удачи, подавал реплики мне, подавал реплики обвинению» (Процесс «Промпартии», 1931: 383). Федотов отрицал, что входил в верхушку «Промпартии», и соглашался лишь на то, что его, не ставя в известность, ввели в состав ее ЦК. Отрицал, что при составлении политической программы «Промпартии» стоял за восстановление монархии (этот пункт был утвержден в сценарии судилища): «Моя фигура достаточно известна, чтобы мне не приписывать монархических взглядов» (Там же: 238). Порой он даже, забываясь, вопреки условиям договора с чекистами начинал отрицать и вредительство. По стенограмме видно, как он время от времени использует «кафедру» суда для обличения пороков советской системы хозяйствования — вот где настоящее вредительство, дает он понять слушателям. К примеру, «старый Федотов пытается разъяснить, где гибнут сотни тысяч и миллионы рублей из-за дикой спешки пятилетки: хлопок не сортируется на местах, чтоб каждой фабрике слался тот сорт, который соответствует ее назначению, а шлют безалаберно, вперемешку» (Солженицын, 2006: 353).

Использует он эту «кафедру» и для того, чтобы поставить всем на вид нужды отечественной текстильной промышленности в целом и своего института (НИТИ) в частности. Даже с арестантской скамьи он пытается проводить интересы дела, разъяснять ненормальное положение вещей в промышленности. Он почти что читает лекцию судьям и публике. Там, где от обвинения во вредительстве может пострадать верная идея, которую он прежде отстаивал в том числе в печати, Федотов сопротивляется давлению прокурора Крыленко. И лишь под влиянием «внушения» во время короткого перерыва в заседании суда соглашается — да, вредительство по иностранной директиве.

О линии его самозащиты уже немало говорилось. Однако он не скрывал правду там, где ложь во спасение была бы неправдоподобна. В частности, не стал «корректировать» свои политические симпатии времен Гражданской войны. О подступавшей армии Деникина сказал прямо: «Если бы они пришли в Москву, то я, конечно, к ним присоединился бы и, вероятно, приветствовал бы»...

Пятеро из восьми обвиняемых, в их числе А.А. Федотов, были приговорены к расстрелу. Никто из них даже не повел головой, услышав смертельный вердикт, — это видно по кинохронике (документальный фильм «13 дней. Дело “Промпартии”», 1930).

На следующий день по ходатайству о помиловании, очевидно, входившему в сценарий, казнь всем заменили десятью годами заключения.

По воспоминаниям родственников, свой срок Федотов изначально отбывал в ссылке. Однако вскоре по распространенной практике использования заключенных специалистов в шарашках и на производстве его перевели в Иваново, «город ткачей». Рамзин и другие «промпартийцы» уже давно трудились в подобных «спецусловиях». В конце 1920-х в Иваново-Вознесенске была построена большая текстильная фабрика им. Дзержинского, проект которой отбирался конкурсной комиссией экспертов с участием Федотова. Теперь он работал в Иваново как заключенный-специалист.

Даже под надзором чекистов работа, надо думать, была ему в радость. Без работы он не мыслил свою жизнь. Самой тошной думой в тюрьме была та, что теперь ему, если оставят жить, не доверят никакого дела как специалисту. Об этом он говорит в стихах, написанных в камере. «Достиг я много легко Трудом лишь и терпением...», «Хотя б года отдал работе ты упорной, Хотя бы лозунгом стал твой бессменный труд. И кто тебя поймет, и кто тебе поверит...» Но несмотря на мысли о смерти как выходе, избавлении от позора, велико желание «Писать, творить и вновь начать Работу трудовую» (Судебный процесс «Промпартии», 2, 2017: 778–780). Желание осуществилось. Позорное клеймо исчезло вместе с окончанием очередной кампании «спецедействия», больше ненужное властям.

Около 1937 г. Федотова досрочно освободили. Возможно, в связи с амнистией за год до того Рамзина и его группы теплотехников-«промпартийцев», выступивших в печати с обещанием отдать все свои силы на строительство социализма. Однако через год он опять был арестован. Вероятно, Федотову повезло: на время Большого террора он выпал из поля зрения НКВД и вновь попал туда уже на излете кампании массовых расстрелов. Полтора лет Большого террора не пережили некоторые его товарищи по скамье подсудимых — были казнены И.А. Калинин и Н.Ф. Чарновский.

Не исключено, что причиной нового заключения Федотова стал племянник жены — альпинист и боксер Александр Гетье. Точнее, его арест и скоропалительный расстрел в январе 1938 г. по обвинению в шпионаже и контрреволюции. Дело «фашистско-террористической организации альпинистов и туристов» прихватило и бывшего прокурора РСФСР Крыленко, расстрелянного в том же году. Гетье-отец не успел пойти вслед за сыном — он вскоре умер. Федотову же пришлось отсидеть еще год, опять в качестве заключенного применяя свои знания и опыт в текстильном производстве — на хорошо знакомой ему «Трехгорке» в Москве.

Умер он в кругу семьи 6 января 1940 г. и был похоронен на одном из центральных участков столичного Пятницкого кладбища, в могиле, ставшей семейной.

БИБЛИОГРАФИЯ

Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания / Сост. С. С. Волк. М., 1991.

Записки Михаила Васильевича Сабашникова / Под ред. А.Л. Паниной. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995.

Отчеты Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности за 1890–1916. М., 1891—1917.

Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М., 2004.

Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905 — середина 1930-х гг. В 6 тт. М.: РОССПЭН, 1994—1999.

Тактический центр: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2012.

Процесс «Промпартии» (25 ноября — 7 декабря 1930 г.). Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. М., 1931.

Розенберг В.А. Из истории русской печати: организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские ведомости» (1863—1918 гг.). Прага, 1924.

Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. Екатеринбург, 2006.

Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: Подготовка, проведение, итоги. В 2-х кн. М.: РОССПЭН, 2016—2017 (Архивы Кремля).

Текстильщики памяти В.П. Ногина. М., 1925

Труды Высочайше учрежденного Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде. Т. 6, вып. 11: Техническое образование. СПб, 1897.

Федотов Александр Александрович: Автобиография // «Русские ведомости». 1863—1913: Сб. статей. М., 1913. Отдел второй. Сотрудники «Русских ведомостей».

Храмченко П.М., Перекрестов Р.И. Мои Клинцы // Клинцовский летописец: Исследования, документы, воспоминания / Сост. Р. И. Перекрестов. Клинцы, 2007.

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕБЕДЕВ: ЗАГАДКИ БИОГРАФИИ

Исследователям средневекового периода русской истории хорошо знакома проблема скудости сведений о жизненном пути многих заметных персон нашего прошлого, порой игравших весьма важную роль в значимых событиях. Мы видим боярина воеводой во главе рати, наместником крупного города, свидетелем при составлении княжеской духовной грамоты, но очень часто не знаем даже дат рождения и смерти. «После такого-то года в источниках не упоминается» — вот и все. И мы ничего не знаем о характере, воспитании, вкусах, привычках — обо всем том, что делает исторического персонажа живым человеком. Имя известно, и на том спасибо. Это затрудняет работу не только историкам, но и педагогам — трудно заинтересовать молодежь жизнью человека, о котором ничего не известно, кроме имени и заслуг перед Отечеством.

Но еще трагичнее, когда такая ситуация возникает вокруг человека, чья жизнь пресекалась менее века назад. Который жил не в провинциальной глуши, а в столице огромной Империи, чей вклад в развитие русской авиации и авиапромышленности весьма велик и по сию пору не оценен по достоинству.

Жизнеописанию Владимира Александровича Лебедева не посвящено ни одного специального биографического исследования. Из статьи в статью кочуют одни и те же факты, и редко кто из авторов обращает внимание на противоречие между ними или старается дополнить новыми сведениями.

Наиболее подробным прижизненным биографическим источником является интервью, которое Владимир Александрович дал газете «Биржевые ведомости» в 1910 г. и в котором он немного рассказал о своей жизни. Однако достоверность некоторых сведений в этом интервью не проверена, и естественно в нем ничего нет о жизни предпринимателя после 1910 г. (Биржевые ведомости, 1910).

Судьба предпринимателя после роковых для России событий 1917 г. поставила табу на изучение его биографии советскими исследователями. В наиболее подробном исследовании дореволюционной авиации — монографии П.Д. Друзя «История воздухоплавания и авиации в России» истории авиационного завода В.А. Лебедева уделено лишь несколько страниц, личности самого авиатора — четыре строчки.

Чуть больше внимания Владимиру Александровичу уделил Юрий Гальперин в научно-популярной книге «Воздушный казак Вердена», но нарисованный им образ хлебосольного заводчика имеет мало общего с реальностью.

Краткую справку о жизни и деятельности Владимира Лебедева, а также его старшего брата подготовил известный исследователь истории российской авиации Вадим Ростиславович Михеев.

Некоторые сведения, касающиеся ранней судьбы авиатора опубликовал исследователь дореволюционной автомобильной промышленности России Станислав Кирилец.

Сведения о деятельности В.А. Лебедева в регионах России сообщают краеведческие издания и сайты, однако их авторы куда больше интересуются историей своего родного края, чем биографией авиатора.

Целью настоящей статьи является свести воедино сведения о биографии Владимира Александровича Лебедева из уже опубликованных источников и обратить внимание исследователей на необходимость дальнейшего изучения жизни и деятельности этого замечательного человека.

Владимир Александрович Лебедев родился в Санкт-Петербурге в 1879 или 1881 г. В статьях, посвященных его жизни, обе даты приводятся с примерно одинаковой частотой без указания на источники.

Его отца характеризуют либо как «небогатого дворянина», либо как «мелкого канцелярского служащего». В адресной книге Санкт-Петербурга за 1881 г. упоминается более 50 Александров Лебедевых, которые могли бы иметь отношение к нашему герою.

Известно, что в 1876 г. родился старший брат нашего героя Алексей Александрович Лебедев, сыгравший в его жизни немалую роль.

При своем, видимо, невысоком социальном положении, отец Алексея и Владимира сумел изыскать средства, чтобы дать своим детям хорошее образование — судя по тому, что старший брат поступил и блестяще окончил Горный институт, а младший — Императорский университет (юридический факультет). Именно во время учебы в университете Владимир увлекся велоспортом и довольно быстро сделал себе имя среди петербургских «циклистов». Один раз он поставил своеобразный рекорд, проехав по велотреку 375 верст за 19 часов.

Вскоре он осваивает техническую новинку — автомобиль и становится одним из первых русских автомобилистов. По утверждению С. Кирильца, «Лебедев выступал сотрудником популярного петербургского журнала “Автомобиль”, автором многих статей. Он был известен и как один из членов-учредителей Санкт-Петербургского автомобиль-клуба (СПАК). До 1908 года он входил в техническую комиссию, существовавшую при обозначенном учреждении, был неоднократным участником и судьей многих автомобильных соревнований» (Кирилец, 2016).

С велосипеда на автомобиль, с автомобиля — на планер и самолет, — типичный путь русского авиатора начальной эпохи. Очень многие из первого поколения русских пилотов рассматривали новые летающие машины как разновидность экстремального спорта. Впрочем, только такие люди и могли в ту пору летать на примитивных аэропланах, которым в нашей время ни одна авиационная инстанция не дала бы разрешения на полет.

Однако подобный образ жизни требовал довольно заметных средств, а нам ничего неизвестно о профессиональной деятельности Владимира Лебедева в этот период. Неизвестно даже, когда именно он окончил университет. В интервью «Биржевым ведомостям» авиатор упоминал свою работу в канцелярии Государственной Думы и участие в русско-японской войне в качестве волонтера.

В 1908 г. Лебедев вместе с известными русскими автомобилистами Андреем Платоновичем Нагелем и А.И. Эфроном совершил большое автомобильное путешествие по Европе. Именно там он впервые увидел полет аэроплана, которым управлял Вильбур Райт. Это зрелище вдохновило молодого спортсмена на занятие авиацией.

В 1909 г. он вместе с братом¹ построил аэросани (аэро-буер), а затем и планер.

В 1910 г. Императорский Всероссийский аэроклуб (ИВАК) командирует Владимира Лебедева во Францию для изучения авиационного дела. Лебедев поступает в летную школу одного из пионеров авиации Анри Фармана и одновременно устраивается механиком на принадлежащий этой же фирме авиационный завод. После окончания обучения полетам он получает пилотский диплом № 98 (третьим из русских) и тем самым попадает в число первых ста летчиков нашей планеты.

С пилотским свидетельством Владимира Лебедева связана еще одна загадка. И в русских, и во французских источниках указан номер **98**, однако, на фотографии диплома, опубликованной «Биржевыми ведомостями» четко виден номер **96**.

По возвращении на родину Лебедев становится заведующим летной частью ИВАК. В его обязанности входит испытание новых аэропланов (в том числе и первых, постро-

---

¹ Алексей Александрович Лебедев окончил Горный институт Императрицы Екатерины II и специализировался на изучении и конструировании двигателей внутреннего сгорания. Одновременно вел преподавательскую деятельность в родном вузе и Санкт-Петербургском Политехническом институте. Он часто оказывал брату инженерную помощь в осуществлении авиационных проектов.

енных в России), и обучение молодых пилотов. Именно Лебедев становится инструктором для Генриха Сегно, получившего российское пилотское свидетельство № 1.

Полеты Лебедева произвели большое впечатление на публику в ходе первой русской авиационной недели в Санкт-Петербурге в октябре 1910 г.

В 1910 г. Владимир Лебедев создает Петербургское товарищество авиации, получившее от военно-инженерного ведомства заказ на постройку «складного» аэроплана конструкции капитана С.А. Ульянина. Капитан попытался приспособить один из наиболее распространенных тогда самолетов — Фарман IV к военной службе, для чего внес в конструкцию изменения, позволяющие разбирать аппарат на три части, что облегчало его перевозку. Лебедеву удалось добиться решения юридических проблем с Анри Фарманом (т.е. получить права на постройку самолета его конструкции в России), а также наладить постройку машину. Летом 1910 г. самолет с успехом прошел испытания, а в следующем году — был удостоен премии на международной воздухоплавательной выставке (Дузь, 1989: 34- 35).

На этой же выставке Лебедев при посредничестве московского купца М.К. Ушакова приобрел лицензию на производство воздушных винтов у французской фирмы «Шовьер». Для продвижения своей продукции на российском рынке он построил еще один «Аэро-буер» на котором совершал лихие поездки по зимнему Петербургу и его окрестностям.

Во многих популярных статьях рассказывается, что первоначальный капитал для создания своего предприятия был получен Лебедевым с помощью страхового мошенничества:

«Он возвел на Комендантском аэродроме сарай, назвал его «аэропланной мастерской» и застраховал. Вскоре сарай сгорел. В 1912 году, получив страховку за утраченное имущество и субсидию, предоставленную московским купцом М.К. Ушаковым, Лебедев арендовал небольшую мебельную мастерскую на Перевозной улице в Адмиралтейской части. Мастерская была преобразована в Завод воздушных винтов «Интеграл» системы Л. Шовьера — В.А. Лебедева. Кроме винтов предприятие выпускало запчасти для аэропланов, тележки для перевозки аэропланов, моторные лодки, а также выполняло ремонтные работы.

Новый пожар и новое страховое вознаграждение помогли расширить производство, в связи с чем мастерская стала Русским заводом предметов воздухоплавания и воздушных винтов «Интеграл» системы Л. Шовьера — В.А. Лебедева.

В сентябре–октябре 1913 года бывший спортсмен учредил независимое от завода Акционерное общество воздухоплавания В.А. Лебедева с капиталом 100 тыс. рублей. Основной пакет акций принадлежал Лебедеву и его жене» (Кирилец, 2016).

Эта история вызывает серьезные сомнения. Во-первых, откуда она стала известна? От самого Лебедева? Но мемуаров он не оставил. Повторенное три раза подряд страховое мошенничество должно было если не отправить предпринимателя на скамью подсудимых, либо погубить его деловую репутацию. Между тем, устав нового общества получает в декабре 1913 г. Высочайшее одобрение.

Даже советский историк Дузь не пишет ни о чем подобном, а быстрый рост капитала и предприятия Лебедева связывает с большим спросом на воздушные винты, производимые его фабрикой (Дузь, 1989: 35).

В апреле 1914 г. завершается строительство нового завода, расположенного между Черной речкой и комендантским аэродромом, производящим до 7 самолетов в месяц и имеющим возможности для дальнейшего расширения. Первой продукцией предприятия стали французские самолеты «Deperdussin», «Morane-Saulnier» и летающие лодки «F.V.A.».

С началом в августе 1914 г. Первой мировой войны завод переживает бурный рост — число рабочих увеличилось в разы, многократно выросли объемы производства и станочный парк, а главное — была сформирована команда инженеров, что позволяло заводу не только совершенствовать технологии производства, осваивать новые модели самолетов, но и вносить в конструкцию изменения и постепенно перейти к созданию летающих машин собственной конструкции.

В 1915 г. на заводе Лебедева запускается в производство «Лебедь XII», созданный на базе конструкции трофейного германского разведчика «Альбатрос». Русские инженеры смогли не только разобраться с конструкцией трофейной машины, но и внести в нее значительные усовершенствования. Всего завод выпустил более 200 таких самолетов, поступивших на вооружение корпусных и армейских авиаотрядов русской армии.

В 1916 г. на заводе был построен тяжелый самолет-гигант «Святогор», конструкции инженера Василия Андриановича Слесарева. Гигант, превосходивший по размерам даже четырехмоторные бомбардировщики Сикорского «Илья Муромец», оказался неудачным, и не смог оторваться от земли. Хотя в популярной литературе и распространено мнение о интригах и кознях, погубивших воздушного гиганта, большинство историков авиации считают, что конструкция «Святогора» содержала ряд существенных недостатков, не позволявших этой машине летать.

Но сам факт ее постройки и проведения испытаний говорит о стремлении Владимира Лебедева не только получать прибыль с авиапроизводства, но и создавать новые конструкции самолетов.

Более удачным оказался двухмоторный бомбардировщик «Лебедь XIV» («Лебедь-Гранд»), автором проекта которого был инженер Леонид Дементьевич Колпаков-Мирошниченко. Постройка машины началась в середине 1916 года, а ее испытания — весной 1917-го. Если бы не революционные события, то уже весной 1918 г. эти машины составили бы костяк бомбардировочных авиаотрядов императорского воздушного флота.

В 1915 г. Владимир Александрович Лебедев предпринимает обширную программу расширения производства. Строить новые цеха в Петрограде уже просто негде и тогда его внимание привлекает провинция.

«Товарищество В. А. Лебедев и К^о» покупает в Пензе с большой рассрочкой, фабрику гнутой мебели «РАМИБА» на левобережных Задах бывшей Инвалидной слободы и мебельный магазин «БУК» на стыке Троицкой улицы и Базарной площади. В Пензу из беспокойной столицы в первую очередь переносится производство винтов тяги для военных самолетов всех типов» (Ткаченко, 2016).

Сборочный цех занимал площадь 2180 кв. м. Новое предприятие, оснащённое 50-ю импортными станками, было сдано в эксплуатацию уже в ноябре 1916 г. На заводе предполагалось выпускать до 20 самолётов ежегодно. Производственная мощность пензенского завода составляла 10000 шт. воздушных винтов в год. Из-за трудностей военного времени не удалось построить сборочный цех и аэродром, но производство узлов и деталей для самолётов непрерывно осуществлялось с 1916 по 1923 г. (Тюстин, Шишкин, 2012: 195).

Почти одновременно с Пензинским заводом начинается строительство завода на Юге России в Таганроге. 29 сентября 1915 г. акционерное общество воздухоплавания «В.А. Лебедев и К^о» запросило Таганрогскую городскую управу о продаже земли для постройки своего аэропланного завода и довольно быстро получило ответ. Приехав в Таганрог, Лебедев понял, что участок между строящимся Русско-Балтийским заводом и «Карантином» — лучшее место для нового з-да. Летом 1916 г. он приобрел себе дом на углу пер. Итальянского по ул. Чехова. А чуть позже по железной дороге из Петрограда прибыл его автомобиль, который произвел большое впечатление на местную

публику, особенно после такого экстравагантного поступка, как устроенное Лебедевым бесплатное катание на авто для всех желающих, которых вместе с просто любопытными собралось огромное количество. Катали вначале по Итальянскому до Петровской, потом до шлагбаума и от шлагбаума по Петровской к морю, до тех пор, пока не кончился бензин. Эта история так нашумела в городе, что и через семьдесят лет о ней помнили старожилы. Лебедев решил создать гидроаэропланый завод, где можно строить самолеты, проектировать, собирать и испытывать их новые типы, для чего уже в 1916 г. рядом с купальнями стали строить гидростанцию с пляжем для гидропланов (Исторический Таганрог).

Всего за годы первой мировой войны на авиазаводах Лебедева было выпущено более 700 боевых, учебных и экспериментальных самолетов для нужд Императорского воздушного флота. Предприятия быстро развивались, и в 1917 г. должны были выпустить до 100–120 самолетов в месяц.

В начале 1916 г. русское правительство принимает решения о строительстве в стране 6 автомобильных заводов, общим объемом производства 15000 автомобилей в год. Владимир Александрович никогда не забывал о своей любви к автомобилям и поэтому его компания решила принять участие в этом проекте.

Новый завод начали строить в Ярославле. Его проектная мощность была определена в 1500 машин в год. Годовую загрузку обеспечил правительственный заказ на выпуск санитарных и штабных автомобилей.

Строительство завода было начато до высочайшего утверждения устава. К сентябрю 1916 г. были готовы и оборудованы временные деревянные здания деревоотделочной, механической, сборочной мастерских. В них установили станки, администрация наняла рабочих. Готовы были гараж, склады для леса и бензина, сушилка, временная кузница, два жилых дома, хлебопекарня, кладовая, кухня и главная контора. Заводской корпус и силовая станция были возведены под крышу.

7 октября 1916 г. произошло торжественное открытие завода. Через три месяца там работало более ста человек. К июлю 1917 г. основные корпуса завода были готовы на 90%. Некоторые станки работали, но их не хватало: три четверти станков лежали в ящиках в портовых и железнодорожных «пробках». Окончательный ввод предприятия в строй был намечен на ноябрь. В ожидании станков и оборудования, выписанных из Великобритании и США, до конца 1917 г. ярославцы изготовили 285 кабин и 185 кузовов для импортных санитарных автомобилей Renault. Лебедев закупил в Англии комплекты узлов для легковых автомобилей Crossley, но к сборке их так и не приступили. Лишь один такой автомобиль с кузовом торпедо выехал за пределы завода. Эта машина получила название «Лебедь А» (Ярославский краеведческий сайт).

Нельзя не отметить, что все основанные Владимиром Александровичем Лебедевым заводы работают по сей день, являясь крупными предприятиями российского машиностроения.

После февральской революции Лебедев был избран председателем Всероссийского (уже не императорского) аэроклуба — ведущей авиационной организации страны, а также стал главой общества петроградских авиационных заводов.

Естественно, что такой человек не мог признать большевистскую власть и принял активное участие в Белой борьбе. В начале 1918 года он оказывается на Юге России. 16 мая в Новочеркасске прошел «Круг спасения Дона», избравший атаманом Всевеликого войска Донского П.Н. Краснова, а уже 25 мая Лебедев получил должность Министра торговли и промышленности войскового правительства. В сентябре он занял аналогичный пост в Правительстве Юга России под руководством генерала А.И. Деникина.

На базе своего таганрогского завода он развернул ремонт аэропланов ВСЮР и Донской армии. После поражения войск Деникина Лебедев вместе с братом покинул отечество.

Сведения о зарубежной судьбе Владимира Александровича весьма скупы. Поначалу он вместе с братом оказался в Сербии, где по одним сведениям, устроился работать в банк, по другим — стал представителем французской авиационной фирмы «Гном-Рон». Далее большинство источников скупко сообщают о переезде во Францию и многолетней работе на благо французской авиапромышленности. Часто пишут, что по итогам этой деятельности Владимир Александрович был удостоен ордена Почетного легиона.

Однако в официальном списке кавалеров этого высшего ордена Французской республики фамилия Лебедев не значится. Возможно, биографы перепутали двух братьев — достоверно известно, что Алексей Александрович Лебедев, продолживший свои исследования в области двигателестроения и в эмиграции, был удостоен Академической пальмовой ветви и избран членом Французской академии.

Про нашего героя известно, что он скончался 22 февраля 1947 г. в Париже, где и был похоронен. Часто местом упокоения его праха называют наиболее известное русское кладбище в Сен Женеьев де Буа, однако, сохранилась ли его могила до настоящего времени — не известно.

Таким образом, человек, столь много сделавший для развития отечественной авиации и авиапромышленности, один из трех русских, входящих в число ста первых пилотов мира, остается по-прежнему личностью неизвестной. Лучше всего изучена история основанных им заводов, но деятельность Владимира Александровича Лебедева не сводилась только к промышленности и производству. Он был спортсменом, автомобилистом, летчиком, и, наконец, настоящим русским человеком, который до последнего пытался спасти свою родину от большевизма.

Необходимо проведение архивных изысканий, которые помогут установить происхождение авиатора и описать первые годы его жизненного пути — когда и формируется личность. В конце концов стыдно для нас не знать даже точной даты рождения одного из первых пилотов России.

Необходимо продолжать поиски и за рубежом, чтобы восстановить путь авиатора в эмиграции. Недавние успехи российского исследователя Андрея Мятиева, сумевшего отыскать во Франции следы друга и коллеги Владимира Лебедева, Андрея Платоновича Нагеля, внушают надежду. Имя одного из создателей русской авиации не должно быть забыто, а его жизненный путь должен послужить примером для подражания потомкам.

БИБЛИОГРАФИЯ

Биржевые ведомости, 9 октября 1910 года.

Дузь П.Д. История воздухоплавания и авиации в России. М., Машиностроение 1989

Кирилец С. Пионер автомобилизма и воздухоплавания // Портал «Грузовикпресс». [Эл. ресурс] URL: <http://www.gruzovikpress.ru/article/2988-biografiya-v-a-lebedeva-osnovatelya-yamz-pioner-avtomobilizma-i-vozduhoplavaniya/> дата обращения — 29.12. 2018

Ткаченко С. Инвалидная слобода — дорога в небо // Пензенские исторические чтения. [Эл. ресурс] URL: <https://sites.google.com/site/penzakotoroinet/penza-kotoroj-n-t/i-i-j/invalidnaa-sloboda> дата обращения — 29.12. 2018

Тюстин А.В., Шишкин И.С. Пензенская персоналия. Славу Пензы умножившие. [В 3 т.]. Т. 1 (А-Л).: [биогр. слов.]. Пенза, 2012.

Сайт «Исторический Таганрог» [Эл. ресурс] URL: <https://sites.google.com/site/istorices-kijtaganrog/ziteli/e-l/lebedev-vladimir-aleksandrovic> — дата обращения 29.12.2018

Ярославский краеведческий сайт [Эл. ресурс] URL: <http://yarcenter.ru/articles/history/yaroslavl-avtomobilnyy-29027/> — дата обращения 28.12.2018

Сведения об авторах и аннотации статей

Алексеев Сергей Викторович — доктор исторических наук, профессор, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры.

Князь Олег Вещий: эпос и история

В статье рассматриваются источники об эпохе и личности Олега Вещего, первого исторического князя Руси. Показывается коренное несовпадение восходящей через летопись к устной традиции «канонической» биографии князя с данными, получаемыми из суммы синхронных и достоверных источников. Обрисованы вероятные механизмы складывания устной традиции об Олеге и формирования его летописного образа.

Ключевые слова: Древняя Русь, источниковедение, летописи, устная традиция, предания, эпос, Олег Вещий.

Володихин Дмитрий Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Митрополит Московский и всея Руси Дионисий Грамматик как предполагаемый автор идеи об учреждении патриаршей кафедры в Москве

В статье выдвигается и обосновывается гипотеза, согласно которой автором идеи об учреждении патриаршей кафедры в Москве являлся митрополит Московский и всея Руси Дионисий Грамматик.

Ключевые слова: Московское царство, Русская Церковь, Московская митрополия, Московская патриархия, учреждение патриаршества, Дионисий Грамматик.

Богданов Андрей Петрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Прения с греками о вере Арсения Суханова и малороссийские дела

Статья раскрывает обстоятельства создания Арсением Сухановым его посольского отчета летом 1650 г. и объясняет содержание этого выдающегося памятника русской публицистики, утверждающего центральное место России в мировом православии: «Прений с греками о вере».

Ключевые слова: Арсений Суханов, Прения с греками о вере, Русское Православие, Православный Восток, Раскол.

Анохина Анастасия Вячеславовна — специалист информационно-статистического отдела Управления учебно-методической деятельности и дополнительного образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Исторические взгляды А.А. Бестужева

В статье рассматриваются исторические взгляды А.А. Бестужева (Марлинского). Обосновывается преимущественное влияние романтизма на исторические воззрения писателя.

Ключевые слова: А.А. Бестужев-Марлинский, историческая проза, историография, романтизм.

Соловьев Кирилл Андреевич — доктор исторических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Дмитрий Олсуфьев: на идеологическом перепутье

Статья посвящена политической биографии одного из лидеров земского движения, а также «Союза 17 октября» Д.А. Олсуфьева. Особое внимание уделено эволюции его

политических взглядов, его месту в истории земского либерализма, дворянских корпоративных организаций, партийных объединений начала XX в.

Ключевые слова: земство, либерализм, консерватизм, дворянство, Государственный совет

Елисеев Глеб Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент, председатель Ревизионной комиссии Историко-просветительского общества «Радетель», член Союза писателей России.

В.В. Розанов о событиях 1917 года. Эволюция взглядов писателя в его постреволюционной публицистике

Рассматривается эволюция воззрений и оценок В.В. Розановым революционного процесса 1917 г. На материале постреволюционной публицистики писателя демонстрируется крайняя непоследовательность его взглядов на революционные события.

Ключевые слова: В.В. Розанов, революция 1917 г., интеллигенция, публицистика.

Иртенина Наталья Валерьевна — член Союза писателей России.

Русский инженер, один из «Промпартии»: А.А. Федотов

На основе доступных источников восстанавливается биография А.А. Федотова — видного русского инженера и общественного деятеля, одного из главных обвиняемых на процессе «Промпартии».

Ключевые слова: А.А. Федотов, русская техническая интеллигенция, «буржуазные специалисты», «Промпартия», политические репрессии

Музафаров Александр Азизович — директор Центра информационных и социологических программ Фонда исторической перспективы.

Владимир Александрович Лебедев: загадки биографии

Прослеживается жизненный путь одного из пионеров русской авиации и авиастроения — В.А. Лебедева. Отмечаются спорные и непроясненные детали его биографии.

Ключевые слова: история русской авиации, история русского авиастроения, В.А. Лебедев.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

Требования к предоставляемым материалам.

Материалы, предлагаемые для публикации в альманахе «Историческое обозрение», просьба присылать в редакцию с использованием электронной почты (сохранение в форматах DOC, DOCX, RTF). Объем статьи не должен превышать 40000 знаков (за исключением случаев, предварительно согласованных с редакцией в персональном порядке). Просьба придерживаться при наборе следующих параметров: поля по 2,5 см, шрифт 14, Times New Roman, междустрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине (заголовки по центру), абзац с отступом 1,25 см, автоматический перенос слов, контроль висячей строки. Нумерацию страниц при наборе просьба не проставлять. Ссылки даются в скобках в тексте с указанием фамилии автора или первых слов названия публикации и ее страниц: (Иванов, 1984: 656) или (Исторический сборник, 1967: 341). В конце материала (за исключением эссе и рецензий) должен прилагаться приставный список литературы, оформленный согласно ГОСТ. Просьба полностью указывать фамилию, имя, отчество, место работы или обучения, должность (должности), ученую степень и звание.

Порядок публикации

Не позже чем через месяц после представления материала автор будет уведомлен о решении редколлегии альманаха по вопросу публикации. В случае отказа в публикации редколлегия направляет автору мотивированный отказ. Все рукописи рецензируются. Редколлегия в обязательном порядке предоставляет рецензии по запросам авторов рукописей. Соблюдение авторских прав гарантируется. Редакция оставляет за собой право публиковать альманах в сети Интернет, а также предоставлять тексты статей в системы научного цитирования. Публикация бесплатная. Материалы, принятые к публикации в альманахе, не могут быть представлены в другие издания; в противном случае решение о публикации пересматривается. Автору каждой статьи предлагается бесплатный авторский экземпляр альманаха.

e-mail: iporadeta@mail.ru

Главный редактор альманаха: Алексеев Сергей Викторович